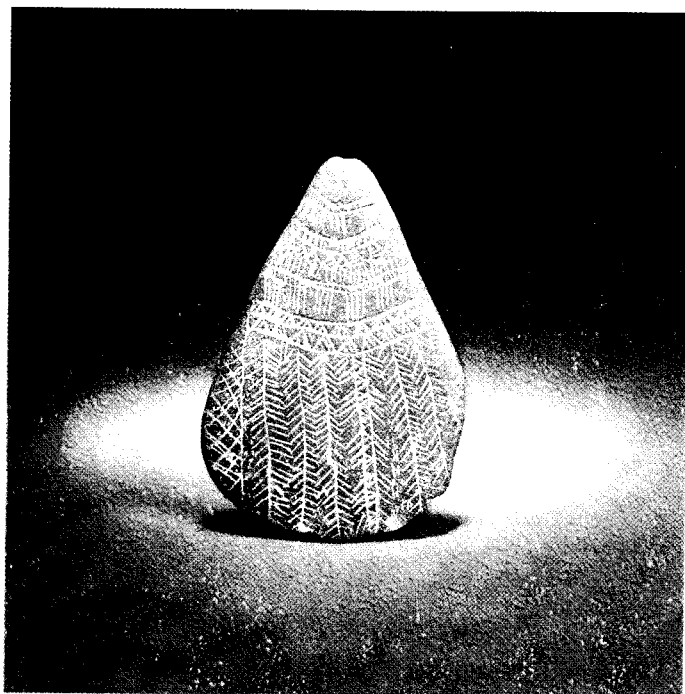
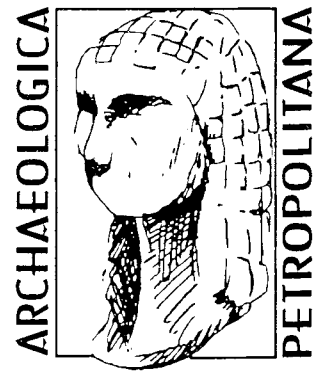

Д. Г. САВИНОВ

**ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ХАКАСИИ**

ТОРГАЖАК

**ST. PETERSBURG STATE UNIVERSITY
HISTORICAL DEPARTMENT**

D. G. SAVINOV

**ANCIENT SETTLEMENTS
OF CHAKASIA**

TORGAJAK

St. Petersburg
1996

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Д. Г. САВИНОВ

**ДРЕВНИЕ ПОСЕЛЕНИЯ
ХАКАСИИ**

ТОРГАЖАК

Санкт-Петербург
1996

*Утверждено к печати Ученым советом
исторического факультета
Санкт-Петербургского Государственного университета*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 96—01—16033)*

С 13 **Савинов Д. Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак.** — СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. — 112 с. (Archaeologica Petropolitana, II).

ISBN 5—85803—073-4

Южная Сибирь (Минусинская котловина) — страна древних и ярких культур, но различные виды археологических памятников здесь изучены неравномерно. Лучше всего исследованы могильники, меньше всего — поселения. Поселение Торгажак — самое крупное из всех известных в настоящее время поселений эпохи поздней бронзы — находится на юге Минусинской котловины. Раскопки поселения производились в 1988—1990 гг. На исследованной части поселения (более 1300 кв. м) находилось семь жилищ. Из них пять расположены вокруг открытой «площади», имевшей, скорее всего, ритуальное назначение. Найдено большое количество (более 150) предметов из бронзы, кости, рога и камня; несколько тысяч фрагментов керамики от 300—400 сосудов. Из них реконструировано 202 сосуда. Среди находок как наиболее интересные можно отметить бронзовые серпы, зернотерки, наконечники стрел, предметы конской упряжи, каменные крышки от сосудов и др. Особое значение имеют произведения искусства — каменное изваяние и плитки с изображениями лошадей, найденные в специально оборудованных нишах; многочисленные антропоморфные и геометрические рисунки на гальках (222 экз.), представляющие новый, до сих пор неизвестный вид древнего народного творчества. Поселение относится к позднему этапу карасукской культуры и датируется X—IX вв. до н. э. Судя по имеющимся данным, жители Торгажака занимались скотоводством, охотой, земледелием и, скорее всего, вели полуседлый образ жизни. Найденные предметы конской упряжи свидетельствуют об освоении уже в это время верхового коня. Полученные материалы позволяют выявить различные традиции, участвовавшие в сложении культуры эпохи поздней бронзы Минусинской котловины. Одна из них связана с группами пришлого населения из Центральной Азии. Поселение Торгажак преимущественно использовалось в летнее время, когда здесь проходили сезонные (осенние или весенние) праздники. Характер изображений на гальках и находки на «площади» позволяют предполагать, что они были связаны с идеей реинкарнации, обеспечением жизненного цикла женщин и рождением детей. Таким образом, постройки Торгажака могут одновременно рассматриваться и как самые ранние «храмовые» сооружения древнего населения Южной Сибири.

Издание рассчитано на археологов, историков, этнографов и всех интересующихся памятниками древней культуры.

На первой странице обложки: Галька с антропоморфным изображением из поселения Торгажак.

Набор — *Г. А. Няшина*. Корректор и редактор — *И. П. Сологуб*.
Технический редактор — *Л. И. Гохман*. Выпускающий редактор — *Д. Ильин*
Макет подготовлен Центром «Петербургское Востоковедение»
ЛР № 061800 от 16.11.92.

Издательство **Центр «Петербургское Востоковедение»**
191186, Россия, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18
Подписано в печать 20.11.96. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура основного текста «Таймс». Печать офсетная.
Объем 14 п. л. Заказ № 474

Отпечатано в России.
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

**Исключительное право на распространение
настоящего издания в России
и за ее пределами принадлежит
Центру «Петербургское Востоковедение»**

ISBN 5—85803—073-4

© Санкт-Петербургский Государственный
университет, 1996
© Центр «Петербургское Востоковедение», 1996

Зарегистрированная торговая марка

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Глава I. Поселения эпохи поздней бронзы Минусинской котловины	9
Глава II. Общая характеристика и сооружения поселения Торгажак	13
Глава III. Вещественные находки из поселения Торгажак	23
Глава IV. Керамика поселения Торгажак (<i>И. П. Лазаретов</i>)	33
Глава V. Гравированные гальки Торгажака	38
Заключение	46
Таблицы	49
Подписи к таблицам	101
Литература	103
Summary	106

ВВЕДЕНИЕ

Минусинская котловина (совр. Республика Хакасия)¹, расположенная в северной части Саяно-Алтайского нагорья, — страна древних и ярких культур, по праву называемая «сибирской Троей». Последовательно, от эпохи к эпохе, здесь, в долине Среднего Енисея, «откладывались» многочисленные следы пребывания людей, населявших в древности этот благодатный край. На основе анализа материалов археологических памятников Минусинской котловины еще в 20-х гг. С. А. Теплоуховым была создана периодизация древней истории Южной Сибири [Теплоухов, 1929], ставшая эталонной для изучения культурогенеза Сибири в целом и во многом сохраняющая это значение и в наши дни. Знаменитые «минусинские бронзы», хранящиеся во многих музеях мира, составили славу отечественной археологии. Вместе с тем, несмотря на обилие источников, различные виды археологических памятников представлены в Минусинской котловине неравномерно.

До сих пор минусинская археология — это в первую очередь археология курганов, исчисляемых здесь тысячами и составляющих неотъемлемую часть исторического пейзажа приенисейских степей. Затем — археология наскальных изображений, каменных изваяний; и только в последнюю очередь — археология поселений, число которых в сотни раз уступает количеству известных могильников. Такое соотношение погребальных и поселенческих комплексов, несомненно, создает одностороннее (если не искаженное) представление о характере развития минусинских культур, так как известно, что погребальный обряд и набор предметов сопроводительного инвентаря, как бы впечатляющи они

ни были, в большей степени отражают сакрализованную, обусловленную мировоззрением и ритуалом, сторону жизни древних обществ. За пределами внимания исследователей при таком соотношении источников в значительной мере остается то, что принято называть бытовой или традиционной культурой во всем многообразии и сложностях ее проявлений. Сюда относятся планиграфия поселений и архитектура жилых и хозяйственных построек; следы хозяйственной и производственной деятельности — металлургии, деревообрабатывающего, костерезного и керамического производства; многочисленные предметы бытового (утилитарного) назначения и произведения изобразительного искусства. Исключительно велика роль поселенческого материала в палеодемографических, социально-экономических реконструкциях и т. д. Традиционная или бытовая культура, будучи наиболее тесно связана с местными физико-географическими условиями, обладает большей стабильностью во времени, меньше подвержена различного рода инновациям, влияющим на внешнюю сторону оформления культуры. Поэтому можно думать, что если бы периодизация древних минусинских культур была изначально произведена на основе поселенческих материалов, она бы не обладала существующей четкостью разграничения отдельных исторических периодов, хотя общая последовательность появления и взаимодействия культурных традиций, вероятно, осталась бы прежней.

Парадоксально, но факт: судя по данным Э. Б. Вадецкой [Вадецкая, 1986], по сравнению с которыми мало что изменилось и в наши дни, для всей эпохи бронзы Минусинской котловины, охватывающей около двух тысячелетий сложнейшей этнокультурной истории, известно всего около двух десятков местонахождений древних поселений, из которых половина относится к эпохе поздней бронзы (о них подробнее будет сказано в главе I). На стоянках и поселениях эпохи ранней и средней бронзы общий объем вскрытых площадей составляет всего око-

¹ Географически в бассейне Среднего Енисея выделяется четыре отдельные котловины — с севера на юг: Назаровская, Чулымо-Енисейская, Сыда-Ербинская и собственно Минусинская. Однако в историко-культурном отношении данная территория представляла собой единое целое, что не исключает локального своеобразия археологических памятников. В настоящей работе понятие «Минусинская котловина» употребляется именно в таком — историко-культурном значении.

ло 1500 кв. м; по-настоящему раскопано только одно жилое сооружение (и то очень плохой сохранности) андроновской культуры в ур. Ключи около оз. Сухое в средней части Минусинской котловины [Максименков, 1978, с. 46—49].

Сказанное определяет актуальность всех исследований, связанных с изучением древних поселений Минусинской котловины. Самое крупное из них — это поселение Торгажак, расположенное на юге Хакасии и исследованное в 1988—1990 гг. Общая площадь только раскопанной части поселения составляет более 1300 кв. м. Однако уникальный характер данного памятника заключается не только в его размерах, но и в особенностях планиграфии поселения; в том, что здесь впервые были обнаружены остатки хорошо сохранившихся деревянных конструкций, позволяющие реконструировать первоначальный облик жилищ; найдена большая серия керамических сосудов, изделий из камня, кости и рога и главное — многочисленные гравировки на гальках и каменных плитках, представляющие новый вид традиционного («народного») искусства древнего поселения минусинских степей.

Материалы Торгажака уже привлекали к себе внимание исследователей. Первое сообщение о раскопках этого памятника было опубликовано в 1991 г. [Савинов, 1991]. Опираясь на особенности планировки жилищ, реконструируемых по материалам Торгажака, М. А. Дэвлет высказала предположение, что таким же образом, как изображения «домов в плане», можно интерпретировать некоторые петроглифы геометрического характера из Внутренней Монголии, Горного Алтая и Тувы [Дэвлет, 1992]. По мнению Ю. А. Заднепровского, найденная в Торгажаке керамика с росписью свидетельствует о связях с населением Восточного Туркестана, наиболее близкой по отношению к Южной Сибири, области распространения культур с росписной керамикой [Заднепровский, 1993, с. 102]. Торгажакский керамический комплекс в целом был использован И. П. Лазаретовым при разработке хронологии памятников эпохи поз-

дней бронзы Минусинской котловины [Лазаретов, 1991] и при выделении центральноазиатского центра валиковой керамики [Лазаретов, 1993]. Несколько гравированных галек из Торгажака опубликовано автором в связи с поиском южных истоков культуры нганасан [Савинов, 1995, рис. 1—3] и Л. А. Соколовой при реконструкции детской колыбели из погребения окуневской культуры [Соколова, 1995, рис. 1, 3, 4]. Уже этот краткий перечень работ, в которых так или иначе затронуты вопросы, связанные с исследованием Торгажака, показывает необходимость полной публикации материалов этого памятника, чему и посвящена данная монография. Глава IV («Керамика поселения Торгажак»), включенная в общий контекст изложения, написана И. П. Лазаретовым.

В разные годы раскопки отдельных жилищ на Торгажаке проводились под руководством М. Л. Подольского, И. П. Лазаретова, Л. И. Ревы. Активное участие в работах на поселении принимали Е. Д. Паульс, К. В. Чугунов, С. В. Хаврин, Л. А. Соколова, Б. Н. Пяткин. В лабораторных условиях керамический материал обработан И. П. Лазаретовым, гравированные гальки — Л. А. Соколовой. Остеологические определения — А. В. Гальченко и М. В. Саблина. Спектральный анализ проведен в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа (аналитик М. Б. Днепровская; сведения получены от С. В. Хаврина). Определение радиоуглеродных дат производилось в лаборатории археологической технологии ИИМК РАН (зав. лабораторией Г. И. Зайцева). При определении пород камня автор пользовался консультациями доцента кафедры литологии СПбГУ Э. И. Сергеевой. Пользуюсь случаем принести всем товарищам и коллегам, принимавшим участие в открытии и обработке материалов Торгажака, самую глубокую благодарность. Особая признательность Л. А. Соколовой, взявшей на себя нелегкий труд исполнения всех рисунков к таблицам, без чего эту книгу вряд ли было бы целесообразно публиковать.

ГЛАВА I.

ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Эпоха поздней бронзы, обычно выделяемая в Минусинской котловине как карасукская культура (XI—VIII вв. до н. э., по хронологии Э. Б. Вадецкой [Вадецкая, 1986, с. 65]), — одна из наиболее динамичных в древней истории Южной Сибири. Широкое распространение колесниц (судя по многочисленным наскальным изображениям), а затем и освоение верхового коня (судя по первым находкам предметов конской упряжи — псалиям) привели к значительно большей мобильности населения, чем в предшествующее время. Как показывают исследования последних лет, именно в этот период были заложены основы яркой и своеобразной культуры ранних кочевников, во многом определившие дальнейшее развитие всех степных народов Евразии.

Вопросы происхождения, хронологии и периодизации памятников карасукской культуры давно находятся в центре внимания исследователей. Не вдаваясь в детали всех культурно-генетических аспектов данной проблемы, подробно изложенных в работах Э. А. Новгородовой [Новгородова, 1970, с. 10—32], Н. Л. Членовой [Членова, 1972, с. 5—12], Э. Б. Вадецкой [Вадецкая, 1986, с. 60—64] и др., остановимся только на одном из вопросов, для решения которого поселенческие материалы имеют первостепенное значение, а именно — о существующих взглядах на соотношение двух групп памятников, выделяемых в эпоху поздней бронзы на территории Минусинской котловины. Первые — это «классические» карасукские памятники с характерной круглодонной керамикой, орнаментированной по тулову, и гладким венчиком, представляющие собственно карасукскую культуру. Вторые — «атипичные» комплексы, с керамикой яйцевидной или плоскодонной формы, гладким туловом и орнаментированным венчиком. Погребения, из которых происходит керамика того или иного типа, различаются также между собой по внут-

римогильным сооружениям, обряду захоронения и некоторым видам бронзовых изделий в составе сопроводительного инвентаря.

После раскопок поселения Каменный Лог I, где была найдена большая серия «атипичной» керамики, памятники с керамикой этого вида были отнесены М. П. Грязновым к позднему — каменноложскому — этапу карасукской культуры, X—IX вв. до н. э. [Грязнов, 1965, с. 66; 1979, с. 4], непосредственно предшествующему тагарской культуре. Такого же мнения придерживался Г. А. Максименков [Максименков, 1975]. Это определение соответствовало традиционному мнению об однолинейном характере развития минусинских археологических культур, а также о невозможности одновременного существования здесь различных культурных комплексов. Те же «атипичные» памятники М. Д. Хлобыстина выделяет в качестве самостоятельной (бейской) группы; причем на основе типологического сходства бронзовых коленчатых ножей с составными окуневскими ножами и яйцевидной формы сосудов с керамикой афанасьевской культуры считает эту группу более ранней, чем «классическая» карасукская [Хлобыстина, 1963]. Таким образом, взгляды М. П. Грязнова и Г. А. Максименкова, с одной стороны, и М. Д. Хлобыстиной, с другой, на хронологическое положение памятников, называемых «бейскими» или «каменноложскими», противоположны. Точке зрения М. Д. Хлобыстиной близка позиция Э. А. Новгородовой, разделяющей памятники карасукского времени на две группы могильников, из которых Первая (северная) образовалась в результате смешения местного андроновского и пришлого центральноазиатского населения, а Вторая (южная) сформировалась на основе афанасьевско-окуневских традиций. Как считает Э. А. Новгородова, представители обеих групп, различаясь этногенетически, существовали практически одновременно и

тесно контактировали друг с другом [Новгородова, 1970, с. 171—176]. По мнению Н. Л. Членовой, рассматриваемые памятники («каменноложские», по М. П. Грязнову; «бейские», по М. Д. Хлобыстиной; Первая группа могильников, по Э. А. Новгородовой) вообще относятся к отдельной археологической культуре, названной ею по наименованию Лугавского поселения, открытого В. П. Левашовой в 1938 г. — лугавской. Лугавская культура, по Н. Л. Членовой, сложилась на основе местных неолитических и афанасьевских традиций и сосуществовала с карасукской. Наряду с карасукской и лугавской культурами, в Минусинской котловине выделяются и другие группы памятников, в том числе и раннетагарские [Членова, 1967, табл. 46; 1972, с. 117—130]. Общими для всех этих исследований, несмотря на различие в терминологии, являются представление о многолинейном характере культурогенеза и признание возможности сосуществования на территории Минусинской котловины различных археологических культур. Мнение Н. Л. Членовой о самостоятельном «статусе» лугавской культуры в настоящее время разделяют В. В. Бобров [Членова, Бобров, 1991; Бобров, 1993] и И. П. Лазаретов [Кузьмин, Лазаретов, 1995]. Э. Б. Вадецкая, придерживаясь взгляда М. П. Грязнова на «атипичные» памятники как поздний (каменноложский) этап карасукской культуры, допускает возможность сохранения в них сильно измененных афанасьевских и окуневских традиций, а также вероятность выделения более ранних и поздних каменноложских комплексов [Вадецкая, 1986, с. 63—64].

Для подобных предположений сейчас имеются все основания. Известно, что андроновская экспансия охватила только северные районы Минусинской котловины, так что на юге в конце II — начале I тыс. до н. э. вполне могли сохраняться (или быть оттеснены в эти районы) группы населения доандроновского времени. Весьма велика вероятность и проникновения сюда пришедших этнических групп из соседних областей Центральной Азии. Теоретически возможно сосуществование ранних карасукцев на юге и поздних андроновцев на севере. Эти и многие другие вопросы, пока выдвигаемые в качестве гипотез, еще ждут своего исследования, где одним из главных источников должен стать поселенческий материал.

Обращаясь к этой теме, следует еще раз отметить, что карасукская культура, независимо от существующих разногласий в оценке ее внутреннего содержания, представлена в основном материалами многочисленных могильников. Количество же известных в настоящее время поселений насчитывает, по сводке Э. Б. Вадецкой 1986 г. [Вадецкая, 1986, с. 65—76], — 8; с открытием Торгажака и позднее исследованного поселения у дер. Бырганов — всего 10 местонахождений. Из них на поселениях Каменка IV, Те-

псей XII, Устинкино II, Ярки III, Сидоркин Ложок (Усть-Киндерла) производились только частичные раскопки, давшие в количественном отношении незначительный материал [Теплоухов, 1927, с. 102—105, табл. XV; Грязнов, 1979а, с. 39; Членова, 1972, табл. 54; Савинов, 1976, с. 275; Савинов, Бобров, 1983, рис. 25, 1—4; Вадецкая, 1986, с. 68, 69, 73, 74, 76]. Остальные поселения, на которых полностью исследованы остатки одного или нескольких жилищ, заслуживают специального рассмотрения.

В 1938 г. В. П. Левашовой было раскопано три жилища, расположенных на дюне около с. Лугавского на правом берегу Енисея, давших впоследствии название лугавской культуре (по Н. Л. Членовой). Сохранились придонные части трех котлованов, вытянутых в цепочку в направлении ЮЗ—СВ, прямоугольной или округлой формы, размером 3,5 x 3,3 м; 2,7 x 1,7 м; 1,7 x 1,5 м. Жилище 2 (среднее) явно было сооружено позже, так как его края перекрывают стенки жилищ 1 и 3. Дно котлованов плоское, стенки покатые. По стенкам и на дне жилища 1 зафиксированы остатки деревянных конструкций. Около стен располагались очажные ямы, заполненные пережженной землей, золой и костями животных. В жилище 1 очаг находился с «напольной» стороны, на расстоянии 75 см от угла котлована. В. П. Левашова определила раскопанные жилища как полужемлянки, но отметила, что наружные стены могли отстоять от края котлованов и в таком случае исследованные сооружения являлись только центральным углублением пола жилищ [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1938, д. 42]. Материалы Лугавского поселения (керамика и несколько бронзовых предметов) опубликованы Н. Л. Членовой [Членова, 1972, табл. 53].

В 1961—1964 гг. М. П. Грязновым и М. Н. Комаровой проводилось исследование поселения Каменный Лог I в долине р. Карасук на левом берегу Енисея, давшего название памятникам каменноложского этапа карасукской культуры. До начала раскопок на поверхности были видны 5—6 западин продолговато-прямоугольной формы, расположенных цепочкой в направлении С—Ю. Площадь каждой западины составляла 50—70 кв. м. Всего было раскопано пять западин, оказавшихся жилищами полужемляночного типа. Материалы поселения Каменный Лог I остались неопубликованными, и развернутая интерпретация их, к сожалению, не отражена в работах М. П. Грязнова. Поэтому несомненный интерес для понимания этого памятника и эпохи в целом представляет оценка результатов исследования, данная М. П. Грязновым по «свежим» следам — в 1965 г. в специальном выпуске «Кратких сообщений Института археологии», посвященном важнейшим археологическим открытиям. «Удачей экспедиции, — писал М. П. Грязнов, — надо считать открытие поселения и шести могильников позднекарасукского времени (X—VIII вв. до н. э.),

названного нами каменоложским этапом по поселению Каменный Лог I. На поселении раскопано пять больших землянок (М. Н. Комарова). Впервые исследованные на Енисее землянки эпохи бронзы дали нам большой и яркий материал для изучения хозяйства и быта позднекарасукских племен. Это было оседлое население, занимавшееся земледелием и пастушеским скотоводством. Интересны находки, проливающие свет на вопрос об освоении коня для верховой езды, — роговые псалии для безудильной узды и характерная стертость зубов у лошади, не знавшей металлических удиц. Множество таких находок, как обломки глиняных форм, глиняная посуда, разные заготовки, недоделанные и неудавшиеся предметы, фрагменты различных костяных изделий, зернотерки, бронзовые орудия и пр., дают наглядное представление о труде и быте обитателей землянок» [Грязнов, 1965, с. 66].

Подробные сведения имеются об одном из пяти раскопанных жилищ (землянка 1), расположенном посередине цепочки. В 1961 г. была вскрыта юго-западная половина жилища, определены его ширина (9 м) и глубина пола относительно уровня современной поверхности (1,2—1,3 м); открыты следы кострища у западной стенки и ямки на площади жилища, предположительно хозяйственного назначения [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1961, д. 65]. В 1962 г. были произведены раскопки второй половины жилища (землянка 1), и представления о нем являются достаточно полными. Это был котлован неправильной-прямоугольной формы, длиной 14 (от 13,5 до 15) м и шириной 9 (от 8 до 10) м, ориентированный по длинной оси в направлении ЮЗ—СВ. Общая площадь его составляла 130 кв. м. Середина пола была несколько углублена, вероятно — в результате его расчистки. На площади жилища обнаружены 36 ям, различающихся по размерам, форме и глубине (от 15 до 30—38 см); однако столбовых ям среди них, по всей вероятности, нет, и характер перекрытия остается неясным. В некоторых ямках находились обломки костей животных, фрагменты керамики и отдельные вещи. В двух местах зафиксированы кострища в виде округлых скоплений (диаметром около 50 см) обожженной земли, углей и золы, но какого-либо специального очажного устройства не обнаружено.

Жилище имело два входа (или выхода). Один — с северо-восточной стороны, — в виде узкого длинного коридора, длиной 6—7 м и шириной около 1 м, плавно поднимался к уровню древней поверхности и был облицован по стенкам на протяжении 2,5 м от края котлована тонкими каменными плитками. Другой — с южной стороны, — шириной около 0,7 м, шел горизонтально, на расстоянии 4 м от землянки расширялся и, по-видимому, вел в другое (соседнее) помещение. Однако, как отмечает М. П. Грязнов, этот ход был открыт в конце сезона и «мы

не имели возможности исследовать, куда он ведет» [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1962, д. 64]. В землянках поселения Каменный Лог I найден многочисленный вещественный материал, из которого можно выделить большую серию керамики (остатки не менее 150 сосудов), зернотерки, роговой трехдырчатый псалий, обломки глиняных литейных форм, бронзовый наконечник копья зажимного типа, различного рода поделки из камня, кости и рога, многочисленные кости животных. Краткая информация об этих находках содержится в работе Э. Б. Вадецкой [Вадецкая, 1986, с. 74].

В 1976 г. Э. А. Севастьяновой было исследовано одно жилище под горой Тунчух (в 6 км к ЮЗ от ст. Аскиз). Общая площадь поселения, большая часть которого была уничтожена многолетней распашкой, предположительно, по данным Э. А. Севастьяновой, составляла 45000 кв. м [Севастьянова, 1977, с. 241]. Раскопанное жилище, одно из лучших всех сохранившихся, судя по отчету Э. А. Севастьяновой [Архив ИА, Р-1, № 6378], имело наземный характер. Однако не исключено, что и здесь был неглубокий котлован (глубиной до 0,4 м), облицованный по стенкам вертикально вкопанными плитами. Жилище имело прямоугольную форму (9 x 10 м) и было ориентировано сторонами по странам света (с небольшим смещением). Вся наземная часть сооружения сгорела; на площади пола, ограниченной каменными плитами, находились остатки сгоревших деревянных конструкций и следы глиняной обмазки. Посередине пола зафиксированы расположенные в два ряда ямы от опорных столбов; более мелкие ямки находились по стенкам сооружения. Так же как и в каменоложской землянке, в жилище имелось два входа в виде узких коридоров (шириной 1,2 м и длиной 1,4; 2 м), прилегавших к южному и западному углам сооружения. Вполне вероятно, что хотя бы один из них являлся переходом в соседнее жилище, тем более что в непосредственной близости «находились остатки еще каких-то сгоревших сооружений прямоугольной формы» [Севастьянова, 1977, с. 241]. Найдены немногочисленные: несколько фрагментов орнаментированной керамики, камень-подвес (?) с выемками на одной стороне, круглая каменная плитка, несколько изделий из кости.

В 1990 г., уже после завершения работ на Торгажаке, И. П. Лазаретовым при раскопках могильника Бырганов V, расположенного между пос. Усть-Есь и дер. Бырганов (приблизительно в 10 км севернее Торгажака), были обнаружены остатки еще одного поселения, состоявшего из четырех жилищ. Из них два, сохранившиеся в виде золистых пятен, без опорных столбов (жилища 1, 2), по-видимому, представляли собой легкие каркасные постройки. От третьего (жилище 3) сохранился только один угол, все деревянные части сооружения сгорели, но, судя по

всему, оно было близко четвертому. Четвертое (жилище 4) — прямоугольной формы, с углубленным котлованом, по стенкам которого находились остатки деревянного сруба, с двумя рядами опорных столбов и входом с восточной стороны — наиболее близко торгажакским. Во всех четырех жилищах найдены остатки около 30 глиняных сосудов каменноложского (или лугавского, по И. П. Лазаретову) типа. Кроме того, найдены роговой псалий с отверстиями в разных плоскостях, различного рода поделки из кости и рога, каменные крышки для сосудов из оббитых плиток песчаника. Материалы поселения Бырганов пока не опубликованы [Архив ИИМК, ф. 35, оп. 1, 1990, д. 91].

Все рассмотренные поселения относятся к эпохе поздней бронзы, а точнее — к той группе памятников, которая именуется «каменноложской» или «лугавской», и представляют собой разные виды построек, что может объясняться как хронологическими, так и иными причинами. Из них наиболее вероятны две. 1. Различие в местоположении — степное левобережье или более тяготеющее к горно-лесным ландшафтам правобережье Енисея (расположенное на право-

бережье Лугавское поселение в этом отношении наиболее показательно). 2. Различие в сезонном характере использования — летние и зимние поселения, хотя четкое разграничение между ними по имеющимся материалам провести трудно (например, поселение Каменный Лог I, вероятно, могло функционировать как в летнее, так и в зимнее время). Вместе с тем, исходя из приведенных данных, можно отметить наиболее характерные черты сооружений левобережной части Енисея; обширные неглубокие котлованы, каркасно-столбовая конструкция, наличие двух входов, один из которых, по всей вероятности, является переходом в соседнее жилище. Все это вместе позволяет сформулировать тему «Поселения эпохи поздней бронзы Минусинской котловины» как самостоятельную историко-культурную проблему. Из всех известных в настоящее время поселений наиболее крупным как по масштабу проведенных работ, так и по количеству полученного материала бесспорно является поселение Торгажак, что придает ему характер опорного памятника.

ГЛАВА II.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СООРУЖЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТОРГАЖАК

Поселение Торгажак расположено на юге Минусинской котловины, в 2,5 км южнее улуса Полтаков (Аскизский район Республики Хакасия) на левом берегу р. Теи, по ближайшей из протоков которой (Торгажак) и получило свое название (табл. I). В настоящее время Торгажак находится как бы посередине степи; однако, судя по рельефу местности, одна из древних протоков р. Теи могла проходить значительно ближе к месту расположения поселения, и таким образом, скорее всего, первоначально оно находилось на берегу реки. Точная площадь поселения остается неизвестной, хотя, если судить по величине его исследованной части (более 1300 кв. м), она могла быть довольно значительной. Основные работы на поселении, оказавшемся в центре строящейся оросительной системы, производились в 1988—1989 гг. и носили спасательный характер. Частичное исследование отдельных участков, уже в условиях функционирования оросительной системы, осуществлено в 1990—1991 гг.

До начала раскопок поселение не имело никаких внешних признаков и было открыто, на первый взгляд, при случайных обстоятельствах, в процессе полного исследования курганного могильника подгорновского этапа тагарской культуры Есино II (VII—VI вв. до н. э., по М. П. Грязнову). На дне одного из каменных ящиков с детским захоронением (кург. 15, мог. 3), пристроенном к внешней стенке ограды, были обнаружены несколько лежащих параллельно обугленных деревянных плашек, уходящих в сторону, под нижний то-

рец одной из каменных плит. Дальнейшая расчистка в этом месте выявила остатки сплошного деревянного «настила», оказавшегося крайней западной частью покрытия крупного обрушившегося наземного сооружения (жилище 1), которое

Фото 1. С этого начиналось открытие Торгажака (Есино II, курган 15, могильник 3)

и было полностью исследовано в 1988 г. При этом в восточной стенке раскопа выявился край котлована соседнего (смежного) жилища (2), которое было раскопано в 1989 г. В этом же году по темноокрашенным заполнениям котлованов и остаткам переходов между ними были открыты и раскопаны еще три жилища (3, 4, 5), а также исследована расположенная между ними «площадь». Жилища 5 и отчасти 4 были нарушены траншеей для трубопровода. Жилище 5 было доследовано в 1990 г. Приблизительно в 35 м к востоку от основного комплекса сооружений в 1989 г. было открыто и раскопано еще одно жилище (6), а в 1991 г. частично доследовано смежное с ним жилище 7. Таким образом, всего на поселении Торгажак раскопано семь жилищ, распадающихся на два комплекса: жилища 1—5 с расположенной между ними «площадью» и находящиеся на некотором отдалении от них жилища 6, 7. Общая площадь исследованной части поселения составляет более 1300 кв. м.

История открытия поселения Торгажак достаточно показательна. Вполне вероятно, что и в других случаях в местах расположения могильников тагарской культуры и более позднего времени, в том числе и уже раскопанных, могли находиться древние поселения, полностью «скрытые» от глаз исследователей. В такой же ситуации при раскопках могильника начала тагарской культуры Бырганов V под несколькими курганами было открыто одноименное поселение, о котором говорилось выше. Скорее всего, это не является случайностью, а отражает определенную тенденцию «стяжения» более ранних поселенческих и более поздних погребальных комплексов, что необходимо учесть в будущих исследованиях. С другой стороны, это, возможно, объясняет разительную разницу в количественном соотношении могильников и поселений в Минусинской котловине, скрытых под более поздними курганами.

Характер расположения жилищ в раскопанной части поселения Торгажак и курганов на могильнике Есино II позволяет предполагать, что во время создания могильника часть сооружений на поселении, возможно, еще каким-то образом выделялась на поверхности, о чем свидетельствует несовпадение площадей поселения и могильника. Из 25 раскопанных курганов могильника Есино II только несколько (курганы 13—15, 21) перекрывают края котлованов жилищ, а остальные как бы «пристраиваются» к месту расположения поселения с западной и северной сторон. Результатом такого «соседства» явилась крайне незначительная мощность почвенного покрова на поселении, скорее всего снятого при сооружении насыпей расположенных рядом курганов.

Особенности планиграфии поселения восстанавливаются благодаря полностью раскопанному комплексу жилищ 1—5 с заключенной меж-

ду ними «площадью» (табл. II). Они расположены в форме буквы «П», открытой в сторону востока; при этом жилища 3 и 4, 4 и 5 были соединены переходами друг с другом, а жилища 2 и 3 имели выходы на «площадь». По некоторым наблюдениям можно предполагать, что переходами были также соединены между собой жилища 1 и 2, 1 и 3, хотя археологически это проследить не удастся. Таким образом, комплекс жилищ 1—5 представляет собой организованное пространство, состоящее из шести частей: пять крупных наземных сооружений по периметру и открытая «площадь» с восточной стороны. Какова была планиграфия комплекса, к которому относятся жилища 6 и 7, вскрытые лишь частично, сказать трудно. Но судя по наличию переходов между жилищами, она могла иметь аналогичный характер.

Раскопки поселения производились широкой площадью; однако спасательный характер работ и нарушение почвенного покрова привели к некоторым издержкам, ограничившим полностью полученной информации. Отсутствует общая стратиграфия поселения — остатки сооружений находились на очень небольшой глубине, непосредственно под гумусным слоем. Основная работа на поселении заключалась в выборке заполнения котлованов жилищ со всеми сохранившимися в них культурными остатками и многочисленных ям различного назначения. Особое внимание уделялось частным разрезам, показывающим детали конструктивных особенностей сооружений.

Поселение Торгажак было покинуто жителями единовременно; причем не в результате нападения, пожара или иного стихийного бедствия (практически отсутствуют сохранившиеся на месте развалы глиняных сосудов, крупные или какие-либо ценные вещи), а просто покинуто, сожжено ушедшими обитателями или позже. При этом некоторые обгоревшие части деревянных конструкций обрушились вниз, на дно котлованов, что обеспечило их сохранность. Лучше всего они сохранились в жилище 1; частично в жилищах 2, 4, 5; полностью выгорела деревянная часть сооружения в жилище 3. Затем какое-то время поселение стояло открытым, и остатки рухнувших сооружений на дне котлованов заносились песком, зарастали травой и постепенно исчезали с лица земли.

ЖИЛИЩЕ 1 (табл. III). Котлован правильной формы с длиной сторон 18,4 x 14,2 м, расположенный по длинной оси в направлении 3—В. Общая площадь котлована 262 кв. м; ориентировка сторонами по странам света. Наибольшая глубина сохранившейся части (у северной стенки) — 0,45 м. У самого края котлована посередине западной стенки были обнаружены деревянные плашки, с которых началось открытие поселения Торгажак. В процессе раскопок в юго-восточной части жилища, на

10—15 см выше верхнего слоя рухнувшего покрытия, был обнаружен стоящий (вкопанный?) глиняный сосуд с гладким туловом и косой насечкой по венчику — единственно целый во всей серии торгажакской керамики и бесспорно относящийся к каменоложской (или лугавской) керамической традиции. По условиям нахождения он должен относиться ко времени после того, как было разрушено поселение, хотя точный хронологический диапазон между ними, конечно, определить трудно.

Остатки деревянных конструкций в жилище 1 наиболее многочисленны. Стенки котлова-

по углам таким образом очерченного пространства были парными. Это основа несущей конструкции. Кроме того, отдельные ямки находились вдоль стенок и по углам котлована. Расположение остальных бессистемно; скорее всего, они относились к внутренним перегородкам или дополнительным столбам, поддерживавшим перекрытие жилища. В придонной части некоторых ям зафиксированы «пяточные» камни.

На площади жилища горизонтально или с легким наклоном к центру лежали многочисленные остатки тонких деревянных бревен, длиной от 1,5 до 4—4,5 м, составлявшие некогда

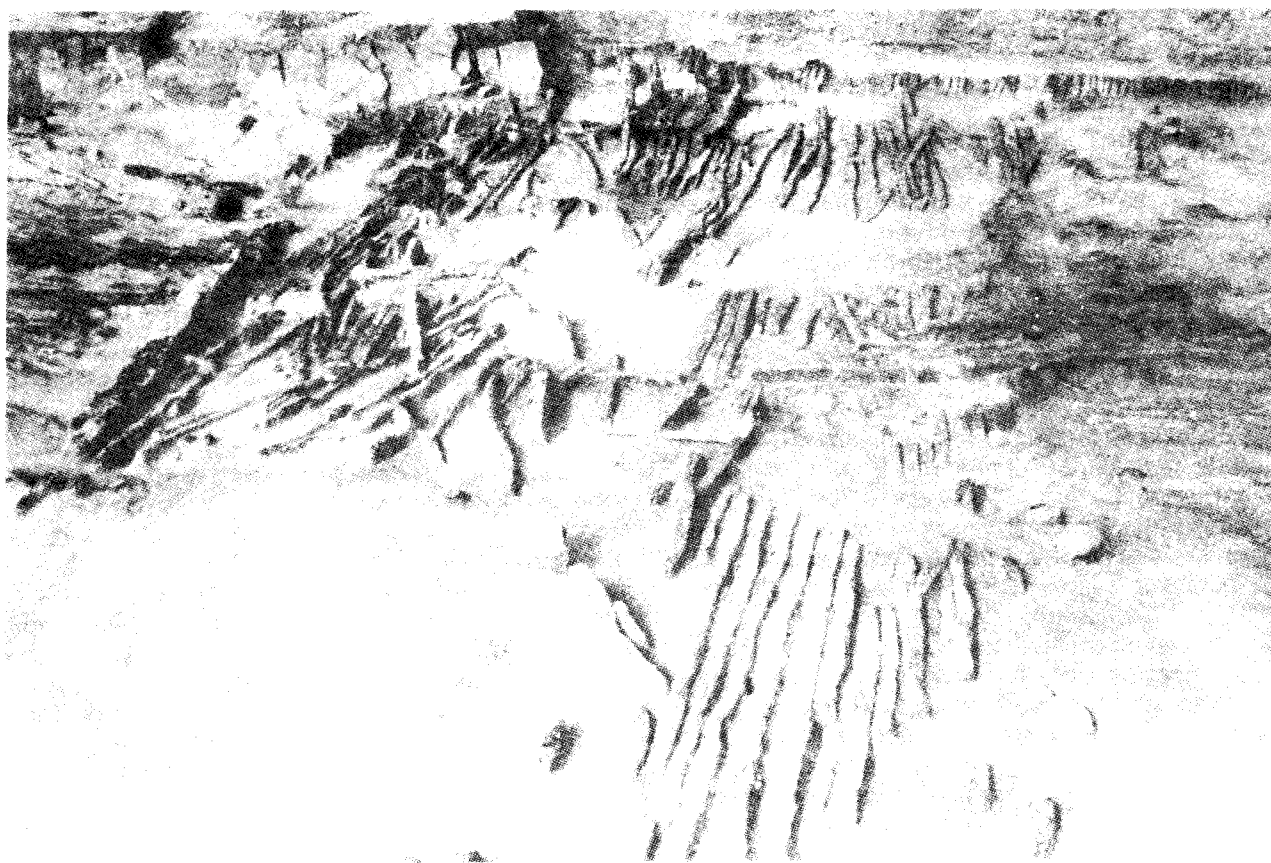

Фото 2. Жилище 1. Остатки деревянного покрытия (центральная часть). Вид с южной стороны

на по всему периметру были укреплены тыном из вплотную поставленных друг к другу столбиков, высотой до 35—40 см, нижний конец которых был опущен в специально сделанные для этого канавки. Остатки тына лучше всего сохранились по всей длине северной и западной сторон. На дне котлована находились многочисленные ямки различных размеров и профилировки. Среди них отчетливо выделяются ямы от опорных столбов (в некоторых из них сохранились сами основания деревянных столбов), расположенные правильными рядами и огибающие центральную часть сооружения. Столбы

наземную часть сооружения. Планиграфически они соответствуют расположению опорных столбов, зафиксированных на дне котлована. Приблизительно в средней трети каждой из сторон располагался сплошной «настил», перпендикулярный стенкам котлована. Сходящиеся к середине концы бревен «обрывались» по краям центральной части сооружения. Здесь же, с восточной и западной сторон, непосредственно над рядом опорных столбов находились крупные горизонтально положенные балки. Образовавшийся таким образом своеобразный «крест» позволяет предполагать, что стены жилища были сделаны

из наклонно поставленных бревен, а перекрытие центральной части, ограниченной опорными столбами, скорее всего, было плоским, двухслойным — из положенных перпендикулярно друг другу более коротких бревен. Очевидно здесь, посередине плоского перекрытия, находилось световое «окно», предположительно размером 1,5 x 2 м. Высота наземной части сооружения, при условной длине бревен, образовавших стены, 5 м и углу их наклона в 45° могла составлять около 3,5 м. Соответственно, вместе с глубиной котлована вся высота обитаемого пространства — около 4 м. Естественно, вдоль стен она была значительно меньше; однако и с учетом этого обстоятельства общая «кубатура» жилища представляется весьма значительной.

К сожалению, о деталях внутреннего оформления сказать что-либо определенное трудно. Сложность в данном случае заключается в том, что на дне котлована оказались «спрессованными» как остатки наземной части сооружения, так и некоторые, вероятно, находившиеся внутри него приспособления. По аналогии с другими жилищами, о которых будет сказано ниже, можно предполагать, что здесь находились деревянные «помосты» или нары (около северной стенки и в западной половине центральной части). Очевидно, они были отделены какими-то перегородками, которым соответствуют отдельные, более мелкие, ямки на площади пола. Зафиксированы небольшие скопления камней, некоторые из которых были обожжены; однако трудно предположить, чтобы они могли служить для обогрева столь обширного помещения. Никаких других остатков очагов (или очажных приспособлений) не обнаружено.

Исключительный интерес представляют находки, сделанные в средней части южной стенки котлована. Еще до начала раскопок здесь были обнаружены на уровне древней поверхности остатки захоронения взрослого человека, от которого сохранились только длинные кости ног и рук. В этом же месте в стенке котлована была сделана ниша (не исключено, что это часть перехода в сторону жилища 3). В нише была положена плоская, обработанная по краям каменная плита, расколовшаяся надвое. Рядом с ней, уже в пределах котлована, найден каменный блок с антропоморфным изображением на лицевой стороне, который, судя по всему, первоначально был установлен на этой плите. Трудно сказать, какое отношение к этим находкам имеют остатки захоронения, но то, что ниша, плита и установленный на ней блок с антропоморфным изображением представляли собой единый комплекс, — несомненно.

ЖИЛИЩЕ 2 (табл. IV). Расположено с восточной стороны от жилища 1; с южной стороны имеет выход на «площадь». Котлован неправильно-прямоугольной формы; длина сторон: южная — 15,8 м; северная — 14,5 м; восточная — 14,5 м;

западная — 13 м. Общая площадь котлована — около 230 кв. м. Ориентировка — сторонами по странам света (с небольшим смещением). Наибольшая глубина котлована — 0,35 м. В некоторых местах на дне сохранились следы глиняной обмазки, смешанной с мелким галечником, — 3—4 прослойки, толщиной 1–1,5 см. Очевидно, пол жилища «подновлялся» неоднократно. Посередине котлована — шесть неглубоких (до 35 см) ям от опорных столбов, расположенных двумя рядами (по три) в направлении З—В и ограничивающих центральную часть сооружения. Как и в жилище 1, угловые столбы были парными. Стенки котлована укреплены положенными горизонтально, в 3—4 «венца», тонкими бревнами, длиной до 4—4,5 м. Места стыковки бревен зафиксированы попарно вкопанными столбиками, как бы прижимающими их к стенке котлована. В углах бревна впритык подходили друг к другу. Остатки таких вертикальных столбиков сохранились только с западной стороны, но, судя по ямкам, расположенным на равном расстоянии друг от друга у основания всех стенок, такое оформление стенок котлована можно считать характерной конструктивной особенностью. Часть стенки, прилегающей к юго-западному углу, дополнительно была укреплена тыном из вертикально установленных столбиков, нижний конец которых, как и в жилище 1, был вкопан в неглубокую канавку.

Остатки деревянных конструкций, сохранившиеся на площади данного сооружения, немногочисленны. Это обломки тонких обгоревших бревен (или их «отпечатки»), характер расположения которых — перпендикулярно от стенок котлована к центру — такой же, как и в жилище 1. От южной стенки жилища на «площадь» вел выход, длиной 2,2 и шириной 1,4 м, в виде траншеи с плоским дном и вертикальными стенками, вырытой на уровне дна котлована. Стенки траншеи были укреплены поставленными вплотную друг к другу столбиками, нижний конец которых, как и в других случаях, помещен в специально сделанные для этого канавки. Сохранившиеся на концах траншеи обугленные куски бревен, вероятно, представляют собой остатки перекрытия выхода, которое, скорее всего, было двухскатным. У северной стенки ближе к северо-западному углу найдена каменная плитка с петроглифом.

ЖИЛИЩЕ 3 (табл. V). Расположено с южной стороны от жилища 1. Связано переходом с жилищем 4; имеет нишу «алтарного» типа, подобно открытой в жилище 1. Котлован правильно-прямоугольной формы, размером 10,5 x 8,4 м; общая площадь котлована — 88,5 кв. м. Ориентировка — углами по странам света (с небольшим смещением). Наибольшая глубина — 0,3 м. Посередине котлована по условным углам квадрата с длиной стороны 4 м, находились четыре глубоких (до 60 см) ямы от опорных столбов,

ограничивающие центральную часть сооружения. Несколько более мелких ям расположены у северо-восточной и юго-восточной стенок, а также в юго-западном углу котлована. Деревянная часть жилища выгорела полностью и не сохранилась, однако определение ее основных конструктивных особенностей в свете приведенных выше данных о жилищах 1 и 2 не вызывает особых затруднений.

метрично располагались ямки от столбов, поддерживавших перекрытие. С противоположной, юго-западной, стороны, уже в пределах жилища, была выкопана канавка с плоским дном, шириной около 0,6 м, для стока воды. Особый интерес представляет «алтарная» ниша, отходящая от середины северо-западной стенки котлована. Скорее, это даже не ниша, а узкий боковой коридор, длиной около 4 м и шириной 1,3 м, с ок-

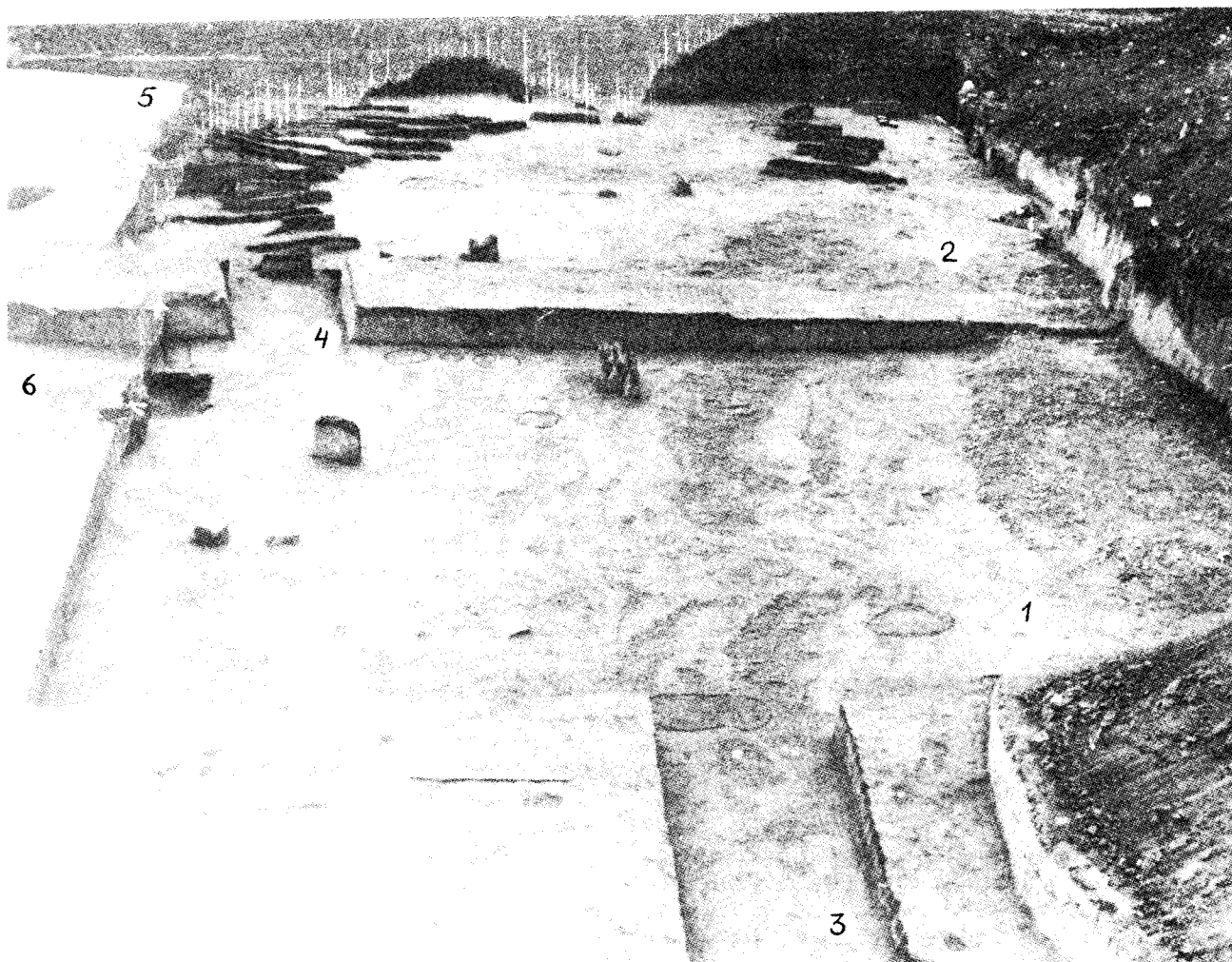

Фото 3. Жилища 3 и 4 (вид с юго-западной стороны): 1 — жилище 3; 2 — жилище 4; 3 — «алтарная» ниша жилища 3; 4 — переход между жилищами 3 и 4; 5 — переход из жилища 4 в жилище 5; 6 — выход из жилища 3 на «площадь»

Жилище 3 наиболее информативно с точки зрения связей с другими частями рассматриваемого хозяйственно-жилого комплекса. От стенок, прилегающих к восточному углу котлована, отходили: на ЮВ — переход в жилище 4 в виде траншеи с плоским дном и вертикальными стенками длиной 1,6 и шириной 1,4 м; на СВ — выход на «площадь». Выход на «площадь» был оформлен в виде широкого наклонного пандуса, длиной 3 и шириной 1,8 м, с расширением в наиболее мелкой, северо-восточной, части, где сим-

руглым расширением на конце, где находилось несколько плоских плиток. Одна из них была вкопана вертикально; на другой выбито изображение лошади в характерном «карасукском» стиле. Следует отметить, что это первый случай нахождения плитки с петроглифом в составе жилого комплекса.

ЖИЛИЩЕ 4 (табл. VI). Расположено с южной стороны от жилища 3. Связано переходами с жилищами 3 и 5. Котлован прямоугольной формы; ориентирован углами на СЗЗ—СВВ. Длина

северной стенки — 12,4 м. Южный край котлована и частично переход в жилище 5 разрушены траншеей для трубопроводов. Наибольшая глубина — 0,3 м. Посередине, как и в жилище 3, находились четыре глубокие ямы от опорных столбов, ограничивавших центральную часть сооружения. Диаметр ям по верхнему краю и глубина — до 80 см. Между ними, по северной и южной сторонам условно выделяемого квадрата, в ряд расположены более мелкие ямки (по 3—4 с каждой стороны). Другие ямы, различной глубины и профилировки, располагались по стенкам и особенно в юго-западной части котлована. В северной половине на дне сохранились следы глиняной обмазки, нанесенной в несколько слоев (толщиной около 1 см). Выше них располагался интенсивно окрашенный слой прокала от сгоревших частей сооружения, которое с этой стороны выгорело практически полностью.

Деревянные части конструкции сохранились в основном по углам (кроме северо-западного) и с восточной стороны. Техника укрепления стенок котлована здесь комбинированная — горизонтально положенными тонкими бревнами (с восточной стороны) и тыном из вертикально вкопанных столбиков (с западной стороны). В восточной части сооружения и у стен, прилегающих к юго-западному углу, сохранились тонкие, лежащие вплотную друг к другу бревна, длиной до 4 м, расположение которых — перпендикулярно от стенок котлована к центру — такое же, как и в других жилищах Торгажака. Посередине восточной стенки котлована отходит ряд вертикально вкопанных столбиков, длиной около 2 м. По одну сторону от них находятся остатки настила из нескольких деревянных плах с поперечиной (нары?); по другую — вытянутой формы канавка (для стока воды?).

Жилище 4 было связано переходами с соседними жилищами 3 и 5. О переходе в жилище 4 уже говорилось. На конце его, со стороны жилища 4, находились остатки вертикально вкопанных колышков (от перекрытия?) и длинная узкая канавка для стока воды. Переход в жилище 5, идущий от юго-восточного угла, сохранился не полностью; однако основные его конструктивные особенности очевидны. Это была траншея с вертикальными стенками и плоским дном, длиной около 3 м и шириной 1,1 м. По всей длине стенок вплотную друг к другу были вкопаны деревянные столбики. На дне перехода обнаружены лежавшие продольно и поперечно деревянные плахи, скорее всего — остатки двухскатного (?) перекрытия.

ЖИЛИЩЕ 5 (табл. VII). Расположено с восточной стороны от жилища 4; связано с ним переходом, о котором говорилось выше. Котлован прямоугольной формы, размером 14,2 x 11,4 м, вытянут в направлении С—В. Общая площадь котлована — 162 кв. м; ориентировка — сторонами по странам света. Наибольшая глубина 0,25—

0,3 м. Жилище наискось, от северо-восточного угла к середине западной стороны, перерезано траншеей трубопровода шириной около 2 м. Стенки котлована по всему периметру были укреплены горизонтально положенными в 4—5 «венцов» тонкими бревнами, длиной до 4,5 м, в углах впритык стыкующимися друг с другом. Через каждые 2—3 м, как об этом свидетельствуют равномерно расположенные ямки вдоль восточной и южной стенок, они были прижаты вертикально вкопанными столбиками; посередине стенок — двумя столбиками. Такие же столбики зафиксированы в юго-восточном и юго-западном углах котлована. Из остальных ям на площади выделяются три глубокие (глубиной до 1 м) ямы от опорных столбов, ограничивающие центральную часть сооружения. Четвертая яма в северо-западном углу условно выделяемого квадрата уничтожена трубопроводом. Между основными ямами, как и в жилище 1, в ряд располагались еще несколько ямок от дополнительных стоек для крепления перекрытия.

От наземной деревянной конструкции жилища сохранилось мало. Это, так же как и в других случаях, лежащие перпендикулярно стенкам котлована обгорелые тонкие бревна (или их «отпечатки»), судя по которым высота наземной части сооружения составляла около 3 м. Видимо, несколько отличным могло быть перекрытие центральной части, где на площади, ограниченной опорными столбами, находилось не менее 10 ямок от дополнительных столбов, а лежащие поверх них куски обгоревшего дерева как будто располагались по сторонам многоугольника, возможно соответствующего форме светового «окна».

Наиболее интересно жилище 5 с точки зрения его внутренней планировки. Так, отдельно было выделено пространство в юго-западной части сооружения (табл. VIII). Непосредственно от опорного столба здесь в сторону южной стенки котлована отходил ряд вертикально вкопанных столбиков с разрывом в 75 см, где с внутренней стороны находились два фланкирующих столба, скорее всего обозначавшие вход. От того же опорного столба в сторону западной стенки котлована тянулась глубокая канавка, также замыкавшаяся ямой со столбом у края котлована. Вероятно, эта внутренняя стенка была сделана из каких-то других материалов (например, была плетеной?) и поэтому не сохранилась. Площадь ограниченного таким образом пространства составляет около 16 кв. м. В западной его половине находился настил из вплотную лежавших бревен, длиной в среднем 2,5 м; в юго-восточной части зафиксировано искусственное понижение пола. С восточной (внешней) стороны к стенке внутреннего сооружения из вертикально вкопанных столбиков примыкала лежанка, расположенная вдоль южной стенки жилища, от которой сохранились отдельные продольные плахи и поперечные на концах. Судя по ним, длина

лежанки 3,5 м; ширина в наиболее широкой западной части — 1,3 м. Устройство лежанки следующее. На пол на расстоянии 2,6—2,7 м друг от друга были положены поперечные плахи; кроме того, в северо-восточном углу и посередине южной стороны подложены камни. На них помещался сплошной продольный настил из плах (или досок) шириной 8—10 см (в более широкой части сохранились остатки 14 таких плах). Сверху настил скреплялся расположенными в тех же местах поперечинами; на одном конце (в изголовье?) таких поперечин было больше (3—4), чем на другом (1). Скорее всего, они лежали здесь друг на друге (или наклонно), создавая необходимый «упор» для подушек. Нижний конец лежанки, судя по характеру расположения плах, был остроугольным. Вероятно, и это место, где помещалась лежанка, было каким-то образом огорожено, о чем свидетельствуют расположенные вокруг нее ямки от столбов. Непосредственно смыкаясь с этими сооружениями, в южной стенке котлована находилась неглубокая ниша, размером 0,6 х 1 м, с вертикально вкопанным столбиком с западной стороны. Перед столбиком в специально сделанном углублении были положены в ряд три коротких, одинаковой длины (30 см) деревянных плашки. В целом юго-западная часть жилища 5 представляет собой самостоятельный жилой комплекс, выделенный внутри более крупного сооружения.

По-видимому, так же была оформлена и северо-западная часть жилища, хуже сохранившаяся и к тому же нарушенная трубопроводом. На том же уровне здесь сделана разделительная стенка из вертикально вкопанных столбиков, с одной стороны от которой находятся остатки настила из вплотную лежащих плах; с другой — скопление положенных в несколько слоев камней — колотых плиток и крупной гальки. Многие камни в нижней части обожжены, что позволяет относить данное скопление камней к приспособлениям для отопления (обогрева?) жилища, типа примитивной печки-каменки, хотя каким образом оно функционировало — сказать трудно.

Сохранившиеся детали оформления жилища 5 позволяют вернуться к рассмотрению других жилищ, где также в угловых частях сооружения, хотя и менее отчетливо, выделяются внутренние «жилые комплексы»: в жилище 4 (в северо-восточной части) — бесспорно; в жилище 2 (в юго-западном углу) и в жилище 1 (в юго-западной и северо-западной части) — предположительно. Не исключено, что и некоторые другие остатки деревянных конструкций, интерпретируемые как части наземных построек, на самом деле являются деталями таких же внутренних сооружений.

«ПЛОЩАДЬ» (табл. IX). В восточной части всего хозяйственно-жилого комплекса, внутри П-образной фигуры, образованной пятью рассмотренными выше жилищами, располагалось пространство, открытое на восток, условно называемое нами «площадь». Как уже говорилось, специальным образом оформленные выходы на «площадь» имели жилище 2 (с северной) и жилище 3 (с западной стороны) «площади». Общие размеры «площади» приблизительно 16 х 22 м (около 350 кв. м).

На этом пространстве, в основном по краям и в восточной его части, находилось более 40 ям различных размеров, глубины и профилировки. Классифицировать их трудно; но все же выделяются несколько основных вариантов. 1. Сравнительно мелкие (до 20 см) углубления с покатыми стенками, в среднем 0,6—0,8 м в поперечнике. 2. Более глубокие (до 60 см) узкие (20—25 см) ямы с вертикальными стенками (от столбов). 3. Такие же глубокие ямы, но как бы ступенчатые, выкопанные от дна, чаще всего с одной стороны, более мелких ям. Размеры таких «ступенчатых» ям: по верхнему краю 1—1,2 м; глубина узкой части для столба 0,8—1,1 м. 4. Обширные ямы — «котлованы» с прямыми или покатыми стенками, 1—1,2 м в поперечнике и глубиной 60—80 см. В нескольких случаях такие ямы были перекрыты накатом из деревянных плах. Самая крупная из них (№ 1), размером 2,2 х 1,8 м, расположена в северной части «площади».

На дне ям находились остатки деревянных столбов, обломки каменных плиток, а также фрагменты керамики и в нескольких ямах — гравированные гальки. Особо следует отметить, что каменные плитки в неглубоких ямах с пологими стенками были не только положены, но и вкопаны в дно ям, т. е. располагались вертикально; а в отдельных случаях установлены в заполнении ям и возвышались над уровнем поверхности «площади». Это свидетельствует о том, что, во-первых, ямы после проведения каких-то необходимых операций засыпали (после того, как в них было что-то положено?); во-вторых, по своему назначению такие вертикально вкопанные плитки, скорее всего, были идентичны деревянным столбам, помещенным в узких глубоких ямах.

ЖИЛИЩА 6 и 7 (табл. X). Представляют собой отдельный комплекс, расположенный приблизительно в 35—37 м к востоку от края «площади». В пространстве между ними и основным комплексом жилищ Торгажака каких-либо остатков других сооружений не обнаружено. Скорее всего, жилища 6 и 7, исследование которых было проведено не полностью, — это часть более крупного комплекса, возможно подобного рассмотренному выше (жилища 1—5).

ЖИЛИЩЕ 6. По своим конструктивным особенностям отличается от всех других сооружений Торгажака. Это котлован неправильной-четырёхугольной формы со скругленными углами и одной как бы «скошенной» стороной. Длина стенок котлована: северная — 3,8 м; западная —

4,4 м; южная — 4 м; восточная — 2,4 м. Общая площадь — 16,7 кв. м. Глубина от уровня современной поверхности — около 1 м. В отличие от других жилищ, заполнение его сохранилось полностью: 0—0,2 м — гумус; 0,2—0,5 м — прокаленная почва; 0,5—1 м — темноокрашенный суглинок. На разной глубине в заполнении встречались отдельные камни и сравнительно большое количество фрагментов керамики. В придонной части котлована вдоль северной и западной стенок, а также в юго-западном углу оставлены приступки (высотой 15—20 см и шириной 20—30 см), ограничивающие площадь пола, имевшего пятиугольную форму. В северо-западном углу была сделана большая яма с округлым дном (0,8—0,9 м в поперечнике, глубиной около 0,4 м). Такая же яма, но меньших размеров находилась в юго-западном углу (на приступке). Назначение их остается неясным. Ямки от столбов располагались по северному и южному краю пола, одна у восточной стенки, а также в ряд, по оси С—Ю, посередине жилища. В центральной яме, имевшей продолговатую форму, помещалось два столба. Характер расположения ям и особенности оформления котлована позволяют реконструировать данное жилище как полуземлянку с двухскатным перекрытием.

От южной и северной стенок жилища 6 в стороны вели два перехода. У начала перехода в северной стенке зафиксировано некоторое понижение пола, с обеих сторон находились «дублирующие» ямки, и была сделана канавка для стока воды. К сожалению, куда вел этот переход (или выход), осталось неясным. У начала перехода в южной стенке поперек также была сделана неглубокая канавка для стока воды. Сам переход представлял собой короткую траншею, длиной 1,4 м и шириной 0,6—0,8 м, с плоским дном, выходившую на площадь жилища 7.

ЖИЛИЩЕ 7. Общая площадь исследованной части котлована составляет 39,6 кв. м. По своим конструктивным особенностям это жилище наиболее близко жилищам 3 и 4 основного комплекса Торгажака, хотя, по-видимому, его периферийные части остались недоисследованными. Котлован подпрямоугольной формы, размером 6,4 x 6,2 м, ориентирован противоположными углами на СЗЗ—ЮВВ.

Фото 4. Жилища 3—5 и «площадь» (вид с восточной стороны): 1 — жилище 3; 2 — «алтарная» ниша жилища 3; 3 — край жилища 4; 4 — переход между жилищами 3 и 4; 5 — край жилища 5; 6 — выход на «площадь» из жилища 3; 7 — «площадь»; 8 — ямы на «площади».

На дне зафиксировано около 30 ям; из них четыре, расположенные посередине и более глубокие, — от опорных столбов. В ограниченном ими пространстве находились остатки кострища (очага?), помещенного, если пользоваться реконструкцией других жилищ, под световым «окном». Деревянные части наземного сооружения не сохранились. В северо-западном углу котлована, начиная от крайнего опорного столба, наблюдалось некоторое понижение пола, отмеченное по краям более мелкими ямками от столбов. — скорее всего, такая же выделенная угловая часть жилой площади (размером 3 x 2,5 м), как и в других жилищах.

В месте, прилегающем к переходу в жилище 6, в полу было сделано еще одно плоское углубление овальной формы, глубиной 15—16 см, с четырьмя ямками с восточной стороны. Возможно, что переход между жилищами 6 и 7 на самом деле представляет собой «закрытую» нишу с округлым расширением на конце, подобную обнаруженной в северной стенке жилища 3. В таком случае, жилище 6 могло быть сооружено позже (чем и объясняются его конструктивные особенности) жилища 7, хотя найденный в них вещественный материал одинаков.

Этот и некоторые другие вопросы, связанные со вторым хозяйственно-жилым комплексом Торгажака, остались открытыми, так как раскопки поселения, проводившиеся уже в условиях действующей оросительной системы, были прекращены.

Имеющиеся материалы позволяют (конечно, с известной долей гипотетичности) реконструировать основные конструктивные особенности жилищ поселения Торгажак. Поскольку в разных жилищах (за исключением 6) в той или иной степени сохранности представлены различные дополняющие друг друга детали сооружений, имеет смысл придать такой реконструкции обобщенный характер модели, определяющей данную домостроительную традицию.

Жилища Торгажака — это крупные наземные постройки каркасно-столбового типа. В основании всех жилищ находился неглубокий котлован, стенки которого были укреплены тыном или положенными горизонтально в несколько рядов тонкими бревнами, образующими как бы деревянную «окантовку» обитаемого пространства. В некоторых случаях оба этих строительных приема сочетаются вместе. Пол жилища эпизодически обмазывался глиной, смешанной с мелкой галькой (щебенкой). Несущую часть конструкции составляли расположенные посередине опорные столбы — по 4 в жилищах квадратной и по 6 в жилищах прямоугольной формы. В последнем случае крайние столбы были парными. Кроме того, во всех жилищах, судя по большому (до 40 и более) количеству ямок, были установлены дополнительные столбы, поддерживавшие перекрытие, и стойки от внутренних перегородок,

отделявших угловые части жилища и боковые «нефы». Не исключено, что некоторые из них связаны с ремонтом сооружений, как это предположил В. А. Зах, реконструируя жилища андроновской культуры на Тоболе [Зах, 1995, с. 68—69]. Высота наземной части сооружений составляла 3—3,5 м.

Наиболее сложный вопрос — характер перекрытия торгажакских жилищ. Стен как таковых здесь, по-видимому, не было — их заменяли установленные наклонно по всем сторонам тонкие бревна. Верхний конец этих бревен каким-то образом фиксировался по краям котлована (возможно, благодаря разнице между высотой тына или бревенчатой обкладки и глубиной самого котлована). В этом месте жилище могло дополнительно обкладываться дерном. Другой конец опирался на бревна, соединявшие верхние части опорных столбов. Нечто подобное сохранилось в устройстве традиционных якутских построек — балаганов и холомо. Верхняя часть перекрытия из горизонтально положенных бревен, ограниченная опорными столбами, была плоской. Здесь находилось световое «окно». Такое трехчастное перекрытие может быть двухскатным и четырехскатным. Что касается жилищ квадратной (или близкой к квадратной) формы с 4 опорными столбами (жилища 3, 4 и 7), то, скорее всего, оно было четырехскатным. Жилища прямоугольной формы с 6 опорными столбами (жилища 1, 2 и 5), представляющие собой, по сути дела, «большие дома», могли иметь двухскатное перекрытие. В таком случае боковые стороны были по всей длине перекрыты наклонно установленными бревнами, а торцевые — стоящими вертикально. Правда, тогда остается неясным, как были перекрыты углы сооружения, где деревянные части конструкции (как, например, в жилище 1) выгорели почти полностью. Верхняя часть перекрытия (со световым «окном») здесь также была плоской.

Линиями опорных столбов, особенно в жилищах прямоугольной формы, внутреннее пространство делилось на три «нефа»; однако обитаемыми из них были, очевидно, только крайние, прилегавшие к стенкам котлованов. Здесь находились огороженные участки, канавки для стока воды, специальным образом оборудованные нары. Каким образом могли отапливаться такие жилища (учитывая их размеры и отсутствие каких-либо следов очажных приспособлений, кроме отдельных кучек обожженных камней) сказать трудно. Скорее всего, это можно рассматривать как свидетельство преимущественно летнего характера их использования. Если не все, то какая-то часть жилищ были соединены крытыми переходами и имели выходы на «площадь», вероятно представлявшую особое место для проведения ритуальных действий. Кроме того, в некоторых жилищах имелись специальным образом выделенные ниши «алтарного» типа, в ко-

торых находились (или сохранялись) предметы, также имевшие отношение к обрядовой стороне жизни населения Торгажака.

Отдельные признаки торгажакских жилищ (например, крупные размеры, неглубокие котлованы, трехчастные перекрытия и крытые переходы между жилищами) имеют достаточно широкий круг аналогий в жилищах степной и лесостепной полосы эпохи бронзы [Малютина, 1990; Кузьмина, 1994, с. 67—86; Бобров, 1993 и др.]. Сюда же относится и поселение Каменный Лог I. Из них наиболее близкими, вплоть до полной идентичности, оказываются рассмотренные выше жилища эпохи поздней бронзы на юге Минусинской котловины — поселения Тунчух и Бырганов (жилища 3, 4). Вместе с торгажакскими они относятся к одной устойчивой домостроительной традиции, по всей вероятности генетически связанной с андроновской. Так, по Е. Е. Кузьминой, «андроновские дома обычно имеют правильную прямоугольную форму и отличаются большими размерами (площадь от 80—100 до 200—300 кв. м). Характерная особенность андроновского домостроительства — обычай соединять два соседних сооружения подземным коридором. В эпоху поздней бронзы системой переходов в единый блок объединяются несколько соседних сооружений» [Кузьмина, 1994, с. 76]. К особенностям андроновских построек относятся и каркасно-столбовая конструкция, большое количество опорных столбов, двухскатное или четырехскатное перекрытие, а также обкладка стен бревнами, закрепленными через определенные интервалы вертикальными столбиками, и в некоторых случаях — выделение угловой части жилища [Кузьмина, 1994, с. 77—79; рис. 8, 5; 9]. Все эти признаки хорошо «узнаваемы» и в жилищах поселения Торгажак. Новым, пожалуй, является

только расположение построек по периметру свободной «площади», собственное планиграфическое поселений более южных районов Азии. Однако и эта особенность может быть наследована от населения андроновской культуры Минусинской котловины.

В этой связи интересно упоминавшееся выше поселение андроновской культуры, открытое Г. А. Максименковым в ур. Ключи около оз. Сухое [Максименков, 1978, с. 46—49]. По остаткам вкопанных каменных плит здесь были зафиксированы два расположенных рядом крупных прямоугольных сооружения (размером 40 x 14 м и 30 x 15 м). «От юго-западных сторон обоих сооружений отходили ряды вертикальных плит, которые как бы буквой «П» соединяли эти оба сооружения» [Максименков, 1978, с. 46] — деталь, напоминающая планиграфию Торгажака. Раскопано одно, меньшее по размерам, сооружение, которое практически находилось на поверхности: все находки (фрагменты керамики и кости животных) были сделаны в дерновом слое. «Каким образом огромная площадь жилища была перекрыта, — отмечает Г. А. Максименков, — судить невозможно» [Максименков, 1978, с. 49]. Несмотря на ограниченность этих материалов, они позволяют предполагать, что андроновская традиция сооружения «больших домов» на Енисее сохранялась и в карасукское время.

Что касается «площади» с ямами, то подобного рода памятников пока неизвестно. Наиболее близки к ним ямы одновременного Устинкинского могильника на севере Минусинской котловины [Савинов, Бобров, 1983, с. 45—47]; во всяком случае, они относятся к одному и тому же кругу явлений, характеризующих ритуальную практику карасукского общества.

ГЛАВА III.

ВЕЩЕСТВЕННЫЕ НАХОДКИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТОРГАЖАК

Во всех жилищах Торгажака найдена большая серия вещей — не считая керамики и гравированных галек, анализу которых посвящены две следующие главы, более 150 предметов. Это различного рода изделия из бронзы, камня, кости и рога, с достаточной полнотой характеризующие занятия и быт жителей Торгажака. Абсолютное большинство их найдено внутри жилищ на уровне пола, больше около стенок и в угловых частях котлованов. Несколько вещей найдено в ямах —

как на «площади», так и внутри сооружений. Это вток, сделанный из конца рога (табл. XII, 19), роговая фигурка медведя (табл. XIII, 2), два каменных изделия типа песта и «подвеса» (табл. XVI, 4, 6). Определенного порядка в распределении вещей или концентрации их в каком-либо месте не наблюдается.

Изделия из бронзы. Количество бронзовых предметов, найденных во всех жилищах Торгажака, немногочисленно. В основном это мел-

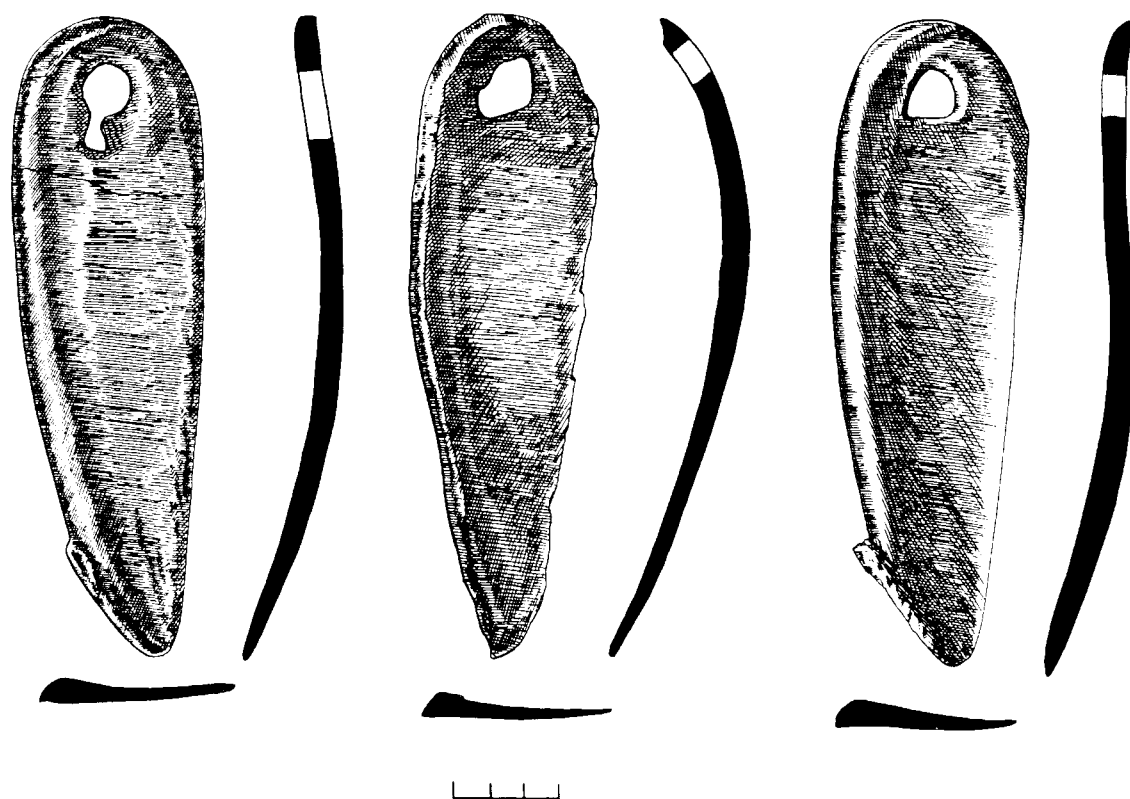

Рис. 1. Бронзовые серпы (жилище 1)

кие вещи, потерянные (или сломанные) и брошенные жителями. Среди них наибольший интерес представляют три бронзовых серпа (или косаря) из жилища I, возможно отлитые в одной форме (рис. 1). На двух из них внизу на «спинке» сохранились наплавы металла. Серпы были найдены лежащими друг на друге под огоревшим бревном (с западной стороны центральной части сооружения) и, скорее всего, были подвешены к «потолку», потом забыты и так и остались лежать в одной «связке» под остатками рухнувшего перекрытия. Серпы (или косари) этого типа имеют андроновское происхождение [Кузьмина, 1966, с. 54—56; табл. XII, 18—25], продолжают жить в эпоху поздней бронзы и в Минусинской котловине были раньше представлены только случайными находками, относящимися ко времени карасукской культуры [Членова,

ступами на шитке (табл. XI, 1), половину желобчатого браслета (табл. XI, 2), обломок двухъярусной бляшки (табл. XI, 3) и два обломанных клинка от карасукских ножей (табл. XI, 18, 19), использовавшихся как часть составного оружия. Остальные мелкие вещи — трубчатые пронизки — 3 экз. (табл. XI, 6—8), пластинчатые обоймочки с загнутым краем — 3 экз. (табл. XI, 9—11), «гвоздики» или заклепки — 3 экз. (табл. XI, 12—14), шилья и проколки — 9 экз. (табл. XI, 15—17, 20—25), тонкие иглы без ушка — 4 экз. — не противоречат сложившимся представлениям о характере бронзовых изделий карасукской культуры. Следует отметить, что именно такие вещи обычно находятся в погребениях и поэтому наиболее «узнаваемы».

Изделия из кости и рога. Эти предметы более многочисленны и в основном дают пред-

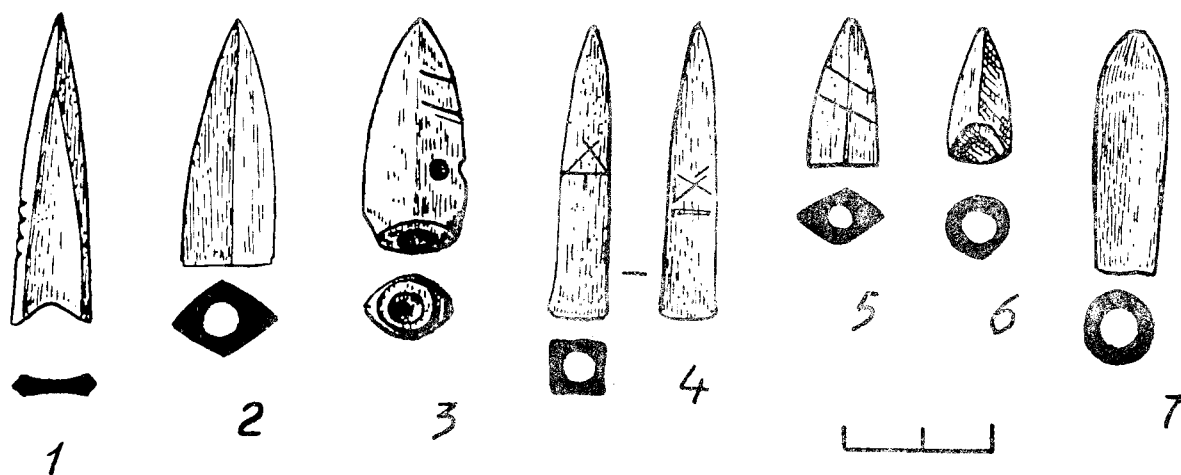

Рис. 2. Костяные наконечники стрел: 1, 4, 6 — жилище 1; 2 — жилище 2; 3 — жилище 5; 5, 7 — жилище 7

1972, рис. 10, 53—58; Сунчугашев, 1989, рис. 11]. Серпы из Торгажака являются первой комплексной находкой предметов такого рода и подтверждают правомерность отнесения их к карасукской культуре. В лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа был проведен спектральный анализ одного из торгажакских серпов: мышьяк — 1,6; кобальт — меньше 0,01; свинец — меньше 0,1; сурьма — 0,04; железо — 0,01; никель — 0,05; висмут — меньше 0,02; олово, цинк — нет. В принципе, он не противоречит результатам анализа карасукских серпов, приведенным в работе Н. Л. Членовой [Членова, 1972, с. 156].

Из других датированных предметов, принадлежность которых к карасукской культуре не вызывает сомнения, необходимо отметить типично карасукский перстень с двумя сферическими вы-

ставление о бытовой стороне культуры. Некоторые из них вообще не встречаются в погребениях, и в этом плане значение их трудно переоценить. На поселении Торгажак найдено семь костяных наконечников стрел (рис. 2), что более чем вдвое увеличивает серию, известную по сводке Э. А. Новгородовой [Новгородова, 1970, рис. 35]. Все наконечники, за исключением одного — с выемчатым основанием (рис. 2, 1), втульчатые, но по форме, размерам и сечению (ромбические, круглые, квадратный) отличаются друг от друга. Говорить об их типологии еще рано, но, скорее всего, различные типы наконечников имели и разное функциональное назначение. На четырех наконечниках нанесены графические знаки: в виде нарезки по краю (рис. 2, 1); двух косых параллельных линий (рис. 2, 3, 5), косо креста с поперечной черточкой внизу. После-

дний знак повторен дважды — на противоположных сторонах квадратного в сечении наконечника (рис. 2, 7).

К предметам вооружения может относиться вток, сделанный из конца рога, со сквозным поперечным отверстием для крепления — к древку? (табл. XII, 19). По всем признакам он соответствует более поздним бронзовым втокам тагарской культуры, крепившимся на нижнем конце рукояток боевых чеканов. Если это так, то и сама форма чекана как ударного оружия ближ-

2 экз. (табл. XII, 27, 28), костяные остря или проколки — 9 экз. (табл. XII, 9—17), ложки с отверстиями и округлым расширением на конце рукояти — 2 экз. (табл. XII, 21, 24). Деталью какого-то не сохранившегося технического приспособления являются предметы, оформленные в виде «катушки», — 3 экз. (табл. XII, 1—3), кольцо с такой же профилировкой (табл. XII, 5), бочковидная муфточка (табл. XII, 4), костяной стерженек (табл. XII, 18), круглые, полквадратные и длинные пластины с отверстиями

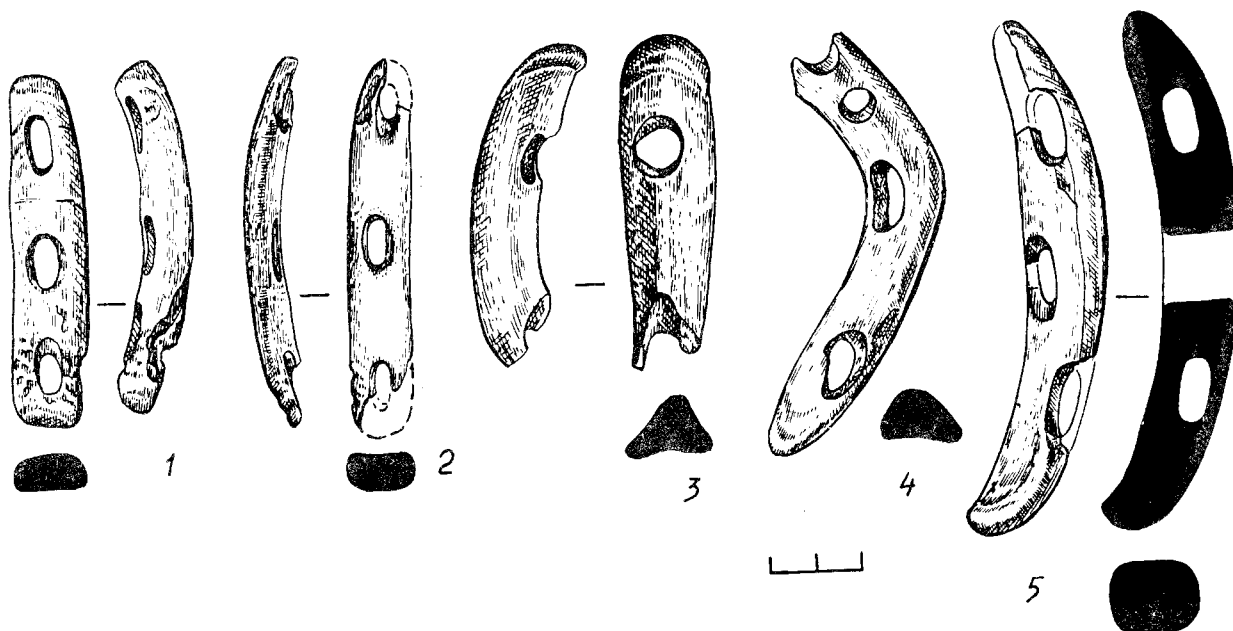

Рис. 3. Псалии: 1, 2 — жилище 7; 3 — жилище 3; 4 — жилище 4; 5 — жилище 5

него боя могла появиться еще в предтагарское время, хотя в археологических материалах подобного рода находки пока не представлены. Косвенным образом в пользу такого предположения могут свидетельствовать петроглифические композиции, изображающие столкновение двух «разновеликих» групп воинов («сюжет с великанами», по О. С. Советовой [Советова, 1987]), которые мы интерпретируем как мифологизированное отображение реальных событий, связанных с борьбой карасукского и пришлого тагарского населения [Савинов, 1995]. Те и другие («высокие» — тагарцы и «низкорослые» — карасукцы) вооружены чеканами. К предметам защитного вооружения (панцирного доспеха?), возможно, относится прямоугольная костяная пластина со специальным образом обработанной поверхностью и отверстием посередине (табл. XII, 22), хотя утверждать это по единичной находке нет достаточных оснований.

Многие изделия из кости связаны с различного рода трудовыми операциями. К ним относятся трепала с длинными острыми зубцами —

(табл. XII, 6, 20, 23, 25). Поверхность большинства из этих предметов заполирована; на некоторых видны следы использования в работе. Своеобразны костяные пластинчатые кольца, одно из которых было сломано еще в древности — 2 экз. (табл. XII, 7, 8). Назначение их неясно: они могли использоваться как браслеты или (об этом подробнее говорится в главе о гравированных гальках) служить для скрепления волос.

Отдельную и очень важную категорию находок представляют псалии — 5 экз. (рис. 3). Впервые такое количество ранних псалий найдено в составе одного комплекса, что позволяет высказать в связи с этим некоторые наблюдения. Все торгажакские псалии — трехдырчатые, но по характеру оформления и расположению отверстий отличаются друг от друга. Два из них — слабоизогнутые, с отверстиями в одной плоскости (из жилища 7) — очень близки друг другу и даже, возможно, относятся к одному комплексу (рис. 3, 1, 2). Крупный псалий из жилища 5 имеет такую же степень изогнутости, но отверстия в нем расположены в противоположных плоскостях (рис. 3, 5).

Псалий из жилища 4 — сильноизогнутый («коленчатый»); отверстия в нем сделаны как бы в одной плоскости, но слегка развернуты по отношению друг к другу. Верхний конец псалия был сломан, и рядом сделано еще одно дополнительное круглое отверстие (рис. 3, 4). Следует отметить, что один из концов на этих двух псалиях был специальным образом подработан и заполирован. На обломке псалия из жилища 3, типологически соответствующего предыдущим, на этом месте выделена рельефная «шляпка» (рис. 3, 3), сближающая его с более поздними псалиями аржанского типа. «Коленчатый» псалий с рельефной «шляпкой», как бы объединяющий признаки псалий из жилищ 3 и 4, был найден в погребении аржанского времени на плато Укок — Южный Алтай [Полосьмак, 1993, рис. 3]. Все торгажакские псалии были сломаны (рис. 3, 2—5) или сильно изношены (рис. 3, 1) в местах крепления ремней, что говорит о недолговечности использования подобного рода предметов и необходимости замены их новыми. Очевидно, практиковалось и «обновление» псалий, как это видно на примере псалия из жилища 4.

Нахождение серии псалий в поселении эпохи поздней бронзы является наиболее ярким свидетельством широкого использования уже в это время верхового коня. Однако данный факт не является неожиданностью. К старой находке трехдырчатого псалия в плиточной могиле Тапхар-69 в Забайкалье, длительное время занимавшей изолированное положение [Сосновский, 1941, рис. 15, 1], сейчас прибавились псалии, найденные на поселениях Ирмень I [Матвеев, 1993, табл. 9, 35], Еловка [Матюшенко, 1974, рис. 45, 3, 4; 48, 1, 2] и Тамбар [Членова, Бобров, 1991, рис. 2, 4, 5]. В Минусинской котловине ранние псалии найдены на поселении Каменный Лог I [Валецкая, 1986, табл. V, 25] и в ямах Устинкинского могильника [Савинов, Бобров, 1983, рис. 25, 7, 8]. Все они прямые (или слабоизогнутые), с отверстиями в одной плоскости; на устинкинских псалиях отверстия сделаны в разных плоскостях. Вместе с тем, несмотря на внешнее сходство, ранние псалии из памятников Южной и Западной Сибири с точки зрения конструктивных деталей (степень изогнутости стержня; форма и характер расположения отверстий; наличие дополнительных маленьких, не совсем ясных в функциональном отношении, отверстий) отличаются друг от друга. Псалии сильноизогнутые (или «коленчатые») не имеют местных прототипов, но зато по этому признаку близко напоминают бронзовые псалии эпохи Западного Чжоу [Комиссаров, 1988, рис. 27], откуда, возможно, и были заимствованы.

Вряд ли всем этим вариантам, во всяком случае на современном этапе изучения, следует придавать хронологическое значение. Скорее, разнообразие псалий эпохи поздней бронзы свидетельствует об интенсивном поиске наиболее рационального решения этой важнейшей детали

конской упряжи. Нечто подобное мы наблюдаем в разнообразии типов бронзовых удил раннескифского времени [Бокоренко, 1986, с. 15—16]. То и другое можно рассматривать взаимосвязанно: как отражение последовательных этапов создания комплекса снаряжения верхового коня — сначала значительно варьируют псалии, употреблявшиеся с кожаными (мягкими) удилами; затем столь же разнообразными оказываются самые ранние бронзовые удила при уже устоявшемся характере оформления псалий.

Продолжая рассмотрение предметов, сделанных из рога, необходимо отметить срезанные острые концы рогов, возможно использовавшиеся для просверливания отверстий (табл. XIII, 5, б); обработанный и обрезанный с двух концов кусок рога — заготовка для псалия? (табл. XIII, 4); два крупных предмета, скорее всего связанные с обработкой почвы. Один из них — бычий рог с заполированным от работы концом — мог использоваться для рыхления земли (табл. XIII, 3); другой, с одним обломанным длинным концом, служить мотыгой (табл. XIII, 1).

Исключительный интерес представляет сделанное из поперечного спила рогов лося изображение стоящего медведя (табл. XIII, 2). Длина предмета 20 см, высота 9,5 см. Естественная форма этой части рогов прекрасно использована для передачи тяжеловесного, как бы устремленного вперед туловища животного. Шея показана в виде острого выступа; головы нет. Шею от туловища отделяет вырезанная округлая «канавка». Фактура рога хорошо передает «ощущение» шкуры животного. На задней ноге с одной стороны прочерчено несколько прямых параллельных линий. Фигурка довольно устойчива и может «стоять» на плоскости. На спине, представляющей собой ровно срезанную площадку, размером 4 x 3,5 см, сделан глубокий продольный паз, в котором, по всей видимости, крепилось какое-то дополнительное изображение. Точно судить о назначении данного предмета трудно; но, скорее всего, это основа более полного изображения — манекен, на котором каким-то образом моделировалась голова (или одевалась на остром выступе шеи), а сама фигура дополнялась необходимыми атрибутами (например, фигуркой человека или солярным знаком на спине?). В таком виде данное изображение могло использоваться в ритуальных действиях, связанных с образом медведя. Показательны и условия находки изображения: оно было найдено (спрятано?) в яме на площади пола жилища I. Чрезвычайно глубокие истоки и долгоживущие традиции медвежьего культа у народов Сибири вполне допускают такое предположение. Кроме того, торгажакская фигурка медведя как бы перекидывает мостик между известной теорией «натурального макета» А. Д. Столяра, обращенной в глубокую древность, и привлекаемыми при этом этнографическими аналогиями.

Особую группу предметов со следами искусственной обработки и их функционального использования представляют астрагалы или так называемые альчики. Всего в жилищах Торгажака найдено более 200 таких астрагалов, из них наибольшее количество в жилище I — 73 экз. Чаще всего это астрагалы овцы (или барана), но встречаются астрагалы косули, а также и других животных. Одна сторона всех астрагалов предназначалась для каких-то производственных операций и носит следы сточенности. Степень сточенности различна; некоторые альчики сточены наискось (под углом 25–30°) практически «до основания». Рабочая плоскость, как правило, заполирована; иногда на ней видны параллельные, направленные по движению «сверху—вниз», царапины. Судя по всему, астрагалы использовались для полировки предметов с ровной поверхностью (каменных плиток, галек перед нанесением на них изображений?); возможно, для лощения керамики. Несколько альчиков дополнительно подработаны — противоположная рабочей плоскости сторона подрезана таким образом, чтобы было удобно держать их в руке (табл. XIV, 25–28). Такие альчики-«утюжки» с полным основанием могут быть отнесены к орудиям труда.

На многих астрагалах (приблизительно 1/7 от общего количества) по краю нанесены ряды параллельных нарезок — от 2–3 до 15–17. Техника их нанесения различна — от простых царапин до глубоких надрезов (табл. XIV, 1–5, 7–18). Встречаются альчики с просверленными отверстиями — от 1–2 до 4; в одном случае сделано 11 отверстий (табл. XIV, 19–24). Некоторые отверстия просверлены не до конца. Кроме того, найдена одна просверленная фаланга со следами охры на поверхности (табл. XIV, 6). Значение подобных знаков (нарезок и отверстий) пока не поддается объяснению — какой-либо системы в их количестве и расположении не наблюдается. Это могли быть и счетные, и календарные знаки, и знаки собственности или что-нибудь иное. Вместе с тем явное использование всех астрагалов со знаками в каких-то трудовых операциях заставляет усомниться в ставшем традиционным объяснении подобных предметов как игровых костей.

Изделия из камня. Эта категория находок наиболее многочисленна. Материалом для их изготовления главным образом служили среднезернистые окремленные песчаники в виде мелких валунов и крупной гальки, в изобилии встречающиеся в русле р. Теи, а также плитки девонского песчаника — основного поделочного материала этих мест. С точки зрения функционального назначения они достаточно разнообразны. Это терочкины усеченно-конической и округлой формы со следами сработанности на одном конце — 5 экз. (табл. XV, 1–4, 8) и плоские плитки для растирания с выемкой на рабочей поверхности, покрытой мелкой забивкой и заполирован-

ной, — 4 экз. (табл. XV, 10, 12, 14, 15). Найдено несколько обломков плиток, прямоугольных в сечении, со следами охры — 4 экз. (табл. XV, 13, 16). Крупный желвак — галька подтреугольной формы с выбоинами на верхней стороне, скорее всего, служил наковаленкой (табл. XV, 11). Из единичных находок следует отметить гальку удлиненной формы с незаконченным отверстием на одном конце — заготовка оселка? (табл. XV, 5); обломок каменного шара с полированной поверхностью и сквозным отверстием типа известных в окуневской культуре, но сделанного из темноокрашенной фосфатной гальки? (табл. XV, 7); обломок каменного диска со сквозным отверстием (табл. XV, 6); кремневый отщеп (табл. XV, 9). Неясно назначение двух предметов — «сфероидов» с сильно забитой поверхностью (табл. XV, 17, 18); на одном из них, имеющем правильную округлую форму (табл. XV, 17), сохранились следы нагара.

Особую группу изделий составляют пестики и пестикообразные предметы. Это крупные гальки удлиненной формы, преимущественно серо-коричневого или зеленоватого цвета, со следами ударов на концах (всего 14 экз.). У некоторых из них естественная гладкая поверхность (табл. XVI, 4, 8–14); другие специально подработаны и имеют четко выраженную фаллическую форму. На двух из них «головка» отделена круговой выемкой (табл. XVI, 1, 3), на двух, за счет углубления окружающей поверхности, — выступающим ободком (табл. XVI, 2, 5). Подобного рода изделия фаллического облика хорошо известны в памятниках эпохи бронзы Западной Сибири. Фаллический пест с выделенным ободком, аналогичный торгажакскому, найден в одном из карасукских погребений у оз. Шира [Членова, 1972, табл. 41, 24]. Ритуальное назначение этих вещей, связанных с культом плодородия (в широком значении термина) и употреблявшихся при проведении соответствующих праздников, очевидно. В этой связи следует отметить также две уплощенные крупные гальки с выемками по сторонам на одном конце (табл. XVI, 6, 7). Обычно такого рода предметы трактуются как грузила или подвесы; однако они также могли осмысливаться как фаллические или антропоморфные изображения.

Достаточно многочисленны находки зернотерок — всего 14 экз.; из них 11 — обломки верхних камней (табл. XVII, 1–8, 10, 11) и 3 — нижних (табл. XVII, 9, 12). Все они сделаны из песчаника. На обратной стороне иногда оставлена известковая корка; рабочая сторона, как правило, покрыта равномерной сплошной забивкой. В некоторых случаях на поверхности зернотерок сохранились следы охры, показывающие, что зернотерки могли быть предназначены не только для растирания зерна. Из девонского песчаника, легко раскалывающегося на тонкие ровные плитки, делались и другие предметы, имев-

шие, судя по всему, весьма разнообразное применение. Одни из них, прямоугольной (табл. XVIII, 8) и круглой (табл. XVIII, 1, 5, 7) формы, могли использоваться как «подносы»; другие — с боковым выступом (табл. XVIII, 2—4, 6) — служили крышками для сосудов. Всего найдено 4 такие крышки. Края их тщательно оббиты. Одна из них, наиболее крупная (табл. XVIII, 6), имела в поперечнике около 40 см, что говорит о соответствующих размерах сосуда, который она покрывала. На внешней поверхности крышек меньшего диаметра (12—14 см) имеются царапины (табл. XVIII, 1—3), а в одном случае (табл. XVIII, 3) края покрыты нагаром. Вероятно, она покрывала сосуд, поставленный на огонь для приготовления пищи.

клада о раскопках Торгажака в 1989 г. в Хакасском НИИЯЛИ В. Ф. Капелько для определения таких предметов было употреблено название «денежки». Не исключено, что оно достаточно близко к истине: такие круглые оббитые диски разных размеров могли играть роль «символов ценности», наподобие «раковинных денег», известных в этнографии.

Из других каменных изделий следует отметить находки цилиндрических аргилитовых бус, обычных для памятников карасукской культуры (рис. 4, 4, 5) и антропоморфную фигурку, сделанную из светлого песчаника, из жилища 2, о которой следует сказать особо (рис. 4, 1). Высота фигурки 3,5 см. Несмотря на примитивный характер изготовления, она достаточно вырази-

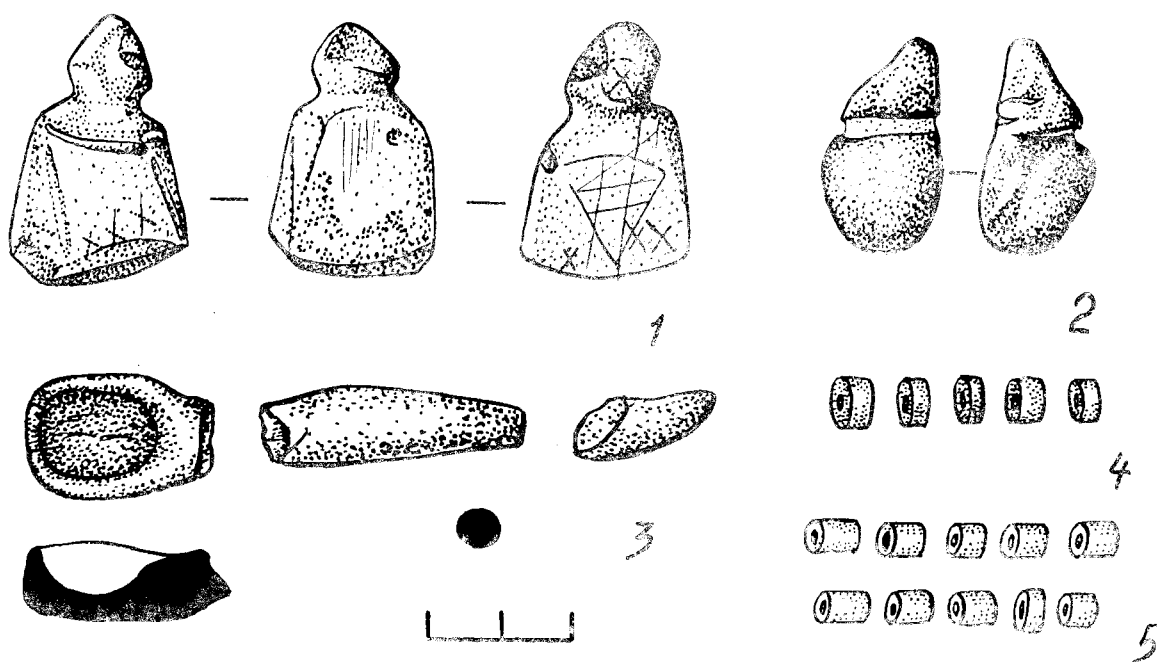

Рис. 4. Мелкие изделия из Торгажака: 1, 2 — антропоморфные фигурки; 3 — льячка; 4, 5 — бусы (1, 2 — жилище 2; 3 — жилище 7; 4 — жилище 4; 5 — жилище 1. 1, 2, 4, 5 — камень; 3 — глина)

Одна из больших плит, к сожалению разломанная надвое, правильной прямоугольной формы, с тщательно оббитыми краями (табл. XVIII, 9), служила «постаментом» для каменного блока с антропоморфным изображением, найденного в «алтарной» нише жилища I. Внешняя плоскость плиты тщательно заглажена; по всей ее поверхности сохранились следы растертого белого вещества (мела?).

Весьма своеобразна серия круглых каменных дисков, с оббитыми краями, диаметром от 1 до 6—7 см. Впервые такие каменные диски были обнаружены в святилищах с изваяниями окуневской культуры [Кызласов, 1986, рис. 25]. Назначение их неясно. Во время обсуждения до-

тельна. Показаны верхняя часть туловища с выделенными плечами и подтреугольной формы голова (возможно, в головном уборе?) с наклонной, как бы смотрящей вверх лицевой плоскостью. Само лицо не промоделировано; скол на этом месте появился позднее. Низ фигурки уплощен; вероятно, она ставилась на какое-то основание. На боковых сторонах процарапаны знаки: кресты (по три с двух сторон), параллельные и перекрещивающиеся линии; на голове с одной стороны сбоку — круг с крестом. Все эти элементы встречаются и в гравировках на гальках, а подобный угол наклона лицевой плоскости составляет наиболее характерную особенность каменного блока с личиной из «алтарной» ниши в жи-

лище 1, что говорит о единой изобразительной традиции, к которой относится и данное изображение. Возможно, упрощенной «копией» рассматриваемой фигурки является такого же размера мелкая коричневатая галька с выемчатым желобком, отделяющем «голову» от «туловища», найденная также в жилище 2 (рис. 4, 2).

Изделия из глины. Во всех жилищах Торгажака найдено большое количество обломков керамики: всего несколько тысяч фрагментов от 300—400 сосудов, из которых могут быть реконструированы 202 сосуда. Из них меньшая часть соответствует керамике из погребений карасукской культуры. Большая часть представляет менее изученную «бытовую» посуду эпохи поздней бронзы; и в этом плане значение керамического комплекса поселения Торгажак трудно переоценить. Анализ этого материала посвящена глава IV, написанная И. П. Лазаретовым. Помимо керамики найден только один предмет, сделанный из глины, — это обломок льячки со сломанной ручкой из жилища 7 (рис. 4, 3), что свидетельствует о каких-то производившихся здесь действиях, связанных с металлургией. Однако никаких других следов этих действий (шлаков, отходов от производства или обломков литейных форм) не обнаружено.

Предметы изобразительного искусства из «алтарных» ниш. Произведения изобразительной деятельности с использованием самых различных материалов вообще представлены в находках из Торгажака очень широко. Среди них выделяются предметы с изображениями, найденные в «алтарных» нишах, то есть уже по условиям своего нахождения несомненно связанные с культовыми представлениями. К ним относятся каменный блок с личиной (жилище 1) и плитка с петроглифом (жилище 3). Другая такая же плитка с петроглифом происходит из жилища 2.

Антропоморфное изображение из жилища 1 представляет собой каменный блок, вырубленный из светло-коричневого песчаника, с плоским прямоугольным основанием (28 x 20 см) и высотой 21 см. «Лицевая» сторона скошена под углом приблизительно в 45° и заполирована; «затылочная» часть прямая, дополнительно проработана крупными сколами. Изображение личности нанесено мелкой глубокой выбивкой на лицевой стороне. Показаны круглые широко расставленные глаза; непосредственно над ними — остроугольные, расходящиеся в стороны уши. Посередине лица проходит широкая поперечная полоса. Внизу расположен большой, овальной формы рот, залощенный, с налетом жира — следами «кормления» божества (рис. 5). Иконографически личина полностью соответствует изображениям окуневской культуры, хотя вряд ли можно предполагать столь длительное и неизменное существование данной изобразительной традиции. Скорее, каменный блок был вырублен из

более раннего окуневского изваяния. С этой точки зрения показательно, что точно такая же личина с широко расставленными глазами, поперечной полосой и своеобразно переданными ушами выбита в средней части одного из окуневских изваяний, найденных в устье р. Камышты [Валецкая, 1980, табл. XXX, 20]. Однако это ни в коем случае не является свидетельством простого вторичного использования. Ясно, что именно данный персонаж каким-то образом отвечал запросам жителей Торгажака, хотя, очевидно, и был приспособлен к условиям нового мировоззрения.

В этом аспекте может иметь значение следующее обстоятельство. Как уже говорилось, судя по всему, блок с изображением был установлен на плоской, посыпанной мелом (?), каменной плите. Лицевая сторона при этом располагалась таким образом, что «взгляд» божества был направлен вперед и вверх — особенность, отмеченная выше при описании антропоморфной фигурки из жилища 2. Для получения этого эффекта надо было не просто вырубить часть окуневского изваяния, а, при условии необходимости плоского основания, придать определенный угол на-

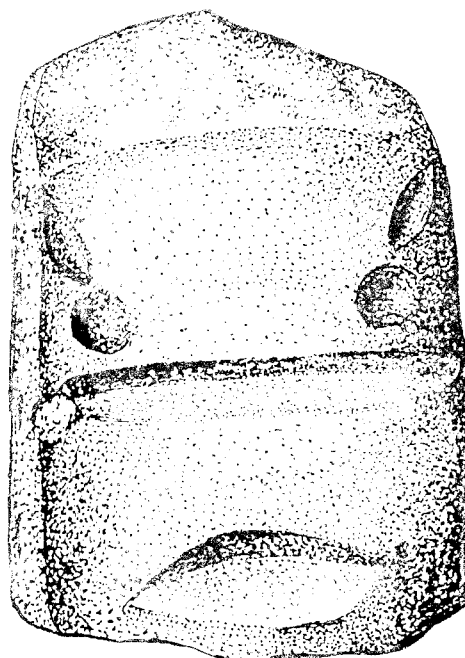

Рис. 5. Каменный блок с антропоморфным изображением из жилища 1

клона лицевой плоскости. О том, что подобные действия были целенаправленными и не случайными, свидетельствуют некоторые аналогии в памятниках других культур эпохи бронзы. Так, определенный угол наклона лицевой плоскости имеет каменная антропоморфная скульптура самусьской

культуры в Западной Сибири [Студзицкая, 1987, рис. 2, 3]. Отчетливо это видно на известном изображении с р. Нуры в Северном Казахстане [Мошинская, 1976, табл. 5]. Также вверх устремлен взгляд и у фигурки сидящего человека, найденной при случайных обстоятельствах в Кустанайской области [Древности Урало-Казахстанских степей, 1991, с. 21, № 23]. Неожиданно близкой оказывается трактовка глиняных антропоморфных изображений из поселения Лидовка I в Приморье [Дьяков, 1987, рис. 1]. Можно предполагать, что это не простые совпадения, а отражение какой-то одной общей идеи, имевшей в эпоху бронзы широкое распространение. Гипотетически это можно связать с образом восходящего (или заходящего) Солнца, но это уже больше из области догадок.

наковой стилистической манере. Прямыми линиями различной толщины показаны опущенные вниз ноги, удлиненное и как бы слегка наклоненное вперед туловище, отставленный назад хвост. Изображение на плитке из жилища 3 сохранилось полнее: здесь видны две пары опущенных вниз ног и вытянутая вперед длинная шея. Головы, а в одном случае вся передняя часть туловища, сколоты (рис. 6). Несмотря на то что фигурки лошадей ориентированы в разные стороны, стилистическое и, вероятно, семантическое единство их очевидно.

С точки зрения изобразительных особенностей оба рисунка относятся к уже выделенному стилю в петроглифике Южной Сибири, известному как «варчинский» [Леонтьев, 1980, с. 69–72] или «карасукский» [Пяткин, 1977, с. 61–62].

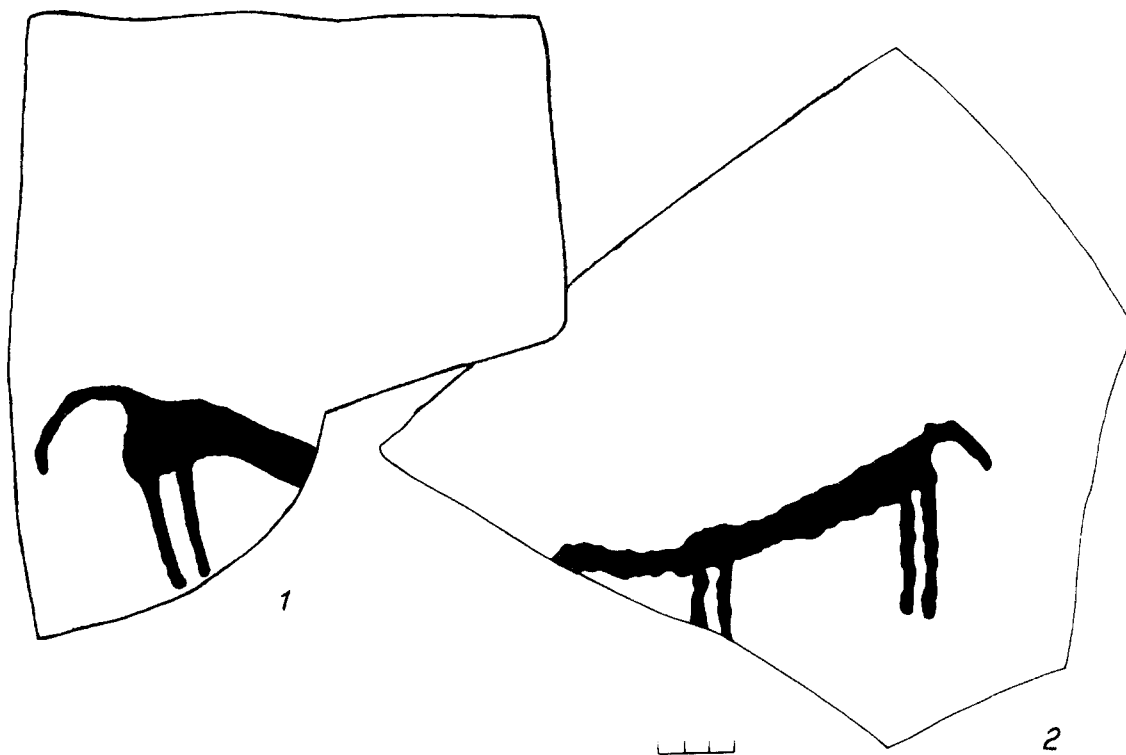

Рис. 6. Каменные плитки с изображениями лошадей:
1 — жилище 2; 2 — жилище 3.

В двух случаях (в «алтарной» нише жилища 3 и в жилище 2) были найдены плитки песчаника с петроглифами. Следует отметить, что случай находки петроглифов в поселенческом комплексе вообще — явление уникальное, имеющее большое значение для проблемы датировки наскальных изображений. Обе плитки прямоугольных очертаний, размером 24 x 27 см и 29 x 26 см; один из углов каждой из плиток сколот. В нижней части плиток выбиты изображения стоящих лошадей, выполненные в оди-

Находки из Торгажака полностью подтверждают такое хронологическое определение. Следует отметить, что в южной части Минусинской котловины сейчас открыто большое количество петроглифов в карасукском стиле, в том числе и нанесенных на плитах, из которых строились ограды курганов тагарской культуры [Савинов, 1993]. Некоторые из них вполне могли быть выбиты жителями Торгажака. Особый интерес представляют изображения на плитке, размером 32 x 21 см, использованной в качестве контрфор-

са в одном из курганов могильника Есино I, расположенного в непосредственной близости от Торгажака. На одной стороне плитки находится весьма насыщенная композиция из расположенных по кругу лошадей, выполненных в том же характерном карасукском стиле (рис. 7). Не исключено, что данная плитка первоначально могла находиться в одной из «алтарных» ниш Торгажака (или расположенного поблизости такого же поселения).

Что касается вопросов семантики (или характера использования) подобных изображений, то здесь немаловажным представляется то обстоятельство, что обе плитки были явно намеренно повреждены (при этом сколоты именно части с изображениями голов лошадей) и затем сохра-

ты точное содержание обряда, конечно, определить трудно. Исходя из характера «круговых» композиций, вообще характерных для изображений карасукского стиля, нами было высказано предположение о связи их с идеей реинкарнации [Савинов, 1993, с. 70—72], что вполне вероятно и применительно к плиткам из Торгажака, учитывая огромное значение лошади на раннем этапе развития скотоводческих обществ.

Завершая обзор вещественных находок из Торгажака, следует остановиться на характеристике многочисленных костей животных как наиболее важном источнике при определении хозяйственной деятельности жителей поселения. Распределение костей животных — домашних и диких — по жилищам представлены в сводке 1.

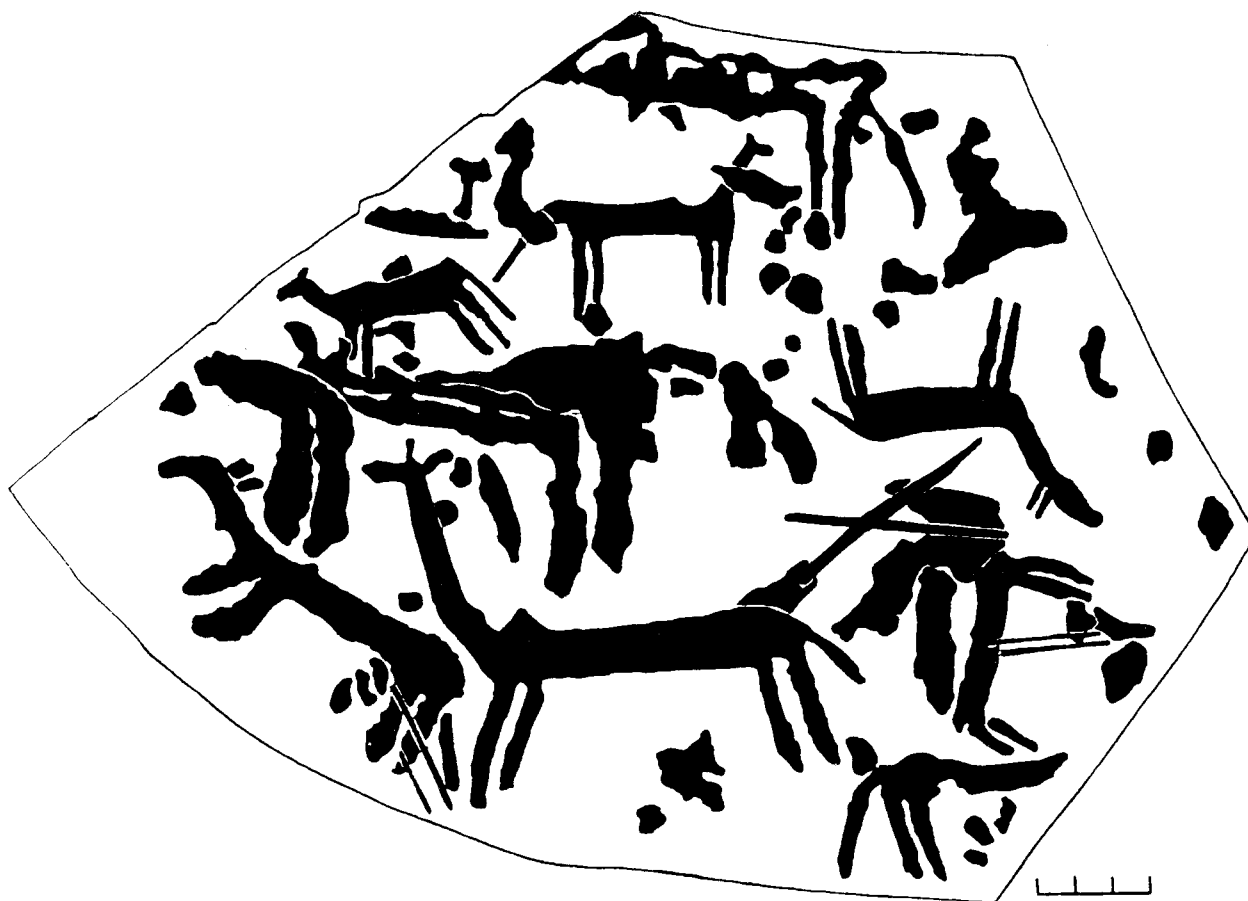

Рис. 7. Каменная плитка с «круговой» композицией из могильника Есино I

нялись в специально отведенных для этого местах. Вероятно, этому предшествовали какие-то ритуальные действия, при которых плитки с изображениями лошадей играли определенную роль, после чего (или в процессе таких действий) наиболее значимая часть изображения (голова) откалывалась (возможно, закапывалась в другом месте?). Все это могло происходить в рамках представлений культово-генеалогического цикла, хо-

Среди домашних животных (по количеству особей) первое место занимает мелкий рогатый скот (овца — 79, коза — 18); второе — крупный рогатый скот (корова — 37); третье — лошадь (26); четвертое — собака (5). Такое соотношение различных видов домашних животных в наибольшей степени соответствует начальным этапам освоения отгонного скотоводства. Среди диких животных первые два места занимают пред-

ставители степной фауны — косуля (33) и кулан (10). Далее, по степени убывания, следуют благородный олень (6), архар (5), лось и медведь (по 3) и т. д. Количественный состав костей диких животных свидетельствует о том, что охота играла весьма существенную роль в хозяйственной жизни населения Торгажака. Следует отметить, что приведенные данные, в принципе, соответствуют остеологическим определениям по материалам раскопанного в 1961—1962 гг. жилища на поселении Каменный Лог I, содержащимся в отчете М. П. Грязнова. Количество особей: корова — 6; баран — 12; козел — 2; лошадь — 5; собака — 1; косуля — 2; марал — 2; кабан — 1. Об-

ращает внимание в том и другом случае отсутствие костей рыб (в Торгажаке всего несколько позвонков), хотя оба поселения находились на берегу или в непосредственной близости от реки. Вероятно, местное население не занималось рыболовством.

Исходя из всего сказанного, следует, что хозяйство жителей Торгажака носило комплексный характер: в нем сочетались отгонное и придомное скотоводство, пойменное земледелие и охота. Это обычная комбинация различных видов хозяйственной деятельности населения горно-степных районов, сохранявшаяся в Южной Сибири до этнографической современности.

Сводка 1.

ДАННЫЕ ПО ЖИЛИЩАМ О КОЛИЧЕСТВЕ НАЙДЕННЫХ КОСТЕЙ И ВИДОВОМ СОСТАВЕ ЖИВОТНЫХ

№ жи- лища вид	1	2	3	4	5	6	7	ямы		итого кол-во особей								
	общее количество																	
	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей	кост- тей	осо- бей		
домашние животные																		
овца	377	25	51	11	58	6	57	11	55	13	102	5	62	5	11	3	79	
коза	35	4	3	1	13	3	6	2	5	1	8	2	17	4	2	1	18	
корова	251	17	20	3	55	2	37	2	31	3	117	5	114	3	11	2	37	
лошадь	145	11	21	3	37	2	11	2	27	2	51	3	36	2	5	1	26	
собака	2	1	1	1	1	1	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	5	
дикие животные																		
косуля	80	8	18	4	14	5	6	3	14	5	20	5	6	3	—	—	33	
кулан	14	2	8	1	9	2	3	2	9	1	2	1	7	1	—	—	10	
марал	—	—	3	1	3	1	1	1	—	—	1	1	4	2	—	—	6	
горный баран	18	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2	—	—	5	
лось	9	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	3	
медведь	2	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	3	
кабан	16	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
лиса	4	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
заяц	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	
горный козел	7	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
волк	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	
соболь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	1	
кости птиц	3	?	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	—	—	—	—	?	
кости рыб	3	?	1	1	—	—	2	1	1	1	—	—	2	?	—	—	?	

ГЛАВА IV.

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ТОРГАЖАК

При исследовании поселения Торгажак получена значительная серия керамики, состоящая из нескольких тысяч фрагментов — не менее чем от 300—400 сосудов. Основная масса обнаруженных обломков глиняной посуды оказалась сосредоточенной в котлованах домов, главным образом в их периферийной части. Отдельные фрагменты найдены в ямах внутри жилищ и на «площади» поселения. Найденный в строениях Торгажака материал отражает относительно короткий период существования памятника, а серию торгажакских сосудов можно рассматривать как единый керамический комплекс. Обе группы сооружений (жилища 1—5 и 6—7), судя по всему, функционировали синхронно; во всяком случае, в их керамике не наблюдается явных отличий. Более того — единичные фрагменты одних и тех же сосудов представлены как в группе жилищ 1—5, так и в жилищах 6—7. Имеются незначительные расхождения в количественном соотношении разных типов посуды по комплексам; однако это явление вполне естественное и легко объяснимое.

Примечательно полное отсутствие в жилищах целых сосудов или их развалов. Исходя из этого, можно предполагать, что поселение было оставлено без какой-либо спешки, и вся посуда, пригодная для употребления, была унесена жителями с собой. Исключение составляет сосуд, найденный при снятии почвенного слоя над жилищем 1 (табл. L, 12). По форме и особенностям орнаментации он резко отличается от всей остальной керамики поселения. Аналогичные

сосуды хорошо известны по погребениям и стоянкам лугавской культуры (по М. П. Грязнову, каменноложский этап карасукской культуры), исследованным в различных районах Минусинской котловины. Судя по условиям находки, этот сосуд попал в слой уже после того, как жилище 1 было сожжено, а поселение прекратило свое существование. Это первый достоверный случай «прямой» стратиграфии различных керамических комплексов для эпохи поздней бронзы Южной Сибири.

Поскольку большинство сосудов сильно фрагментировано, для анализа было отобрано 202 сосуда, форму и орнаментацию которых можно восстановить полностью либо реконструировать с большей или меньшей вероятностью. Распределение реконструированных сосудов по жилищам и их место в соответствующих таблицах представлено в сводке 2. Необходимо отметить, что при такой методике несколько возрастает процент посуды с простой орнаментацией, так как сложные композиции по мелким обломкам восстановить значительно труднее. Немалые трудности возникают и при определении формы сосудов. Отчетливое представление о ней дают только те немногие сосуды, профиль которых удалось собрать полностью. В других случаях форма восстанавливается гипотетически, исходя из общей конфигурации и изгиба стенок. Очевидно лишь то, что подавляющее большинство посуды, найденной в Торгажаке, имело округлое или слегка уплощенное дно.

Сводка 2. Данные по жилищам о количестве реставрированных сосудов и указание рисунков в таблицах

Табл. № жилища	XL	XLI	XLII	XLIII	XLIV	XLV	XLVI	XLVII	XLVIII	XLIX	L	Всего
	номера рисунков в таблицах											
1	2, 4, 7, 8, 11, 14, 19, 20, 22, 23	3, 6, 8, 11, 18	6, 8, 13, 14, 17	3, 5, 7, 9, 10, 11, 17	2, 3, 4, 8, 10, 11, 12, 15, 17	1, 4, 9, 10, 11, 16, 19	1, 4, 6, 8	4, 7, 9, 13, 14, 18	1, 3, 13	1, 4, 6, 8, 9, 10, 13, 14	1, 2, 8, 12	68
2	3, 6, 12, 13	9, 14, 15	11	1	19	23	9, 10	12	2, 4, 9	7	7, 9	20
3	15, 21	20	—	8, 12, 14	6	3	3, 11, 12	10, 15	5, 7, 12, 18	—	3, 11	19
4	10	13, 19, 22	3	—	14	17, 18	5	17	17	3	10	13
5	5, 17	2, 21, 23	1, 2, 10	16	9, 18	2, 21	—	8, 16	6, 8, 15, 16	2, 11	4	22
6	9, 16, 24, 25	5, 12, 16, 17	4, 5, 7, 9, 12, 15, 16	2, 4, 6, 13, 15, 18	5, 7, 13, 16	5, 6, 7, 8, 12, 13, 14, 15, 20, 22	2, 7	1, 2, 3, 5, 11	10, 11	5, 15	5	47
7	1, 18	1, 4, 7, 10	—	—	1	—	13, 14	6	14	12	—	12
ямы	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	1
	25	23	17	18	19	23	14	18	18	15	12	202

По соотношению пропорций шейки и тулова сосудов, оформлению перехода между ними, с учетом характера орнамента и способа обработки поверхности, всю серию керамики можно разделить на несколько достаточно условных групп. Более четкое выделение типов в данном случае затруднительно, так как имеется множество переходных форм, отличающихся друг от друга незначительными деталями.

Первую группу образуют сосуды с прямой шейкой, отделенной от тулова четко выраженным уступом. Диаметр устья сосудов, как правило, близок или превышает общую высоту сосуда. Все они довольно тонкостенные, окрашены в черный или темно-коричневый цвет и до блеска залощены. Сосуды либо вовсе не орнаментированы, либо украшены горизонтальными рядами оттисков палочки, иногда дополненными зигзагом, треугольниками или прямоугольниками (табл. XL, 1—9).

Вторая группа, при общей близости пропорций, отличается от первой плавным оформлением перехода от шейки к тулову сосуда. Эта зона обычно акцентирована горизонтальными линиями, прочерченными или нанесенными зубчатым штампом. Плечики сосудов украшены зигзагом, горизонтальной «ёлочкой», косым крестом, треугольными, прямоугольными и ромбическими

ми фигурами, иногда в сочетании друг с другом. Только в единичных случаях орнаментация распространяется на шейку сосуда и верхний срез венчика (табл. XL, 12—25; XLI). От сосудов с уступом керамика второй группы отличается несколько худшим качеством изготовления. Поверхность их слабо заглажена и имеет перепады цвета вследствие неравномерного обжига. Однако часть сосудов, особенно с пышной орнаментацией, залощена более тщательно; по крайней мере однажды отмечены следы заполнения белой пастой (табл. XLI, 4). Цветовая гамма сосудов весьма разнообразна: от черного и темно-коричневого до серого и желтого. Некоторые сосуды покрыты слоем красного ангоба. На четырех сосудах имелись наклепные ручки с вертикальным отверстием.

Как тенденции дальнейшего развития можно выделить две следующие группы сосудов (3 и 4). **Третья группа** сосудов, при сохранении достаточно широкого устья, приобретает вытянутые пропорции. Переход от шейки к тулову становится все более плавным и менее выраженным. В результате посуда имеет вид, близкий к банке с раздутым туловом и слегка отогнутым или вовсе не выделенным венчиком. Для придания сосудам устойчивости в вертикальной плоскости их наибольший диаметр и, соответствен-

но, центр тяжести опускается ниже, вследствие чего сосуды тяготеют к митровидной форме.

Посуда третьей группы, как правило, украшена очень скупо и только в верхней части. Это одна-две линии круглых или подтреугольных вдавлений, нанесенных концом палочки; ямки, перемежающиеся насечками или обрамленные одним-двумя рядами наклонных отпечатков гладкого штампа; либо просто ряды оттисков различной конфигурации (табл. XLIII—XLV). Наибольший интерес вызывают украшения в виде наlepных и формованных валиков, расположенных обычно в зоне перехода от шейки к тулову или непосредственно под венчиком сосуда. Иногда сочетаются оба варианта размещения (табл. XLVI—XLIX). Для лучшего их крепления поверхность сосудов в месте наложения валиков специально подрабатывалась, сами они с одной, а чаще с обеих сторон зажимались линиями наклонных отпечатков гладкого или зубчатого штампов. Валики могли дополняться орнаментацией в виде ряда ямок или насечек, группами отпечатков палочки, ромбами и треугольниками, обращенными вершинами вверх. Третья группа посуды наиболее многочисленна и вариabельна по своим размерам. В ней представлены как очень крупные, так и миниатюрные сосуды самой разнообразной выделки и окраски. Очень мало сосудов с тщательным лощением, и только один покрыт красным ангобом.

Четвертая группа сосудов, сохраняя форму тулова, близкую к сферической, проявляет «стремление» к узкогорлости. Их шейка становится выше, а диаметр ее заметно уменьшается. В окончательном варианте формируются сосуды с высоким и узким горлом, переходящим в крутые плечики под углом, близким к 90°. Таких сосудов мало, и судить об их орнаментации сложно (табл. XLV, 21, 22).

Пятая группа сосудов, как и предыдущая, очень немногочисленна. Это так называемые бадейкообразные сосуды — слабопрофилированные банки с уплощенным или плоским дном, иногда с дополнительным кольцевидным поддоном. Обычно они имеют наlepные ручки или отверстия для подвешивания. Тулово сосудов орнаментировано разнонаправленными оттисками зубчатого штампа, а придонная часть и зона шейки выделены горизонтальными линиями отпечатков того же орнамента. Две бадейки покрыты слоем красного ангоба, одна окрашена в черный цвет (табл. L, 6, 10, 11). Вероятно, к этой же группе относятся и два сосуда с валиками. Они окрашены в розовато-красный цвет, до блеска залощены и орнаментированы по всей поверхности разнонаправленными оттисками зубчатого штампа (табл. L, 7, 8). В данном случае валики на них можно рассматривать как своеобразный заменитель горизонтальных линий.

Особо следует отметить фрагменты трех сосудов из Торгажака со следами точечной роспи-

си черной краской по красному фону (табл. XLII, 1—3). В одном случае она дополнена обычным орнаментом из оттисков зубчатого штампа. По форме и манере обработки поверхности эти сосуды практически не отличаются от основной массы керамики поселения. Однако подобные приемы декорирования более характерны для круга земледельческих культур Средней Азии и Китая. Появление керамики с росписью на Енисее свидетельствует о возможных контактах жителей Торгажака с населением весьма отдаленных южных областей.

Переходя к анализу торгажакской керамики, необходимо иметь в виду, что наряду с «классической» карасукской и лугавской посудой, существует большая группа керамики, сочетающая в различных вариантах элементы обеих традиций. Комплексы с сосудами такого рода можно рассматривать в качестве переходных или смешанных. Более конкретная культурная и хронологическая их привязка возможна только с учетом ряда сопутствующих факторов — конструкции погребений, жилищ, обряда, вещевого материала и др. Керамика в данном случае оказывается наименее показательным признаком.

На большинстве немногих известных в настоящее время поселений эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине обнаружена керамика лугавского и карасук-лугавского типа. Только на Тепсе XII найдены фрагменты нескольких лощеных сосудов с выделенной шейкой «классического» карасукского облика. Торгажакские сосуды второй и третьей групп с орнаментацией в виде рядов ямок, насечек, прочерченных линий и свисающих треугольников находят немало аналогий среди карасук-лугавской поселенческой керамики. Однако эти простейшие формы сосудов и орнаментации бытовали довольно продолжительное время и сами по себе не определяют культурно-хронологическую принадлежность памятников. Более показательны горшки с уступом из Тепсея XII. Они практически идентичны по профилировке и выделке торгажакским сосудам, но только одной — первой, притом не самой представительной, группы. Что касается сосудов редких форм, а также посуды, декорированной валиками, то прямых аналогий ей в поселениях эпохи поздней бронзы Минусинской котловины нам неизвестно. Для объяснения этого обстоятельства необходимо привлечение широкого круга материалов из погребальных комплексов, естественно, с учетом их специфики.

В 1988—1989 гг. Д. Г. Савиновым на противоположном берегу р. Теи, на незначительном удалении от Торгажака, был полностью исследован могильник эпохи поздней бронзы Арбан I, в котором выявлено две группы погребений: карасукская, хотя и не вполне «классическая», и раннелугавская. Захоронения территориально обособлены, имеют разные типы могильных конст-

струкций и заметно отличаются по керамике. В то же время нельзя не отметить единство позы и ориентировки погребенных, а также несомненное сходство форм и элементов орнаментации отдельных сосудов. Керамика карасукской части могильника в ряде случаев тождественна торгажакской керамике второй и третьей групп. В единичных экземплярах встречены здесь и бадейки, сосуды митровидной формы, наlepные ручки с вертикальным отверстием, красный ангоб. Здесь же найден и «классический» карасукский сосуд с уступом и «пышной» геометрической орнаментацией. Керамика раннелугавской части могильника также напоминает, хотя и в меньшей степени, торгажакскую — прежде всего особенностями орнаментации (горизонтальные линии по шейке сосудов или их заменители — наlepные и формованные валики, спорадическая орнаментация зоны венчика, размещение декоративных элементов обособленными группами). Все это позволяет синхронизировать поселение Торгажак и могильник Арбан I, прежде всего его карасукскую часть. Однако однозначно утверждать, что именно этот могильник оставлен жителями Торгажака, все же нельзя, так как недалеко расположен еще один погребальный комплекс такого же типа — Есинская МТС.

Если обратиться к памятникам, территориально более удаленным, то набор посуды, сопоставимой с торгажакской, в различных вариантах повторяется во многих могильниках или отдельных группах погребений, входящих в состав крупных погребальных комплексов Минусинской котловины эпохи поздней бронзы. В качестве примеров можно привести материалы уже опубликованных могильников: Хара-Хая, Абакан VI, частично Малые Копены III. Что касается посуды с валиками, то она весомо представлена в группе погребений из Кюргенера I (раскопки М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой, 1965—1966 гг. [Членова, 1972, табл. 16, 17—19]). Отдельные сосуды с наlepными валиками найдены в могильниках Лебяжье IV (раскопки Э. Б. Вадецкой, 1975 г.), Чазы (раскопки Е. Д. Паульса, 1978 и 1983 гг.), Белое Озеро I (раскопки И. П. Лазаретова, 1986—1991 гг.).

Особую значимость материалам Торгажака придает то обстоятельство, что на посуде из этого комплекса присутствуют все известные элементы, получившие дальнейшее развитие в памятниках лугавской культуры. Это общая удлиненность и слабая профилировка многих сосудов, часто встречающаяся орнаментация рядами разнонаправленных оттисков штампа или насечек, спорадически уже затрагивающая зону венчика, размещение декора не сплошным полем, а в чередовании с гладкими участками. В лугавских комплексах продолжают свое существование сосуды с ручками, а бадейкообразные сосуды почти в неизменном виде доживают до скифского времени. Наиболее наглядно процесс трансформации тор-

гажакской посуды в лугавскую прослеживается на примере размещения валиков. На горшках из поселения они, как правило, одиночные, прикрывают места стыковки лент, придавая посуде большую прочность. Однако и здесь, как и на керамике из Кюргенера I, уже намечается тенденция к увеличению числа валиков и их более тесной компоновке. На лугавских сосудах они располагаются компактной группой, смещаются в зону шейки, заменяя собой традиционные карасукские прочерченные линии, и выполняют уже преимущественно декоративную функцию. Такая последовательность развития керамических форм подтверждается типологическими наблюдениями, планиграфией могильников и стратиграфически. Несмотря на повсеместное распространение, карасукская и лугавская посуда в их эталонном варианте никогда не встречается в погребениях и, что особенно важно, в поселенческих комплексах. Будь они синхронны, мы непременно имели бы, пусть единичные, случаи их совместного залегания. Карасук-лугавские захоронения в составе карасукских могильников обычно располагаются на окраинах, в местах наименее удобных для строительства курганов. Наконец, в Торгажаке зафиксирован факт перекрытия «классическим» лугавским сосудом слоя с керамикой переходного облика.

На наш взгляд, ключевым в решении данной проблемы является вопрос о происхождении валиковой керамики, наиболее полно представленной в материалах Торгажака. Такие сосуды можно рассматривать и как инокультурный элемент, привнесенный со стороны, и как исконно карасукскую кухонную посуду. Примеры подобного деления на поселенческую и погребальную керамику, существенно отличающуюся друг от друга формой и орнаментацией, известны. В зависимости от решения этого вопроса мы либо должны признать памятники лугавского типа этапом карасукской культуры и следствием ее сугубо внутреннего развития, либо выделить их в отдельную археологическую культуру, сложившуюся под влиянием внешнего воздействия. Последняя возможность нам представляется более вероятной. Во-первых, судя по материалам карасук-лугавских и собственно лугавских стоянок, а также могильников, существенной разницы между поселенческой и погребальной керамикой этого времени в Минусинской котловине не наблюдается. Во-вторых, появление в карасукских могильниках посуды с валиками и керамики, орнаментированной косыми насечками, часто сопровождается изменением конструкции погребальных сооружений, обряда и инвентаря. Появляются новые, ранее неизвестные виды бронзовых изделий, о которых будет сказано ниже. Погребения такого типа, на наш взгляд, не могут считаться собственно карасукскими и, вероятно, принадлежат иноплеменникам.

Сопоставление валиковой керамики Торгажака с материалами сопредельных территорий может считаться еще одним косвенным аргументом против ее карасукской принадлежности. Известно, что на финальном этапе бронзового века подобная посуда получила практически повсеместное распространение в степной зоне Евразии [Черных, 1983]. В Казахстане и на Алтае ее происхождение связывают с западным влиянием, в частности, с продвижением населения черкаскульской культуры (не ранее XIII в. до н. э.). Карасукская культура, в принципе, укладывается в такие хронологические рамки. Поэтому карасукская валиковая посуда должна была бы подходить на посуду восточного ареала культур валиковой керамики (КВК). Однако сравнение торгажакской керамики с сосудами из Казахстана и Алтая демонстрирует существенные расхождения между ними в профилировке и приемах декорирования посуды. Там повсеместно распространены плоскодонные формы, наибольший диаметр которых приходится на верхнюю часть сосуда. Валики почти всегда одиночные, рассечены орнаментом [Черников, 1960, табл. XXIX, XXX, XLIII; Маргулан, 1979, рис. 155—157; Кирюшин, Иванов, Удодов, 1990, рис. 4—5]. Нередко концы их свисают в виде характерных «усов». Торгажакские сосуды округлодонны, слабопрофилированы и тяготеют к митровидной форме. Их валики как бы «зажаты» рядами наклонных оттисков орнамента, случаи рассечения единичны. Фактическое сходство алтайско-казахстанской и торгажакской керамики ограничивается только наличием валиков, в остальном же эти сосуды не сопоставимы.

Кроме западного, возможен еще один источник формирования этого своеобразного декоративного приема. Пока немногочисленные, но достаточно выразительные сосуды с валиками происходят с территории Забайкалья и Тувы. Обычай украшать посуду таким образом возник там еще в первой половине II тыс. до н. э. и дожил по крайней мере до скифского времени. Не исключено, что в эпоху поздней бронзы в Туве, Забайкалье и, возможно, Монголии существовала самостоятельная валиковая традиция, не связанная с КВК.

Исходя из общего контекста развития культуры предскифского времени в Минусинской котловине, юго-восточная линия связей Торга-

жака по керамическим материалам представляется более предпочтительной. Как уже отмечалось, присутствие в карасукских могильниках посуды, декорированной валиками и различными вариантами косых насечек, сопровождается общей дестабилизацией погребального обряда и изменениями в составе сопроводительного инвентаря. Вместе с валиковой керамикой появляются ранее неизвестные виды бронзовых изделий: серьги с бубенчиком и серьги с цилиндрическими выступами, ножи с грибовидным навершием и ножны с характерным трапецевидным расширением [Членова, 1972, табл. 4, 19—20, 54, 23; Зяблин, 1977, рис. 11, 5]. Аналогичные предметы известны нам по погребальным комплексам, случайным находкам и изображениям на оленных камнях Монголии и Тувы [Кызласов, 1979, рис. 14, 5, 19а, 2—6; Волков, 1981, табл. 107, 28—40]. В карасук-лугавских и лугавских комплексах получают распространение курганы-платформы, грунтовые ямы, ямы с обкладкой камнями по контуру на уровне древней поверхности, наземные и углубленные цисты [Лазаретов, 1992; Кузьмин, Лазаретов, 1995], имеющие многочисленные соответствия в памятниках монгунтайгинского типа Тувы [Чугунов, 1994]. Все это позволяет предполагать заметное участие юго-восточного компонента в формировании культуры бронзы на Среднем Енисее. До сих пор не удавалось вычленить набор посуды, который можно было уверенно ассоциировать с пришлым населением. Не исключено, что именно керамический комплекс Торгажака, если не полностью, то в значительной его части, представляет традицию, принесенную мигрантами из-за Саян.

Взаимодействие обладателей валиковой керамики и карасукцев в конечном итоге, вероятно, и привело к формированию лугавской культуры, органично сочетающей в трансформированном, но все же узнаваемом виде особенности двух исходных компонентов. Скорее всего, начало этого процесса и, соответственно, время функционирования Торгажака приходится на рубеж II—I тыс. до н. э. Не исключено, что толчком для реконструируемой миграции могло послужить падение династии Инь и последовавшая вследствие этого общая подвижка варварских племен северной периферии Китая.

ГЛАВА V.

ГРАВИРОВАННЫЕ ГАЛЬКИ ТОРГАЖАКА

Одним из главных результатов раскопок поселения Торгажак явилось открытие большой серии (всего 222 экз.) галек с различного рода гравированными рисунками, представляющими, как уже говорилось в начале книги, новый вид традиционного («народного») искусства древнего населения Минусинской котловины. Для нанесения изображений использовались гальки всех размеров — от мелких до крупных — из мелкозернистого разноокрашенного песчаника, преимущественно красновато-коричневого, палевого, серого или зеленоватого оттенков, реже — плитки песчаника и в нескольких случаях — более крупные камни. Как и другие изделия из камня, все они подбирались здесь же, на месте, скорее всего в русле р. Теи.

В соответствии с характером рисунка, выбирались гальки определенной формы — треугольные плоские, вытянутые сигарообразные овальные в сечении, подпрямоугольные, изогнутые, с выделенной «головкой». Большинство галек уже по своей естественной форме соответствовали абрису человеческой фигуры. При необходимости некоторые гальки подрабатывались и затем зашлифовывались. Возможно, что для этого могли служить и рассмотренные выше астрагалы. Изображения (общее условное название — гравировки) наносились сразу же, без подготовки, острым режущим предметом (ножом?) в виде царапин или более глубоких прорезанных линий. Рисунки обычно покрывают всю поверхность гальки с одной стороны или с двух сторон (фронтальное расположение); иногда переходят с одной плоскости на другую, охватывая и боковые стороны (круговое расположение). Сохранность рисунков различна: некоторые сохранились очень хорошо, как будто сделаны «сегодня»; другие сильно затерты и «читаются» с трудом.

Гравированные гальки найдены во всех жилищах и в некоторых ямах на «площади». В жилище 1 — 29 экз.; в жилище 2 — 12 экз.; в жи-

лище 4 — 23 экз.; в жилище 5 — 25 экз.; в жилище 6 — 46 экз.; в целом на «площади» — 24 экз. Меньше всего галек найдено в жилище 3 — 4 экз.; больше всего в жилище 7 — 58 экз. Никакой системы в условиях их нахождения или связи с определенными частями сооружения нет; однако в целом, как и в других случаях, наблюдается тенденция «стяжения» находок к угловым участкам котлованов, а также к переходам между жилищами. Из найденных в жилище 5 галек несколько обнаружены в ямах: в яме 8 — 2 экз.; в яме 21 — 4 экз. Распределение гравированных галек по жилищам и их место в соответствующих таблицах представлены в сводке 3.

Из общего количества галек менее половины могут считаться практически целыми. Остальные разбиты или, во всяком случае, несут следы искусственного повреждения. От многих сохранились только мелкие обломки. Больше всего разбитых галек происходит из жилища 6, а гальки, найденные в ямах на «площади», преимущественно целые. Очевидно, это не случайно: после какого-то периода использования гальки теряли свою «силу» и должны были быть разбиты или вновь обращались в «неодушевленный» материал. С этой точки зрения показательно, что многие гальки использовались для нанесения изображений не один, а два, а может, и несколько раз. Некоторые рисунки просто сделаны на обломках старых галек (табл. XXIV, 6, 7; XXVI, 3, 6; XXVII, 2). Гораздо чаще прежний рисунок стирался, поверхность гальки заново зашлифовывалась и на ней наносилось новое изображение, обычно отличное от предыдущего. Целый ряд галек представляют собой такие своеобразные палимпсесты. При этом «нижний» рисунок, сильно затертый и, по сути дела, уже уничтоженный, в отличие от «верхнего», иногда прослеживается с большим трудом (табл. XXIV, 2; XXV, 3, 7; XXVIII, 5, 8, 10; XXX, 10; XXXVIII, 15; XXXIX,

7, 8). Однако основные мотивы здесь сохраняются прежние — в рамках одной постоянно действующей изобразительной традиции. В некоторых случаях рисунок стирался, а новое изображение по каким-то причинам не наносилось (табл. XXVII, 7—9; XXXVII, 1, 5; XXXVIII, 21).

Все это свидетельствует о том, что изготовление галек с изображениями являлось частью ка-

другую, создавая как бы общий «фон», характеризующий этот вид изобразительного искусства. По форме галек и характеру рисунков в пределах этих двух классов более или менее определенно могут быть выделены семь групп. Из них две — с явно антропоморфными изображениями (группы 1, 2); одна — скорее всего, передающая условными средствами антропоморфный образ

Сводка 3. ДАННЫЕ О РАСПРЕДЕЛЕНИИ ГАЛЕК ПО ЖИЛИЩАМ И УКАЗАНИЕ РИСУНКОВ В ТАБЛИЦАХ

№ табл. № жилищ	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV	XXXV	XXXVI	XXXVII	XXXVIII	XXXIX	Всего
номера рисунков																					
1		3	1, 4, 5	5	9, 11	8		2	6, 9, 13	5	3, 4, 7, 8, 9	5	5	6, 7		7		5	4, 14, 15, 17, 19		29
2	7		2, 6						3, 7		17	1, 6	2, 4		1, 2						12
3										3	15		1						9		4
4		5		6, 7	3, 5, 6, 8	1	1	1, 3, 9, 11		4, 8		3, 10			5	9	1, 3	1		3	23
5	5, 6	2		8	4	4	7, 8, 9		2, 12	6	2	4, 12		1, 3, 9	8	4	11	2, 9	6, 7		25
6	4, 8	4	3, 7, 8, 9, 10		10	2	3, 4, 5	4, 6, 10	14	7, 9, 10	5, 10, 12	2, 9	3, 8	8	3, 4, 6		4, 5, 7, 8, 9, 10, 13	8	1, 2, 8, 10, 13	4, 10	46
7	1, 2, 3	1, 7, 9		1, 2, 8	1, 2, 7	3, 7	2, 6, 8	7, 8, 12, 14	1, 4, 5, 8, 10	1, 2, 11	1, 11, 14, 16, 18	7, 11		4	7, 9	1, 2, 3, 6, 8	2, 12	3, 4, 7	5, 11, 12, 16	1, 5, 6, 7, 8, 9	59
яма 16				4				5						2, 5		5	6			2	7
яма 17						6			15		6	8						6			5
яма 28		6				5		13			13								21		5
яма 30		8											6, 7						3, 20		5
«ПЛОЩАДЬ»									11										18		2
ВСЕГО	8	9	10	8	11	8	10	14	15	11	18	12	8	9	9	9	13	9	21	10	222

ких-то ритуальных действий и период их функционирования определялся временем проведения соответствующих обрядов. То же самое характерно и для знаменитого культа онгонов у народов Сибири, одной из наиболее ранних разновидностей которых, вероятно, являются торгажакские гальки.

В предварительном порядке гравированные гальки из Торгажака могут быть разделены на два основных класса: с антропоморфными и с геометрическими изображениями, — однако строгого разграничения между ними нет: многие элементы повторяются, переходят с одной гальки на

(группа 3); изображения остальных групп носят геометрический характер. Вместе с тем возможно, что некоторые из них являются схематизированными вариантами антропоморфных: группа 4 с точки зрения внутреннего содержания изображений близка группе 3; группа 6 — группе 1. К собственно геометрическим изображениям могут быть отнесены только две группы галек (5 и 7), хотя не исключено, что и в их основе лежит вполне реалистическое начало. Таким образом, несмотря на то, что рисунки на гальках носят в основном геометрический характер, их следует рассматривать не как орнамент, а как свое-

образную геометризованную форму выражения понятных их создателям образов.

Группа 1. Плоские (или уплощенные) гальки треугольной (или подтреугольной) формы, часто с округлым нижним краем, обращенные зауженной частью вверх. Изображения чаще всего нанесены на обеих плоских сторонах и представляют одетую человеческую фигуру со всеми детально переданными аксессуарами (табл. XX—XXIII; XXXVIII, 4). Некоторые гальки этой группы отличаются особой тщательностью изготовления (табл. XX, 1, 5; XXI, 1, 4, 5; XXII, 3); другие представляют более грубые воспроизведения (табл. XXV, 1, 2; XXVIII, 17, 18). Несмотря на различия в деталях, все они передают совершенно определенный образ, скорее всего, женского персонажа и условно могут быть названы «женскими».

Основная изобразительная схема на лицевой плоскости следующая. Наверху, в узкой части гальки, изображены круглая, покрытая сетчатым орнаментом шапочка; лицо треугольной формы; глаза, нос, реже — рот (табл. XX, 1, 3, 5; XXI, 2, 7; XXII, 3, 5; XXIII, 2, 7). На некоторых гальках лицо не показано, а на его месте располагается цепочка заштрихованных ромбов — «заванеска» (табл. XX, 6, 7; XXI, 5; XXII, 4; XXIII, 1, 5). На других нет шапочки, а показаны распущенные на две стороны волосы (табл. XX, 1; XXI, 8). От лица вниз и в стороны отходят короткие параллельные линии; чаще всего по 2—3 с определенным интервалом между ними (табл. XX, 1, 4, 5, 8; XXI, 1, 4, 5). Иногда на этих же местах показаны орнаментированные ленты (табл. XXI, 3, 7; XXIV, 2). Что означают эти линии, устойчиво проходящие через очень многие антропоморфные гальки Торгажака (височные или нагрудные украшения? заплетенные в косички волосы? или что-либо иное?), сказать трудно. В некоторых случаях такие линии нанесены подряд (табл. XX, 3; XXI, 2) и, возможно, передают нагрудное украшение, типа реконструируемого П. Г. Павловым по материалам карасукского могильника Сабинка II — в виде свисающих (кожаных?) ремешков с многочисленными бронзовыми пронизками и аргилитовыми бусами на концах [Павлов, 1995, рис. 2]. Такие пронизки и бусы найдены и в жилищах Торгажака.

На уровне «плеч» проведена двойная заштрихованная линия; ниже нее располагаются цепочки заштрихованных ромбов с короткими линиями — «подвесками», скорее всего передающие характер украшения нагрудной части одежды (табл. XX, 1, 3, 5; XXI, 1, 3, 4, 8 и др.). Наиболее четко на всех гальках выделен пояс, чаще всего также показанный в виде орнаментированных полос. На одной гальке от пояса вниз отходят узорчатые ленты с «подвесками» (табл. XXIII, 1). В некоторых случаях изображены подвешенные к поясу нож и прямоугольной формы сумка или «мешок» (табл. XX, 1, XXI, 4, 5, 8, XXXVII, 4). Осо-

бенно интересно изображение ножа на одной из галек из жилища 4, где показаны как его изогнутая форма, так и свисающая «бахрома». По всей видимости, здесь изображен нож выгнуто-обушкового типа, обычный для позднего этапа карасукской культуры, подвешенный к поясу слева, в чехле (табл. XXI, 5). То же самое отмечает П. Г. Павлов по материалам карасукского могильника Торт-Аба: «В погребении женщины впервые устанавливается наличие украшенного пояса с прикрепленным к нему чехлом с ножом и шилом» [Павлов, 1995, с. 55]. Все эти предметы также представлены в материалах Торгажака. В нижней, более широкой, части гальки во многих случаях выделено прямоугольное «поле», чаще всего украшенное вертикальной «ёлочкой», — «передник» (табл. XX, 5, 6; XXI, 7; XXII, 3 и др.). Края гальки («фон») от пояса и ниже обычно заштрихованы кривой сеткой.

На обломках галек этой группы представлена та же изобразительная схема (табл. XXII, 2, 7—10). Несколько отличается оформление одной из галек из жилища 1. В верхней обломанной части здесь помещается пятиугольная фигура (таким образом передано лицо или предмет типа тунгусского женского нагрудника?). Ниже показан пояс, состоящий из ромбических фигур, с квадратной пряжкой посередине, украшенной расходящимися от центра линиями (табл. XXII, 1). В материалах карасукской культуры подобного рода пряжки неизвестны.

Рисунок на обратной стороне гальки, будучи композиционно связан с оформлением лицевой части, имеет самостоятельное значение. Иногда сверху здесь изображена отходящая от «затылка» вниз линия (или лента) с расходящимися в обе стороны наискось черточками (подвесками?), возможно передающая косу или собранные в пучок волосы с наконечными украшениями. В таком случае не исключено, что именно для этой цели (скрепление волос) служили загадочные костяные кольца, также найденные в Торгажаке (табл. XII, 7, 8). Основным мотивом украшения обратной стороны галек этой группы является дугообразно изогнутая фигура, как бы «подвешенная» на плечах, от которой вниз отходят многочисленные линии (подвески?), в некоторых случаях раздваивающиеся на концах (табл. XXI, 1) или со стреловидными окончаниями (табл. XX, 1, 2). Сама дугообразная фигура орнаментирована таким образом, что кажется «плетеной». Устойчивость данного мотива позволяет предполагать, что он отражает вполне конкретную этнографическую реальность; однако назначение предмета не поддается однозначному определению. Еще раньше нами было высказано предположение, что, возможно, это изображение дуги подвешенной колыбели, на самом деле наиболее близкое к действительности [Савинов, 1995, с. 116]. Однако не исключено, что

Фото 5. Гравированные гальки Торгажака

это несохранившаяся дополнительная деталь женского костюма, к которой крепились различного рода подвески. Таким же образом, например, оформлялась спинка женской праздничной (она же служила погребальной) одежды у нганасан. На боковых сторонах галек этой группы иногда нанесены короткие поперечные черточки — «лесенки» (табл. XXI, 4; XXIII, 1).

В целом, несмотря на несколько условный характер передачи костюма, прически и реалий, торгажакские гальки, очевидно, достаточно точно передают облик женщин — жительниц Торгажака. Некоторые из вещей, изображенных на

шают как лицевую, так часто и обратную сторону галек. Совершенно очевидно, что они передают декорировку одежды, были красочными и, скорее всего, сделаны в технике аппликации. Исходя из этого и общего характера изображений, крайне заманчиво было бы предложить реконструкцию женского костюма по материалам гравированных галек из Торгажака, тем более что сами изображения на первый взгляд в этом плане достаточно информативны. Однако здесь возникает целый ряд вопросов: какая это одежда — распашная или глухая? зимняя или летняя? как интерпретировать отходящие от лица

параллельные черточки? двойные линии, отделяющие лицо снизу, — декоративный прием? завязки головного убора (типа капора?) или они показывают верхний край одежды? Эти и некоторые другие вопросы пока остаются неясными, и пусть лучше торгажакские гальки говорят сами за себя.

Каких-либо известных аналогий данной группе галек нет, но по отдельным элементам можно говорить о проявлении в них различных культурных традиций. Так, орнаментальные мотивы на одежде (например, заштрихованные ряды ромбов и треугольников) аналогичны используемым в декорировке карасукской керамики и бронзовых изделий этого времени. Наиболее четко проявляется наследие окуневской изобразительной традиции. Это треугольный абрис лица, характерный для окуневских песчиковых фигурок, гравировок и некоторых изваяний [Вадецкая, 1980, табл. XXIV, 1—12, рис. 8, 3, 4]; изображения распущенных на две стороны волос; ряды горизонтальных черточек — «лесенок», также встречающихся на боковых сторонах некоторых окуневских изваяний [Кызласов, 1986, рис. 93, 125]. Наиболее показательным в этом отношении изваяние, найденное в 1988 г. во вторичном использовании при раскопках могильника Ар-Хая, по форме, стилистике и отдельным деталям сопоставимое с торгажакскими гальками. Здесь также изображены узорчатые ленты, а сбоку показана прямоугольная сумка, украшенная ромбическим орнаментом (рис. 8).

Социальное значение этих памятников различно, но внутреннее содержание данного образа, по всей видимости, было близким.

Особого внимания заслуживают изображения сумки (или «мешка») на «боку» некоторых торгажакских галек и на изваянии из Ар-Хая. Территориально далекие, но по смыслу значимые аналогии этим предметам — изображения на оленных камнях западного ареала (киммерийского времени). На одной из галек сумка по-

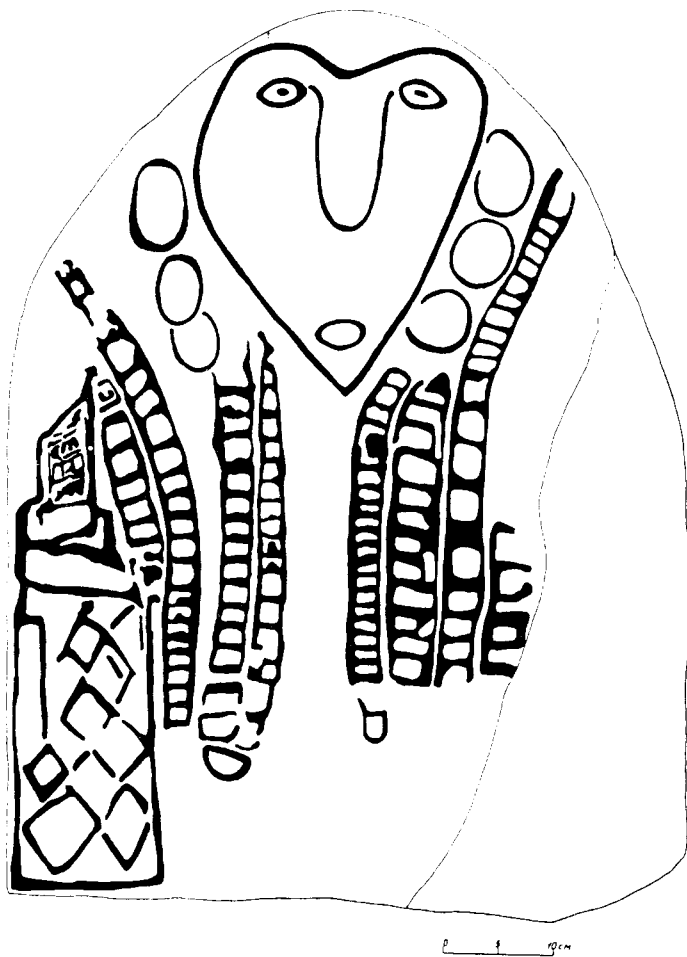

Рис. 8. Каменное изваяние окуневской культуры из могильника Ар-Хая

галках, встречаются и на поселении; и в этом отношении изображения на гальках группы 1 вполне могут быть названы реалистическими. Отличительной чертой галек данной группы является их ярко выраженное декоративное начало. Ряды заштрихованных и расположенных в один или несколько рядов ромбов и треугольников; украшенные крестами, зигзагами или вертикальными черточками полосы; орнамент в виде косой сетки и вертикальной «ёлочки» укра-

казана в виде ряда крестообразно перекрещивающихся линий (табл. XXII, 1) и близко напоминает изображение «мешка» на оленном камне из Белоградца в Болгарии [Савинов, Членова, 1978, рис. 2, 6]. Если учесть, что одним из предполагаемых компонентов формирования оленных камней восточного ареала послужили окуневские изваяния [Савинов, 1994, с. 142—143], в частности изваяние из Ар-Хая, на котором изображена сумка («мешок»), аналогичная рисункам на торгажакских гальках, то вся эта длинная цепочка аналогий вряд ли является случайной.

Группа 2. Уплощенные или овальные в сечении гальки треугольной формы, обращенные острым концом вниз. Рисунки также обычно нанесены на обеих сторонах гальки и представляют собой антропоморфную, как бы «запеленутую» фигуру (табл. XXVI—XXVIII). Наиболее характерная особенность этой группы галек — показанные на лицевой стороне (а иногда и переходящие на обратную сторону) перекрещивающиеся орнаментированные полосы, сверху донизу опоясывающие гальку. В широкой верхней части показано лицо треугольной формы, иногда образованное концами перекрещивающихся линий, и шапочка с сетчатым орнаментом, в стилистическом отношении такие же, как и на гальках группы 1. На некоторых гальках также показаны отходящие от лица вниз короткие параллельные линии (табл. XXVI, XXVII, 7; XXVIII, 3, 10, 12). На обратной стороне на некоторых гальках прорезана вертикальная линия, а поверхность их заштрихована (табл. XXVI, 6, 9, 10). Обращает на себя внимание, что именно на гальках этой группы изображения чаще всего стирались и затем наносились вновь (табл. XXVII, 7, 8; XXVIII, 10; XXXIX, 6—9). Сохранилось довольно много обломков нижних и верхних частей таких галек (табл. XXVI, 2; XXVII, 4, 6, 10—12; XXVIII, 9, 11—13; XXXVI, 13; XXXVII, 7). Возможно, что они продолжали иметь какое-то значение.

К группе 2 относится и лучшая из всей торгажакской серии галька из жилища 3, вытянуто-подпрямоугольной формы, специальным образом обработанная и зашлифованная. На лицевой ее стороне показаны глаза круглой формы, нос в виде прямой линии, соединяющейся со ртом; шапочка, заштрихованная косой сеткой; гладкие «опоясывающие» полосы. Боковые грани украшены косой сеткой; посередине обратной стороны проведена вертикальная линия. На «груди» — изображение прямого креста; слева сбоку — какого-то горизонтально расположенного предмета — ножен? (табл. XXVI, 1).

Какие-либо аналогии в археологических материалах этой группе галек также неизвестны. Что касается содержания, то не исключено, что это тотивные изображения людей уже умерших, точнее — подготовленных к погребению, «запеленутых». Однако скорее их все же следует вос-

принимать в их прямом образном значении — как изображения запеленутых детей, то есть считать «детскими». Тогда сама галька могла являться тотивным воспроизведением колыбели с помещенным в ней запеленутым ребенком. Вертикальная линия на обратной стороне (ремень для подвешивания колыбели?) усиливает такое предположение. Впрочем, в мировоззрении древних народов грань между понятиями «жизнь» и «смерть» была весьма относительной. Возможно, что крест на «груди» описанной выше гальки из жилища 3 символизирует душу еще не родившегося ребенка. В таком случае мы вновь возвращаемся к окуневской культуре как к истокам данной изобразительной традиции, для которой семантическая связка «душа—крест» была наиболее характерна.

Группа 3. Гальки вытянутой (сигарообразной) или слегка изогнутой формы с округлым сечением, на которых нанесены ряды горизонтально расположенных линий (табл. XXXII; XXXIX, 9). Несмотря на отсутствие изображения человеческого лица, они имеют явно антропоморфный облик: наиболее четко выделены линии, отделяющие «голову» и «пояс» (табл. XXXII, 1, 2, 4, 7; XXXV, 7). На одной из галек в верхней части нанесены три наклонные параллельные линии (табл. XXXII, 5). Сюда же, очевидно, следует отнести плоские гальки со скошенной (иногда — заштрихованной) верхней частью (табл. XXXVI, 1, 2, 4—6) и специально подобранные гальки с тонким концом, на котором изображена округлая, покрытая сетчатым орнаментом шапочка (табл. XXXV, 8, 9; XXXVI, 3). На боковых сторонах этих галек также (на уровне «шеи» и «пояса») проведены опоясывающие линии.

Представляется немаловажным, что указанные признаки характерны для оленных камней Монголии и горно-степных, более южных, районов Саяно-Алтайского нагорья, которые неизвестны (и, судя по всему, и не будут открыты) на территории Минусинской котловины. Поэтому имеются все основания полагать, что обычай изготовления подобных изображений был принесен сюда из северных районов Центральной Азии какими-то пришлыми группами населения, участвовавшими в сложении культурного комплекса Торгажака. При этом мигранты, очевидно, не придавали (или не имели возможности придавать) этим памятникам прежнего социального значения, что объясняет отсутствие оленных камней в Минусинской котловине, но на «народном» (этнографическом) уровне данная традиция сохранялась довольно устойчиво, хотя, возможно, и в трансформированном виде. С этой точки зрения показательным, что три параллельные линии — один из центральных по значению символов в иконографии оленных камней — на торгажакских гальках приобретают характер чисто орнаментального мотива (табл. XXXVI, 1). Как бы то ни было, предположения, которые

существуют относительно семантики оленных камней [Волков, 1981, с. 80—98; Савинов, 1994, с. 137—150], должны учитываться и при рассмотрении вопроса о назначении этой группы гравированных галек из Торгажака.

Группа 4. Четко выделяемая группа галек такой же формы, как и предыдущая, с 4—6 рядами нескольких равномерно расположенных горизонтальных линий (табл. XXXI, 1—7, 9, 10). Иногда таким же образом показана одна линия, украшенная горизонтальной «ёлочкой» (табл. XXXI, 11—12). Возможно, вариант группы 3.

Группа 5. Гальки различной формы и всех размеров, украшенные с одной или с двух сторон геометрическим орнаментом в виде косой или прямой сетки (табл. XXV, 8; XXX, 1—3, 5—7, 10, 12—16, 18). В некоторых случаях концы линий раздвоены (табл. XXX, 7). Для этой и последующих групп вполне возможны андроновские истоки подобной орнаментации, впервые открытой на плитах каменных ящиков андроновского могильника Сухое Озеро I [Пяткин, 1977, рис. 1—4; Максименков, 1978, рис. 6].

Группа 6. Плоские гальки треугольной, округлой или подпрямоугольной формы, украшенные с одной или с двух сторон горизонтальными рядами заштрихованных треугольников, реже ромбов (табл. XXXIX, 3, 5, 7—9; XXXIX, 1). На некоторых гальках таким же образом располагаются парные линии, украшенные зигзагом (табл. XXXIV, 2), или зигзагообразные полосы, пересеченные черточками (табл. XXXIV, 1, 6). Иногда отделена и покрыта сетчатым орнаментом верхняя часть гальки, что позволяет считать их в какой-то степени вариантом галек группы 1.

Группа 7. Округлые или подтреугольной формы гальки с изображением на одной или на двух сторонах, основной особенностью которых является выделение специальным образом ограниченного изобразительного «поля» (табл. XXIX; XXXIII, 1, 3, 5; XXXIX, 2, 3). Края гальки за пределами «поля» украшаются заштрихованными ромбами или сетчатым орнаментом. В пределах «поля» размещаются геометрические фигуры: прямой или косой крест с различными дополнениями (табл. XXIX, 4—6; XXXIX, 2); ряды параллельных, иногда пересеченных черточками линий (табл. XXIX, 10, 11); вытянутые или расположенные по кругу цепочки заштрихованных ромбов (табл. XXIX, 1, 2). На некоторых гальках центральное «поле» как бы делится на несколько полос, украшенных сеткой, «ёлочкой» (табл. XXIX, 8, 9; XXXIX, 3). Что стоит за этими геометрическими фигурами — неясно, хотя, по всей видимости, это должны быть объекты пространственного значения (допустим, образ жилища?). В этом отношении интересны две гальки, по форме и характеру орнаментации напоминающие легкие каркасные постройки со сферическим сводом — типа «юрты» (табл. XXXIII, 1, 3). Еще на одной гальке, правда не входящей в

эту группу, показаны перекрещивающиеся, как бы витые «веревки», вызывающие те же ассоциации (табл. XXXIII, 2). Не исключено, что в схематическом виде (крупная косая сетка) то же самое может быть изображено и на других гальках (табл. XXX, 1, 2, 6, 17; XXXIII, 8, 9; XXXVII, 9).

Таким образом, гравированные гальки из Торгажака разнообразны не только по характеру нанесенных на них рисунков, но и по своему внутреннему содержанию. Очевидно, они могли использоваться при проведении обрядовых действий в рамках единой мировоззренческой системы, но имевших различное целевое назначение. Более конкретно судить о характере этих действий можно только применительно к галькам с антропоморфными изображениями. Так, на гальках группы 1, вероятно, показаны, женщины разного возраста и социального положения (отсюда особенность причесок, «занавески» вместо лиц и некоторые другие отличающие их детали). Это наводит на мысль об обрядах инициации или, во всяком случае, об обрядах, связанных с жизненным циклом женщины. Значение галек группы 2 как «детских» (вместилище душ детей?) в таком случае оказывается достаточно близким. Обращает на себя внимание, что некоторые гальки группы 1 подобраны таким образом, что могут передавать тела беременных женщин (табл. XX, 6; XXII, 3; XXIII, 6), что в семантическом плане вполне ассоциируется с образом колыбели, возможно изображенной на оборотной стороне галек этой группы, и с предложенной интерпретацией галек группы 2.

Гравированные гальки из Торгажака принадлежат весьма древнему, широко распространенному и до открытия этого памятника малоизвестному виду изобразительной деятельности ранних скотоводов Южной Сибири, хотя сам факт нанесения изображения на гальках имеет чрезвычайно обширные аналогии. Пока гравировки из Торгажака, исключительно яркие и многочисленные, представляются своеобразным оазисом в искусстве эпохи бронзы. Однако уже имеются основания полагать, что при всей своей уникальности это явление не было единичным. Так, какие-то истоки этого искусства можно видеть в орнаментированных костях из Ботайского поселения в Северном Казахстане [Даниленко, 1985, рис. 5; Зайберт, 1993, рис. 21]. Несколько гравированных галек происходит из слоев с керамикой окуневского типа в Туве; причем две из них — с антропоморфным изображением в круглой заштрихованной шапочке и с выделенным центральным «полем» — мало чем отличаются от торгажакских [Семенов, 1992, рис. 20, 7, 9]. Крайним восточным пунктом распространения подобного рода изображений являются орнаментированные гальки (9 экз.), найденные близ Иркутска. По характеру рисунков они отличаются от торгажакских, но явно относятся к тому же пласту изобразительного

искусства [Климашевский, 1974, рис. 1—4]. Видимо, имеются еще не опубликованные материалы с такими изображениями. Можно пред-

полагать, что будут открыты и новые памятники этого вида изобразительного искусства, который стал реальностью после исследования Торгажака.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая знакомство с материалами поселения Торгажак, хотелось бы остановиться на трех вопросах, уже так или иначе затронутых в настоящей работе.

Первый — это время сооружения памятника. В лаборатории археологической технологии ИИМК получено несколько радиоуглеродных дат для жилищ Торгажака (калибровки с использованием компьютерно-калибровочной программы GALIS). Жилище 1: 820—782 гг. до н. э.; 834—758 гг. до н. э. Несколько древнее и, возможно, ближе к действительности дата, полученная для жилища 5: 954—942 гг. до н. э. (при значении одной сигмы). Несмотря на некоторый разброс, вероятно связанный с состоянием образцов (как уже говорилось, постройки Торгажака какое-то время находились на поверхности), они в целом могут быть использованы для датировки. Скорее всего, Торгажак был сооружен и функционировал в начале I тыс. до н. э., точнее — в X—IX вв. до н. э. Время его возникновения относится к самой «границе» существования двух основных культурных комплексов Минусинской котловины эпохи поздней бронзы — «классического» карасукского и каменноложского (или лугавского), но на какой-то период раньше последнего. Найденные в жилищах Торгажака археологические материалы не противоречат такому определению.

Второй — это компонентный состав торгажакского комплекса, представляющего контаминацию разных по происхождению, но гармонично сливающихся друг с другом культурных традиций. Карасукская принадлежность Торгажака проявляется прежде всего в керамике и бронзовых изделиях, но это один из самых поздних собственно карасукских памятников (карасукская керамика здесь составляет явное меньшинство). Наряду с этим возможно сохранение андроновской традиции (архитектурные особенности сооружений, бронзовые серпы, геометрические мотивы в орнаментации). Это соответствует выводам, полученным на основании анализа антропологических материалов: южные серии карасук-

цев обнаруживают значительную степень сходства с андроновцами [Громов, 1995, с. 148], хотя, как уже говорилось, андроновских памятников здесь пока не найдено. В произведениях искусства явно ощущается наследие окуневской изобразительной традиции. Вместе с тем по целому ряду изображений можно проследить элементы, характерные для оленных камней северных районов Центральной Азии, что, скорее всего, следует рассматривать как отражение участия пришлых (центральноазиатских) групп населения в сложении культурного комплекса Торгажака. Эти наблюдения полностью согласуются с выводами И. П. Лазарева, сделанными на основании анализа торгажакской керамики. Возможно, под этим же углом зрения следует рассматривать особенности планиграфии основного комплекса построек Торгажака, находки фрагментов расписной керамики и сильно изогнутых («коленчатых») псалий. С этими же пришлыми группами населения из Центральной Азии распространялись так называемые «карасукские бронзы», которые все больше «отрываются» от собственно карасукской культуры Минусинской котловины.

Обращаясь к терминологии, необходимо отметить, что все эти процессы происходили в рамках давно выделенной и признанной как историческая реальность карасукской культуры и являются отличительными признаками ее позднего этапа, не совсем удачно, с учетом только хронологического фактора, названного «каменноложским». Любая археологическая культура — это явление динамическое, сочетающее традиции и инновации, особенно в переломные исторические периоды. Поэтому сложный компонентный состав карасукской культуры на позднем этапе ее развития вряд ли является достаточным основанием для переименования.

Наконец, третий аспект — палеоэтнографический. Население Торгажака, судя по остеологическим материалам и находкам псалий, свидетельствующих об уже полном освоении верхового коня, очевидно, было достаточно подвиж-

ным. Во всяком случае, имеются основания полагать, что комплекс жилищ Торгажака использовался в основном в летний период (отсутствие очагов и следов стойлового содержания скота, состав костей диких животных). Поэтому какие-либо демографические наблюдения здесь вряд ли возможны: в зависимости от времени года, в Торгажаке могло обитать и очень много и очень мало народа. Обращает на себя внимание достаточно четко выраженная обрядовая сторона жизни обитателей Торгажака: выделение особой «площади», имевшей ритуальное назначение; найденные фаллические предметы; «алтарные» ниши с изображениями лошадей на плитках; многочисленные гальки, несомненно использовавшиеся при проведении соответствующих обрядов, и т. д. Назначение этих обрядов, скорее всего, было связано с идеями культово-генеалогического порядка, направленными в первую очередь на обеспечение жизненного цикла женщин и благополучное рождение детей, хотя не исключены и другие обрядовые ситуации. Очевидно, в весенний (или осенний) период здесь

проходили сезонные праздники, на которые съезжалось много людей, принимавших участие в обрядовых действиях и изготавливавших необходимые для этого культовые предметы. Примеры подобного рода сезонных праздников в этнографии достаточно хорошо известны.

Не требуется много фантазии, чтобы представить себе эту красочную картину... Высокие постройки Торгажака на фоне низких предгорий Саян. Каменистое, с разноцветными гальками дно холодной прозрачной Теи. Воздух пустой и прохладный. Зелени еще нет. Один за одним к домам подъезжают всадники. Дома и «площадь» с шестью украшены цветными лентами. На «площади» — женщины в красивых праздничных одеждах. У каждой есть свои «камешки» с изображением существа, которому верят, от которого ждут... Постройки Торгажака в некотором смысле можно назвать и «храмовыми» сооружениями. Так, благодаря исследованиям Торгажака, открывается одна из наиболее скрытых сторон жизни древнего населения Минусинской котловины.

ТАБЛИЦЫ

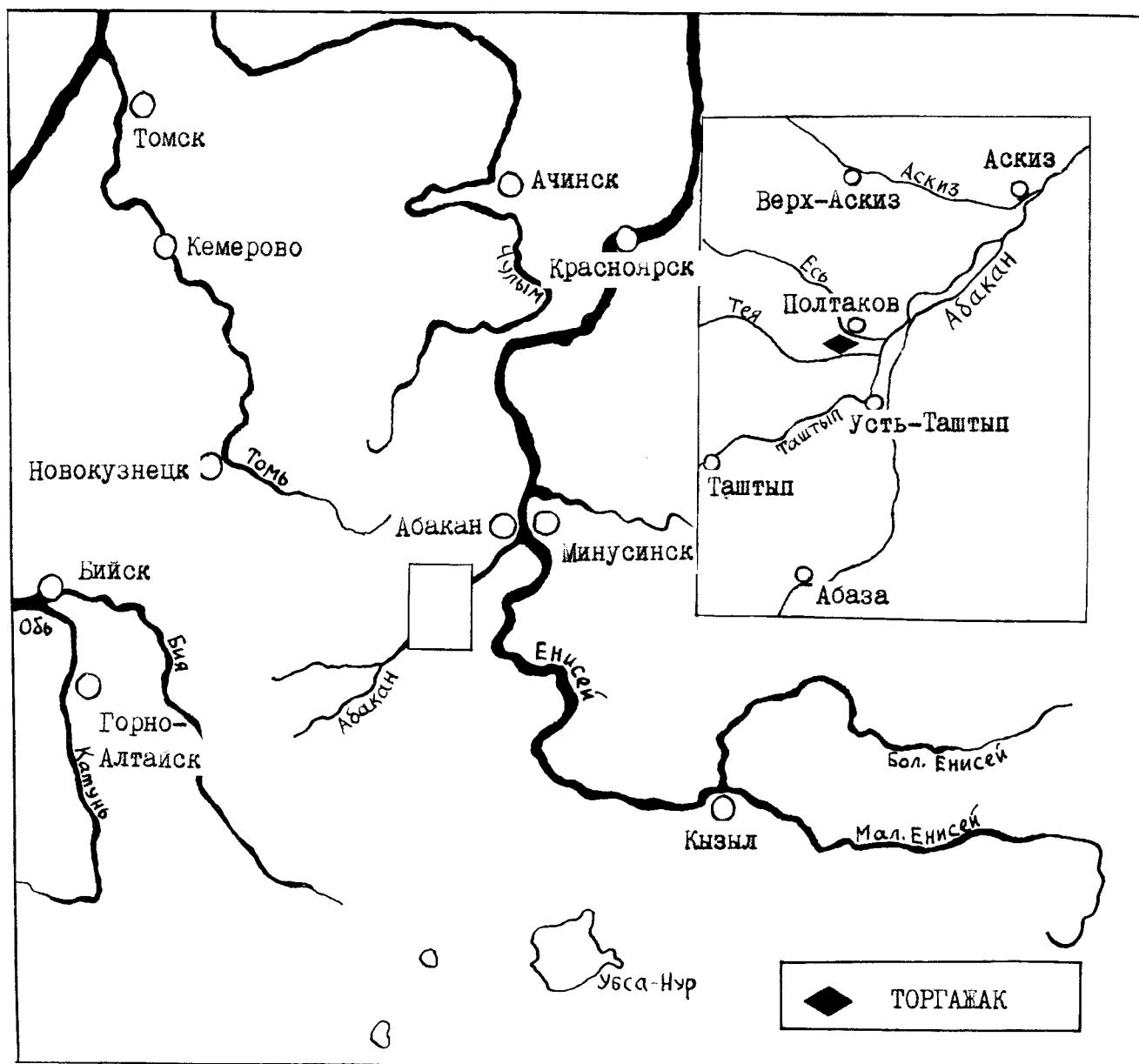

Таблица I

4

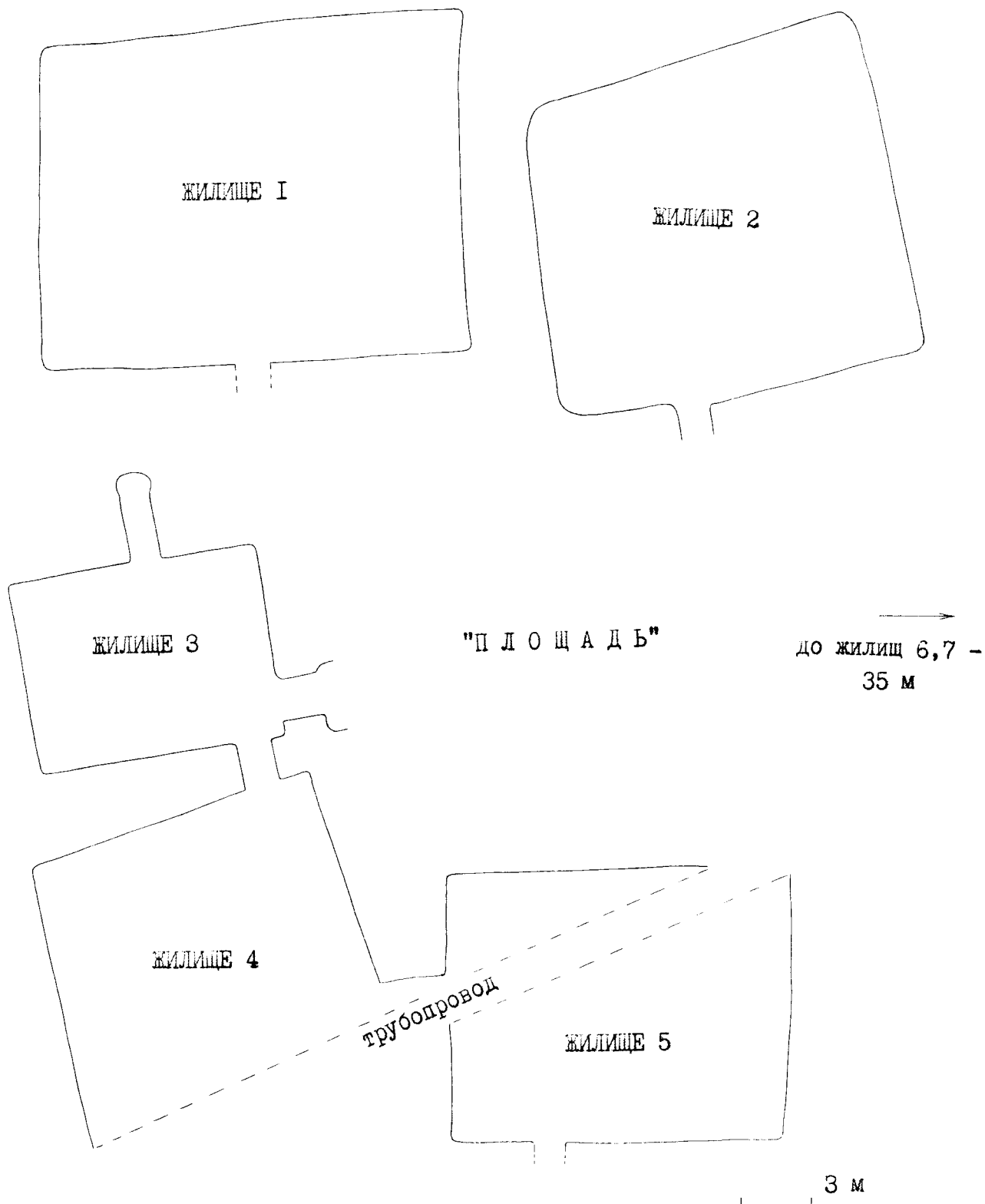

Таблица II

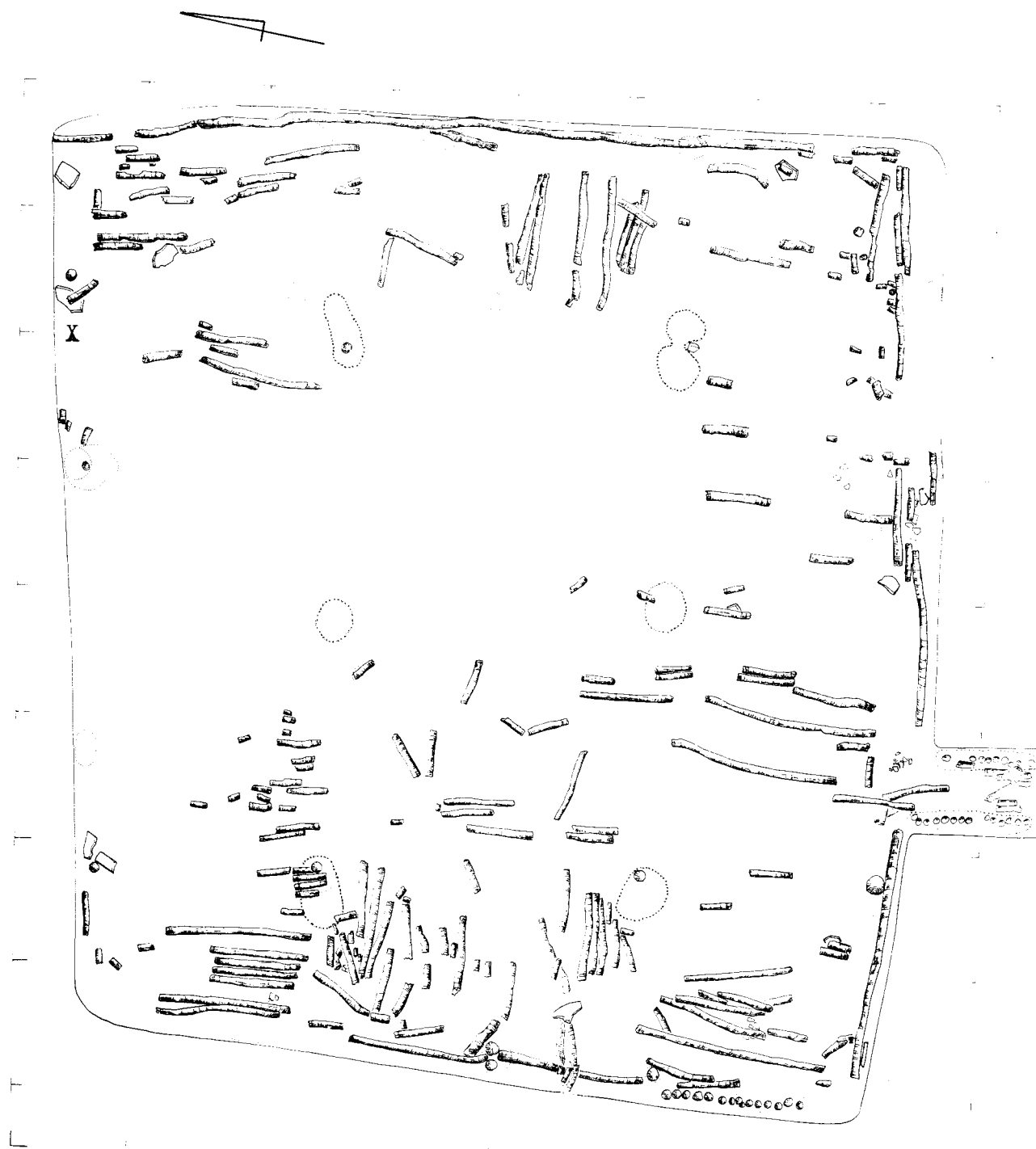

X - место, с которого начиналось
открытие Торгажака

XX - каменный блок с личиной

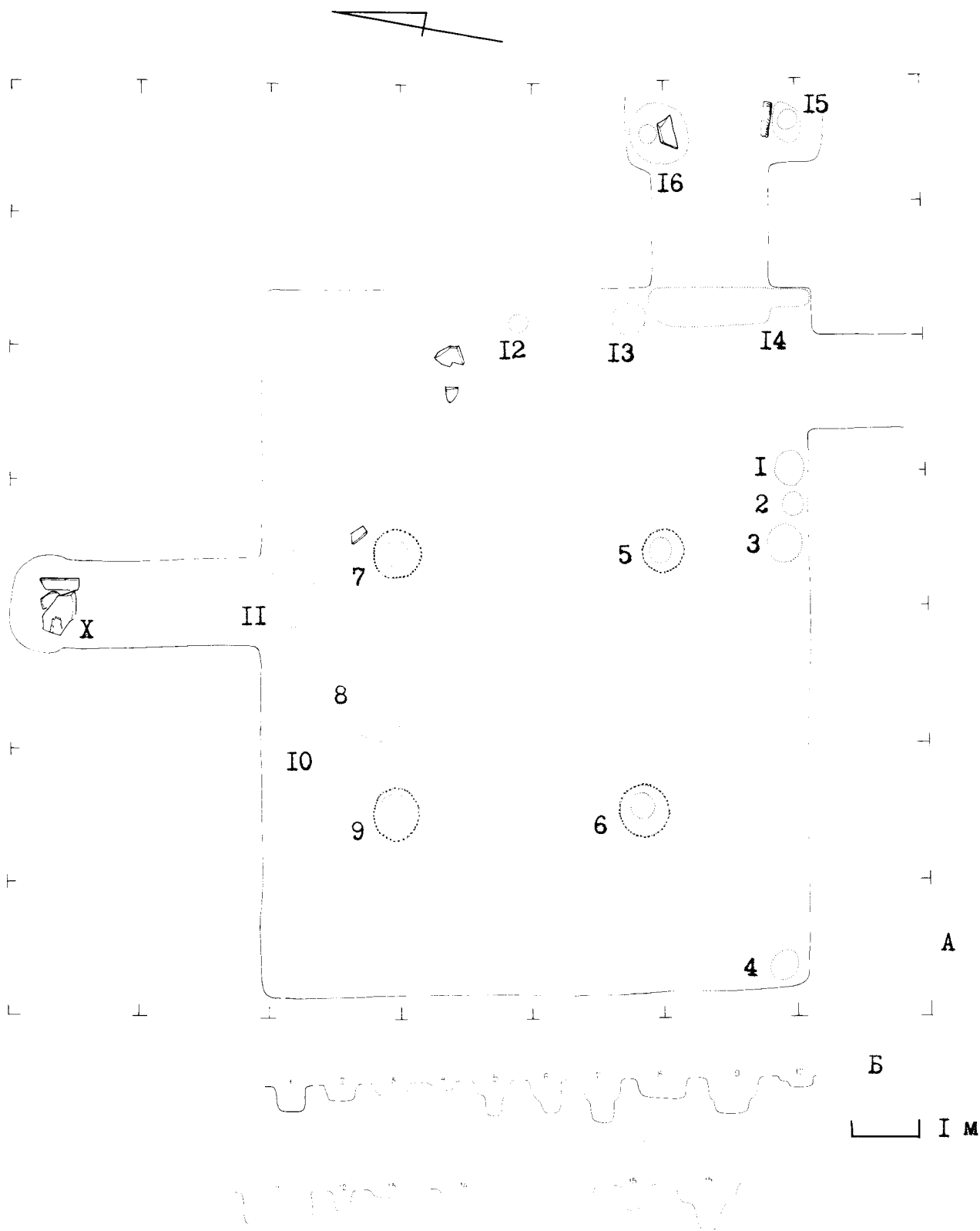
XXX - место находки бронзовых серпов

Таблица III

X - плитка с петроглифом

Таблица IV

X - плитка с петроглифом

Таблица V

Таблица VI

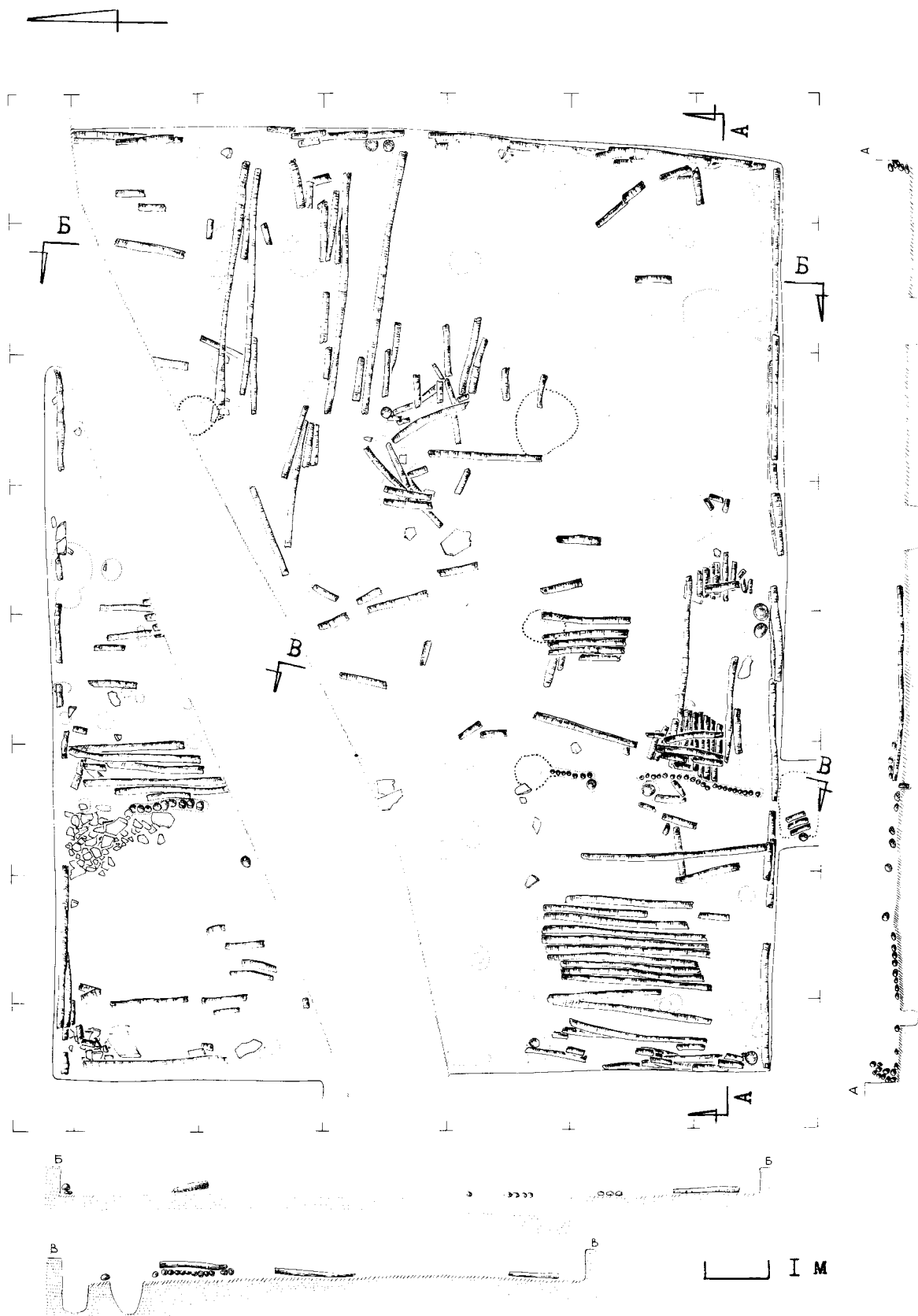

Таблица VII

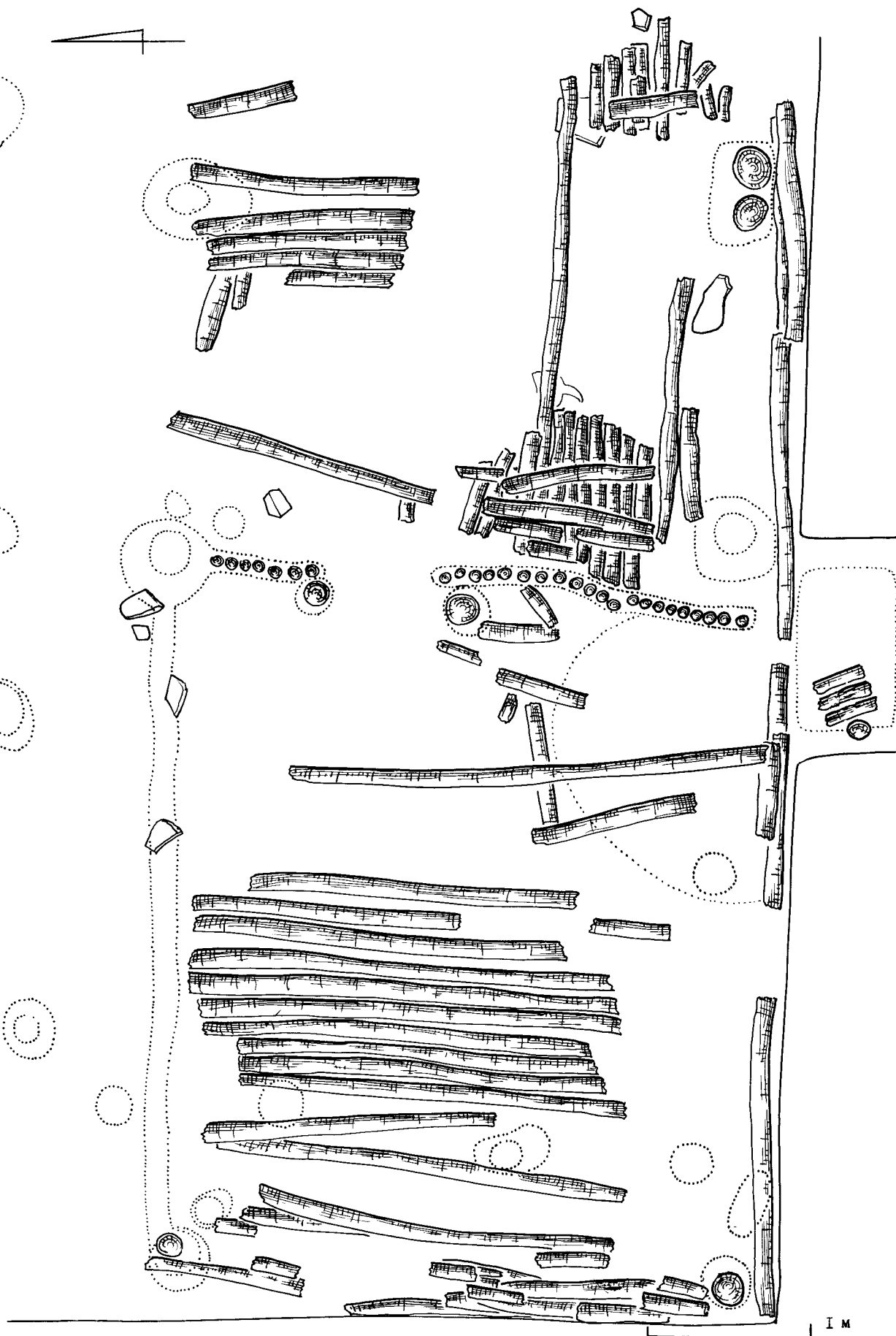

Таблица VIII

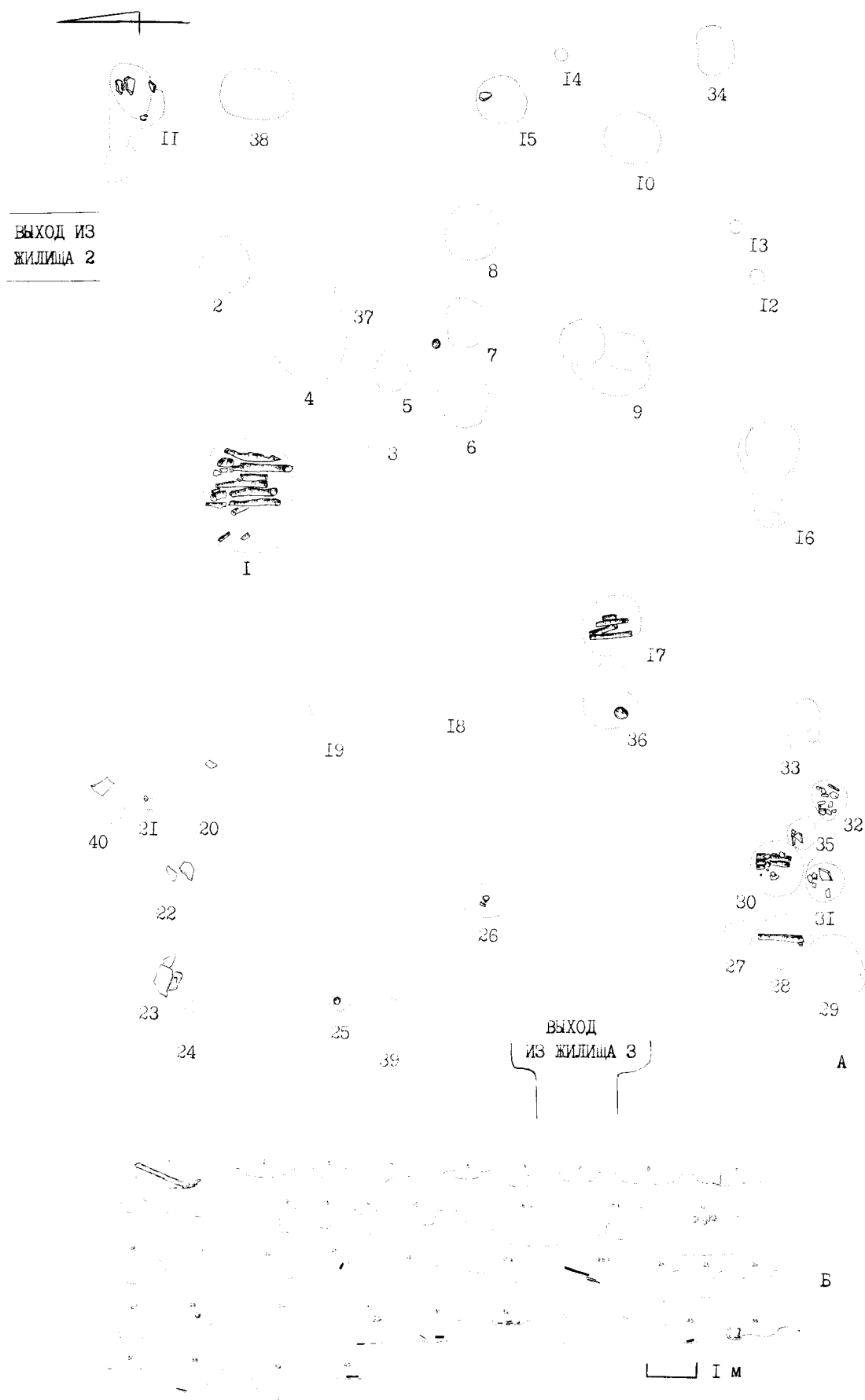

Таблица IX

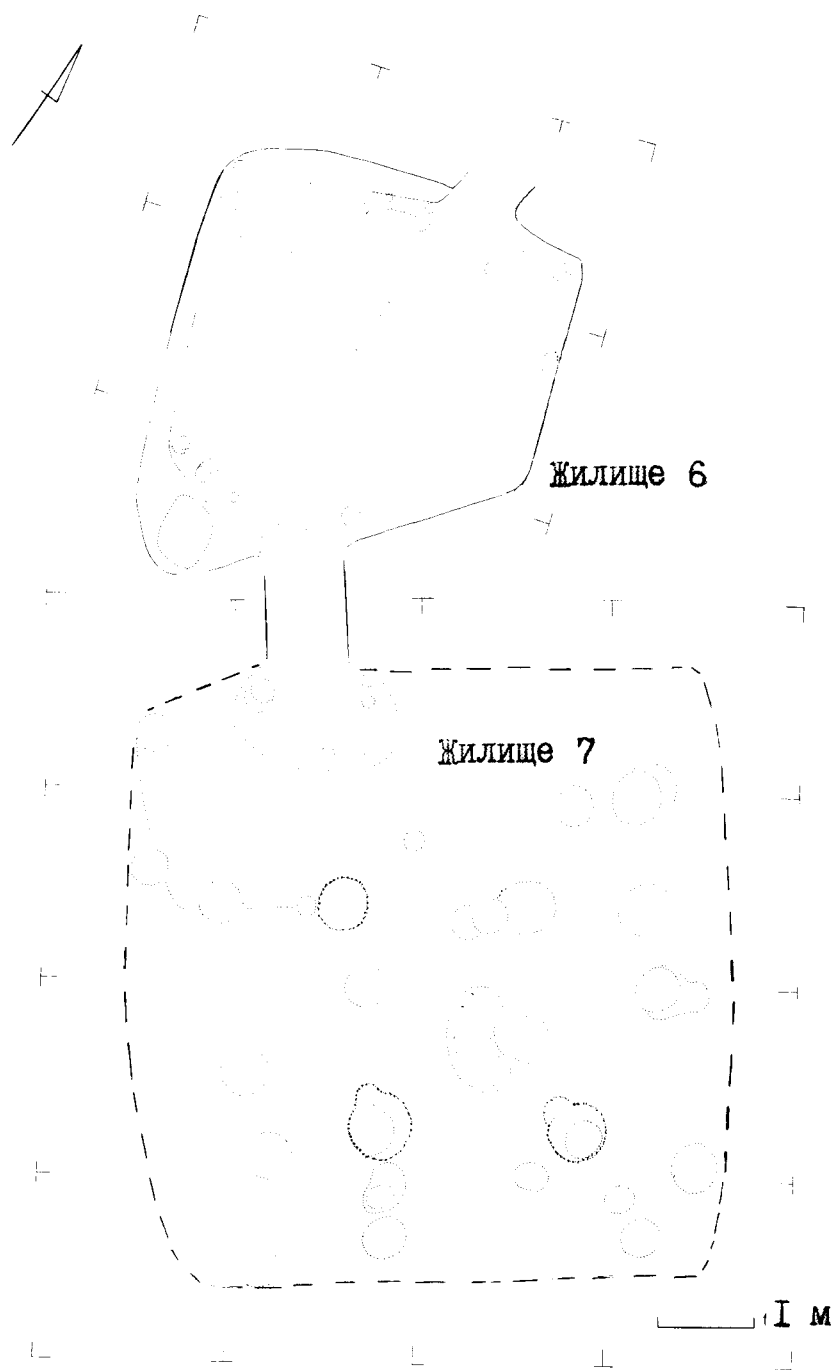

Таблица X

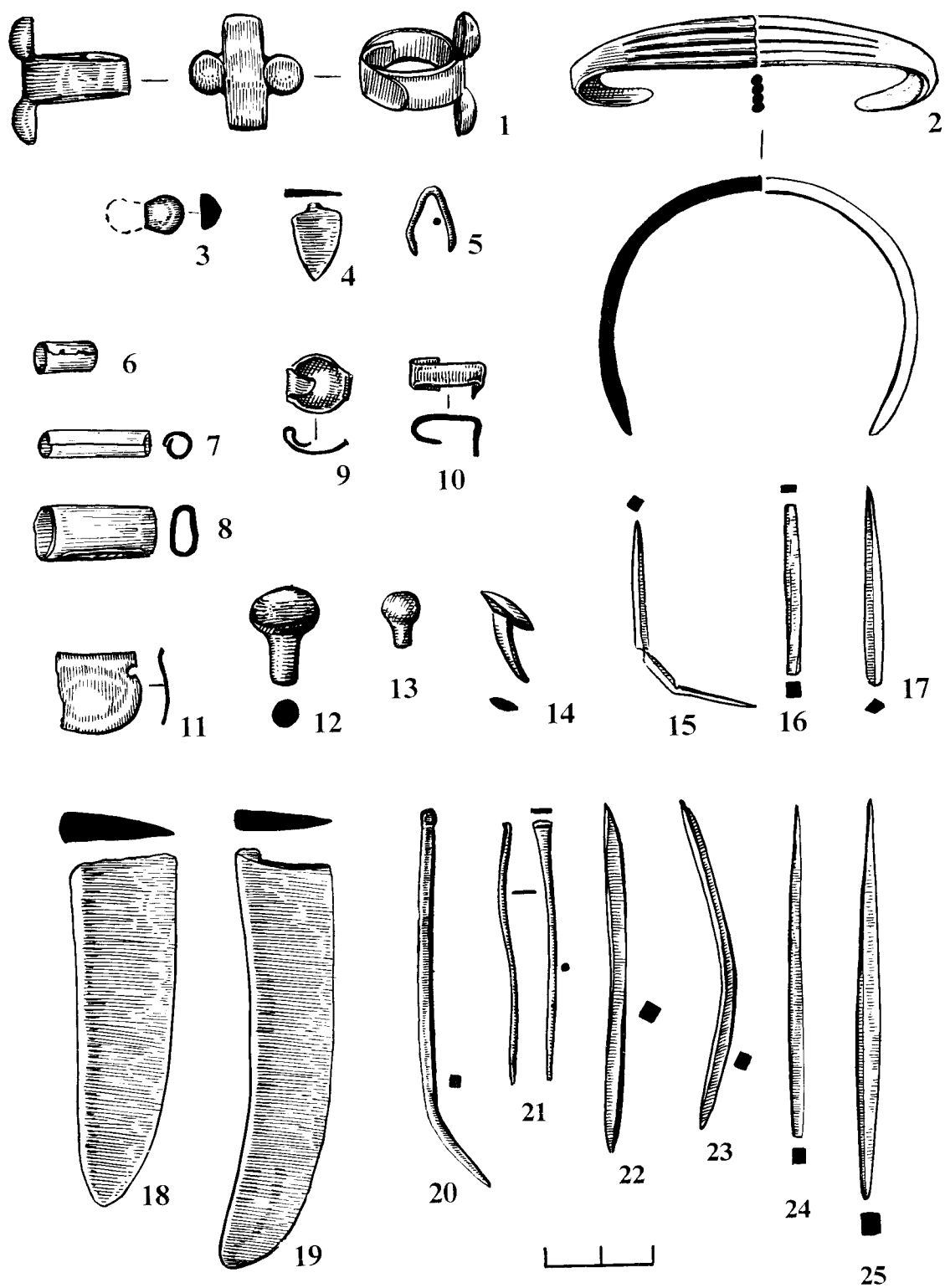

Таблица XI

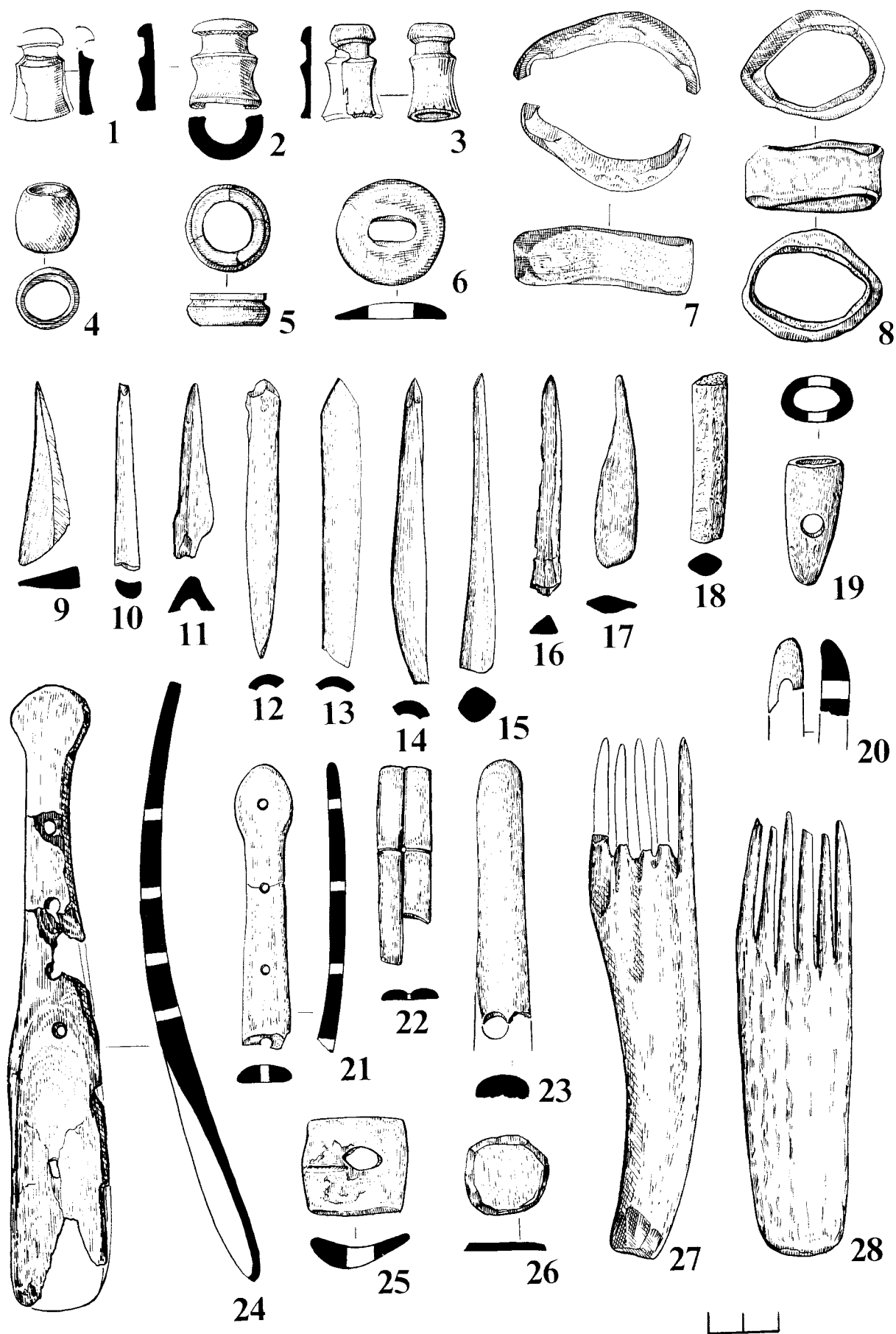

Таблица XII

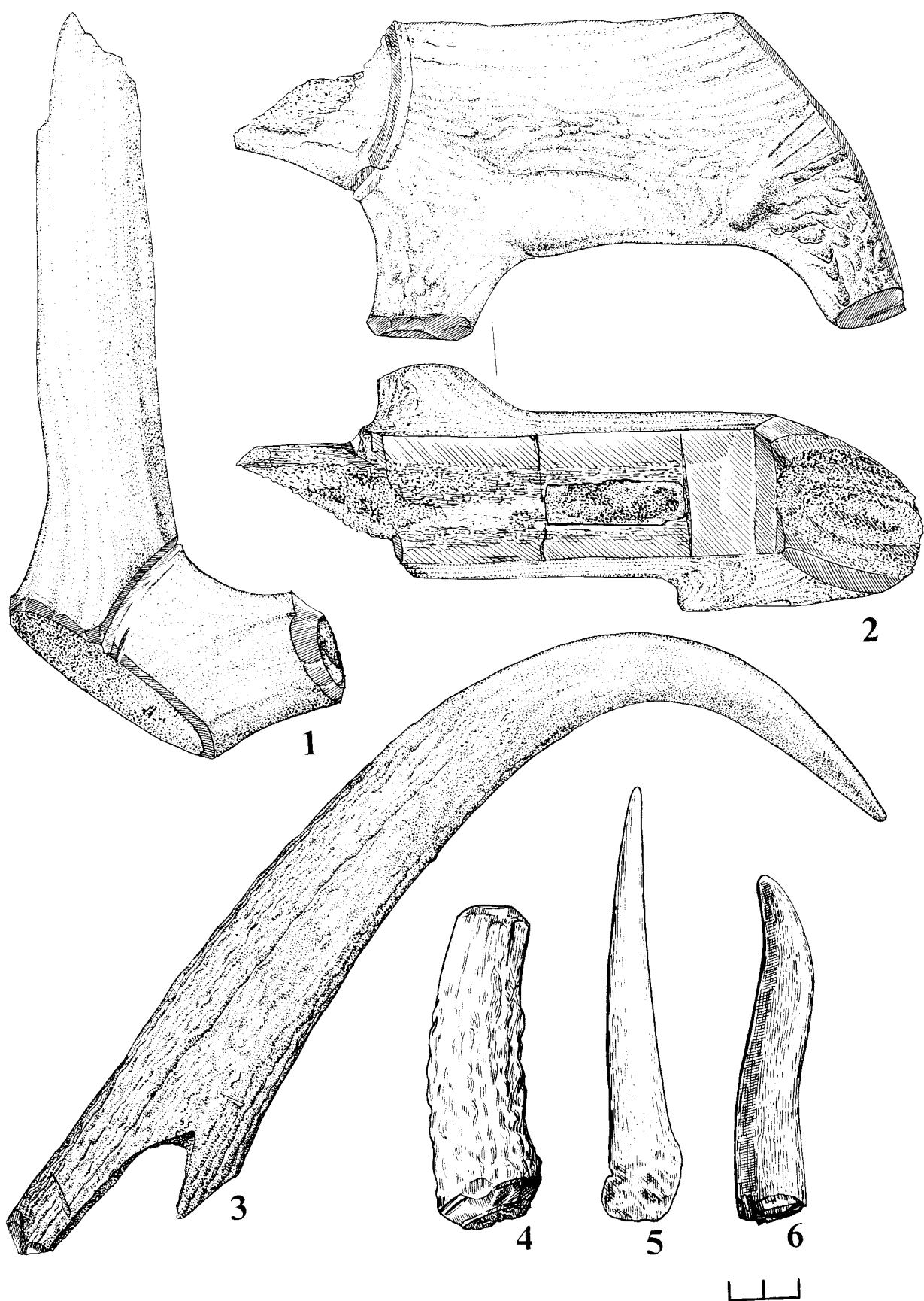

Таблица XIII

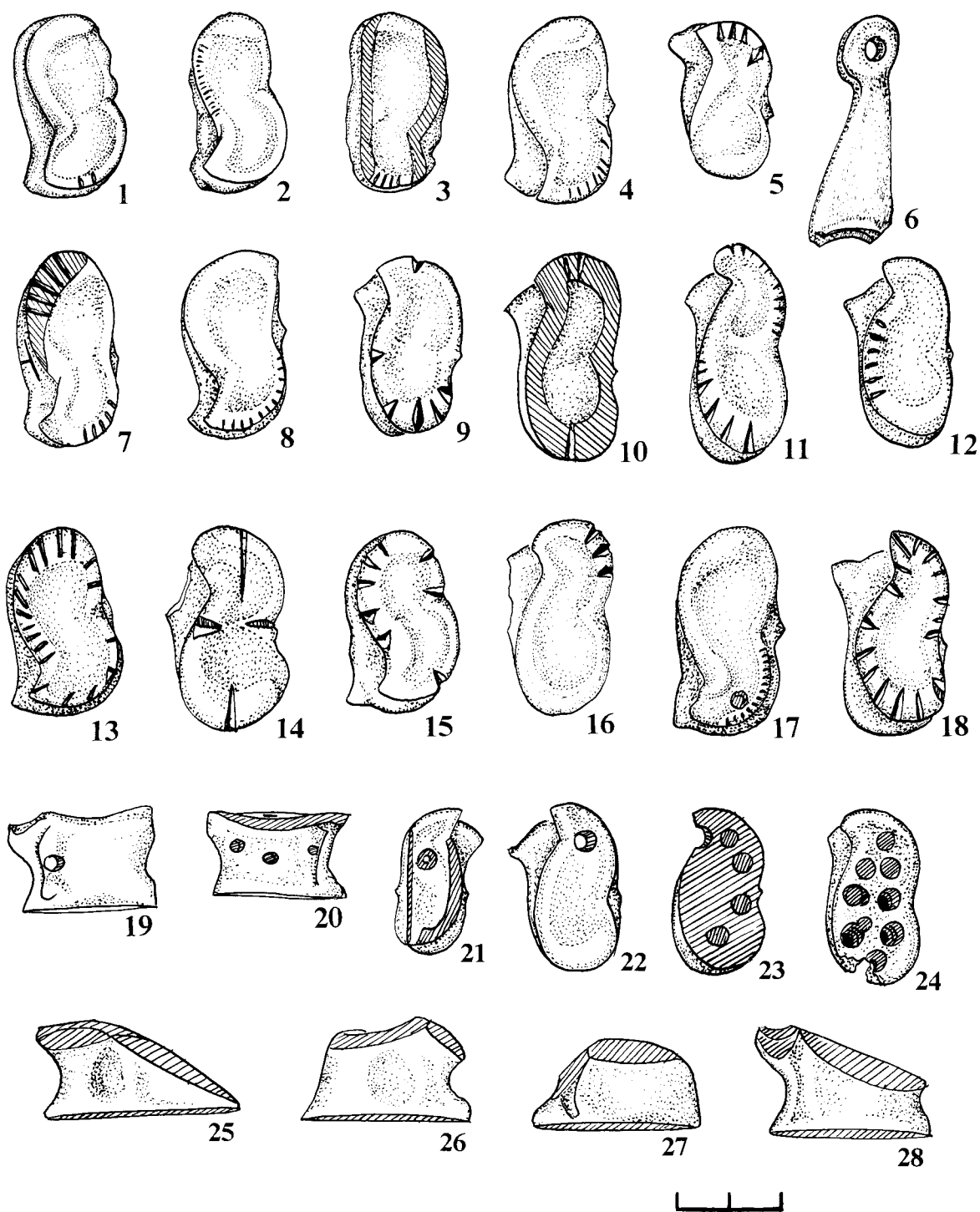

Таблица XIV

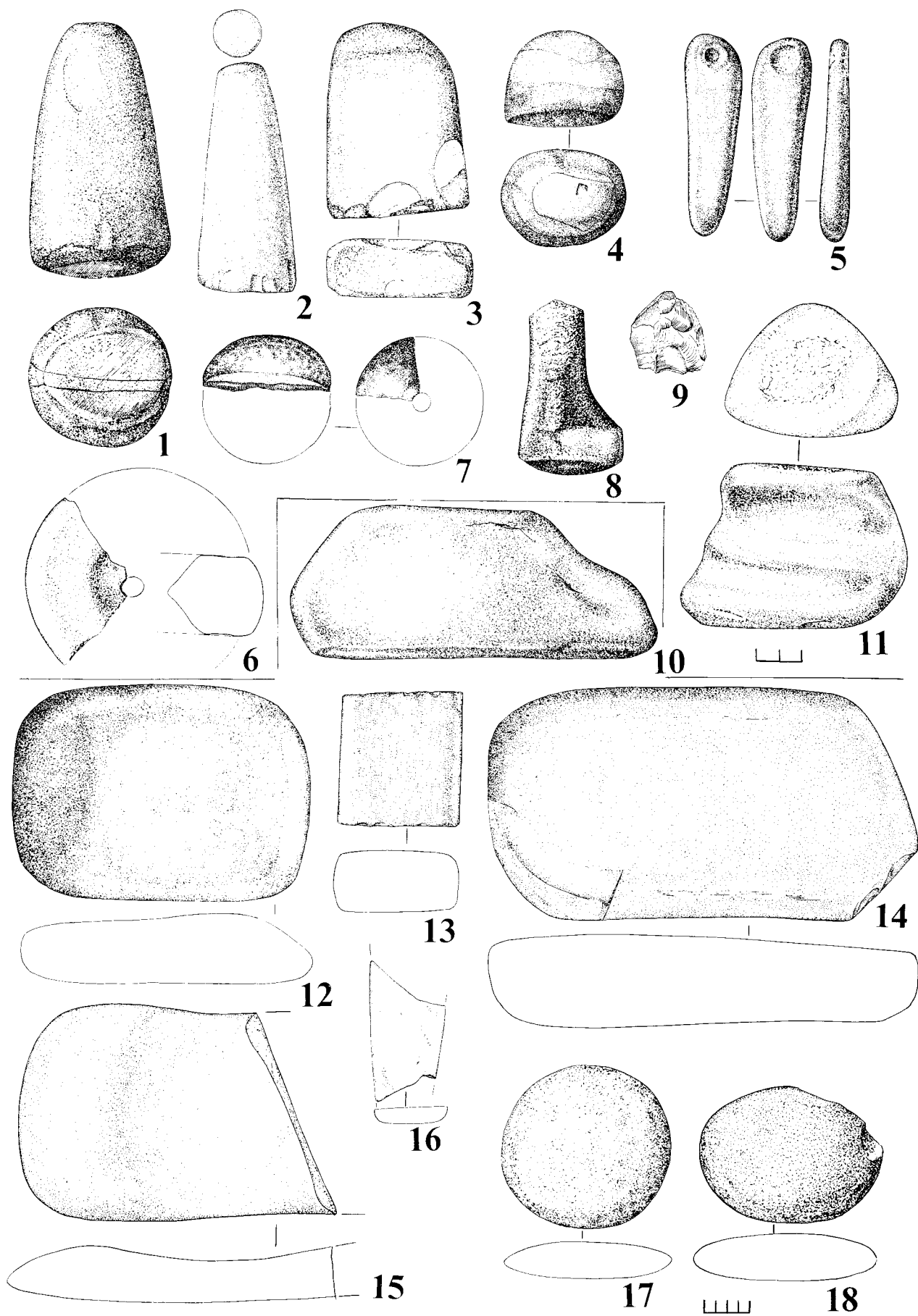

Таблица XV

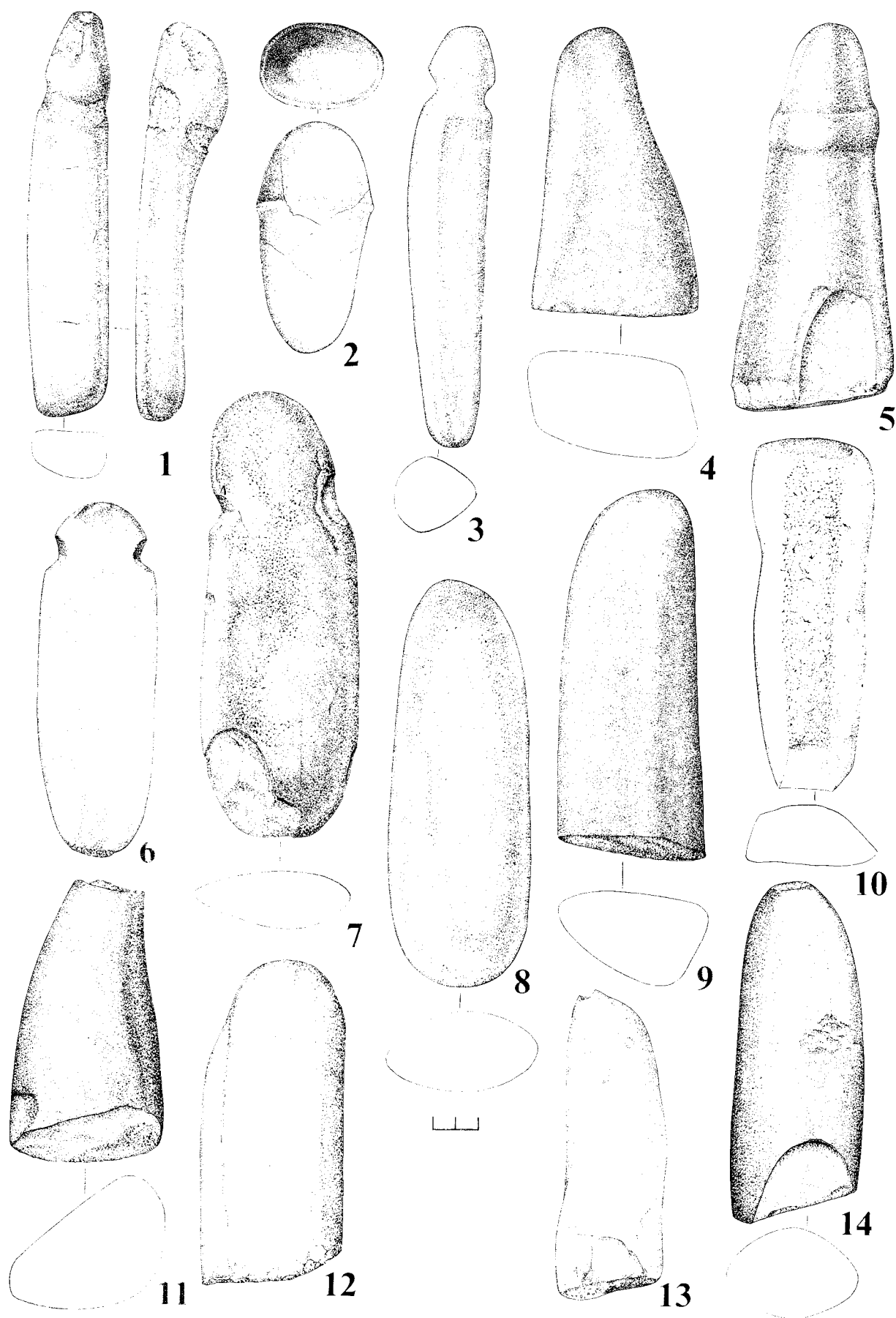

Таблица XVI

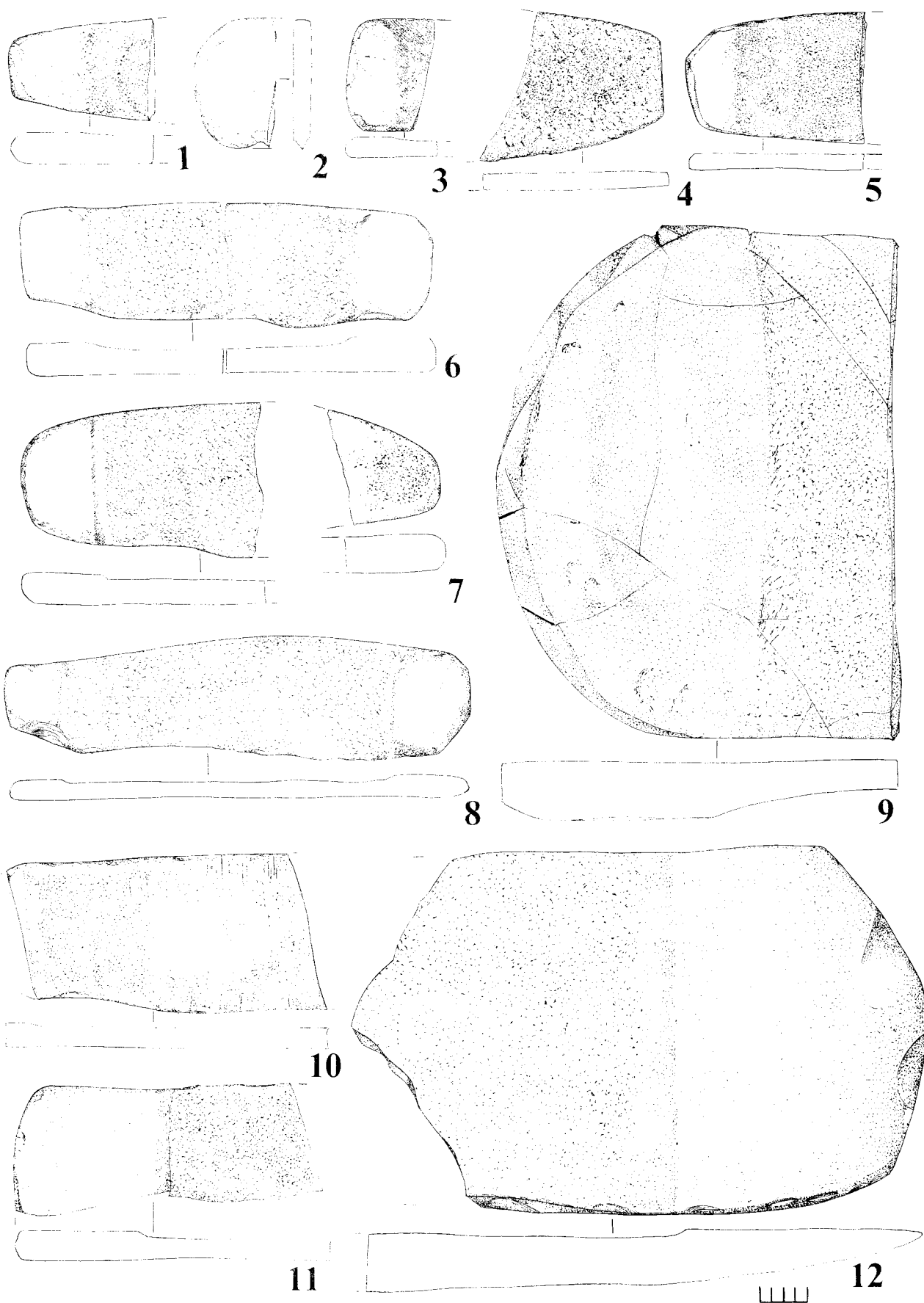

Таблица XVII

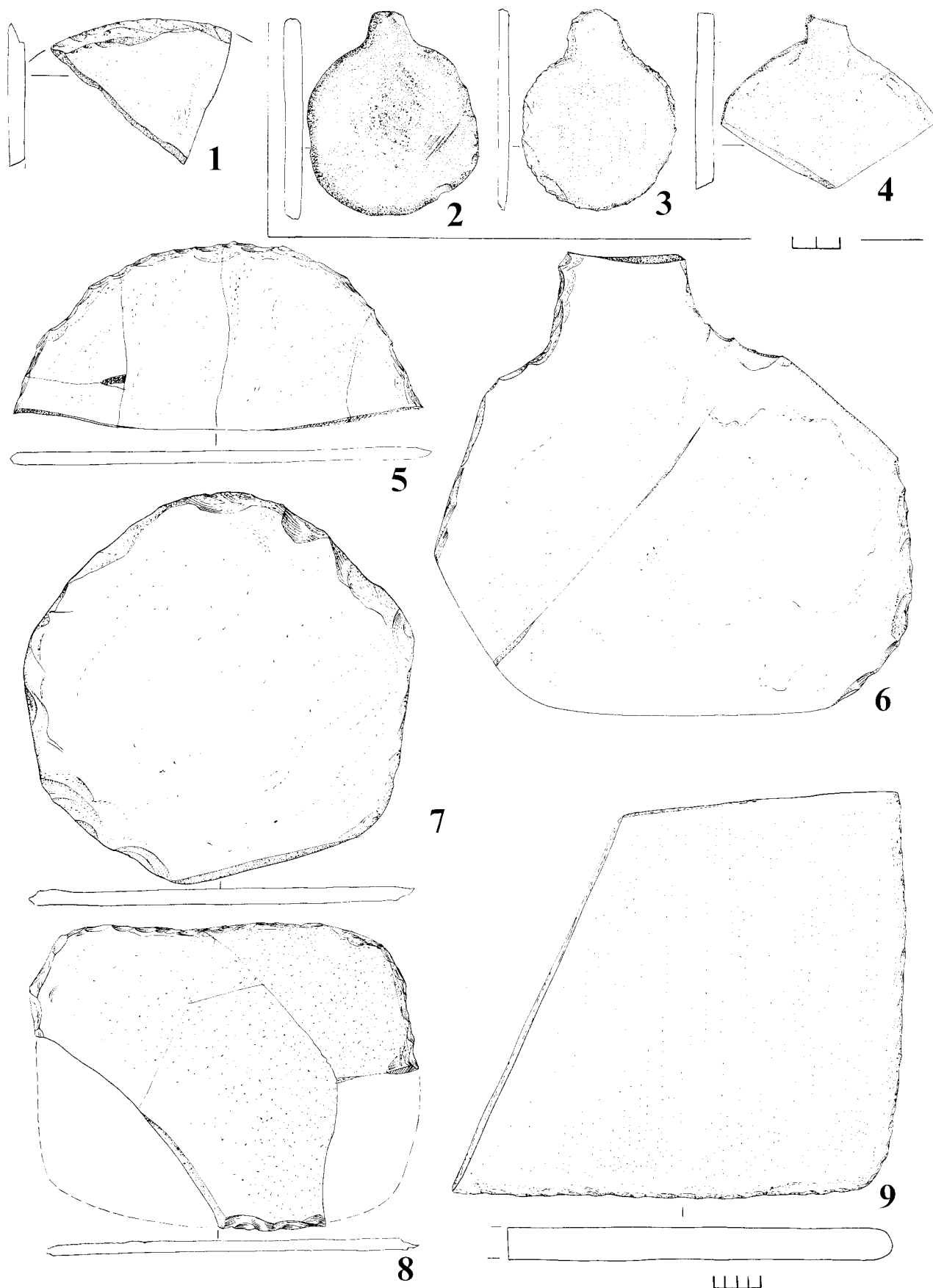

Таблица XVIII

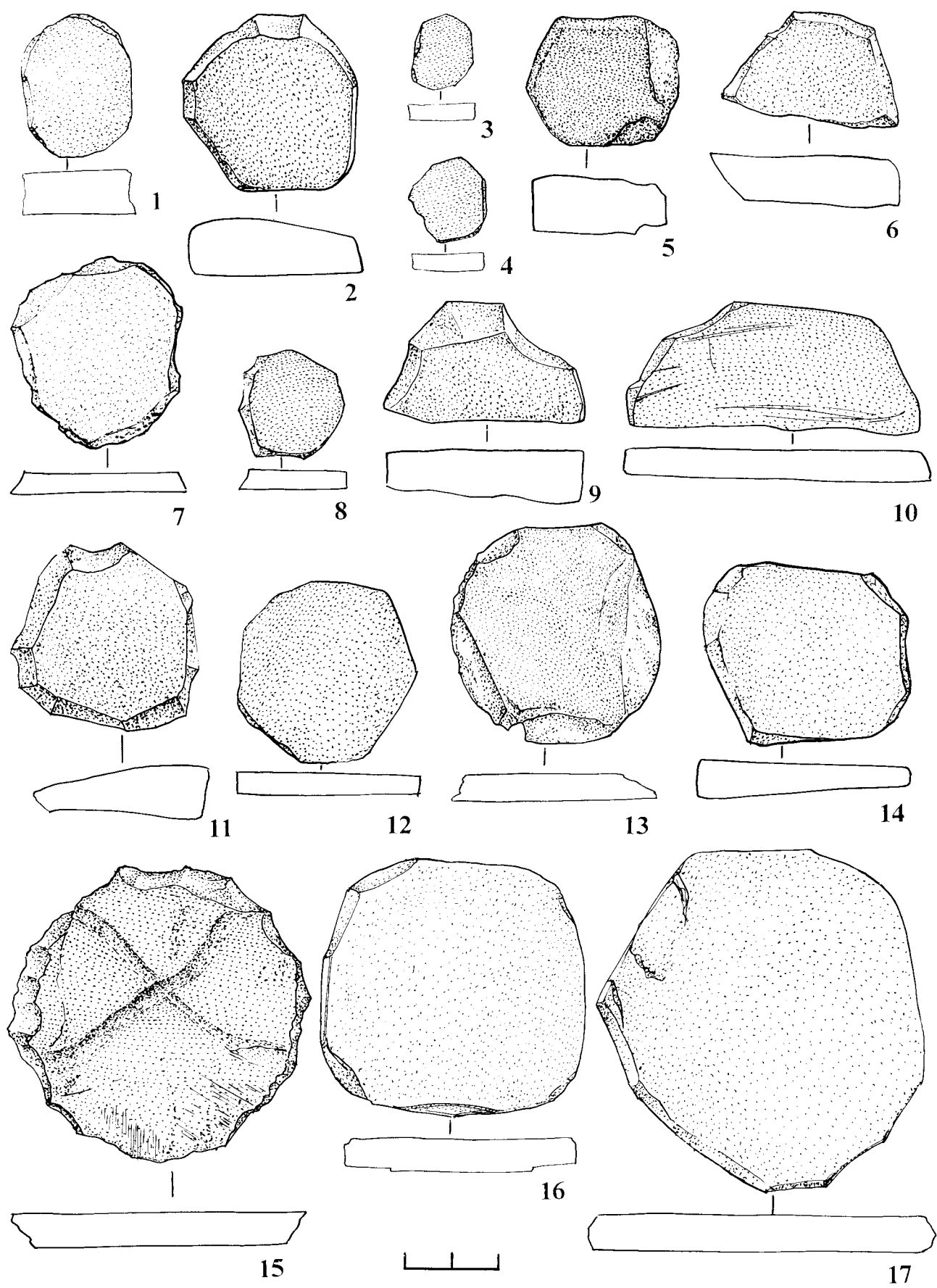

Таблица XIX

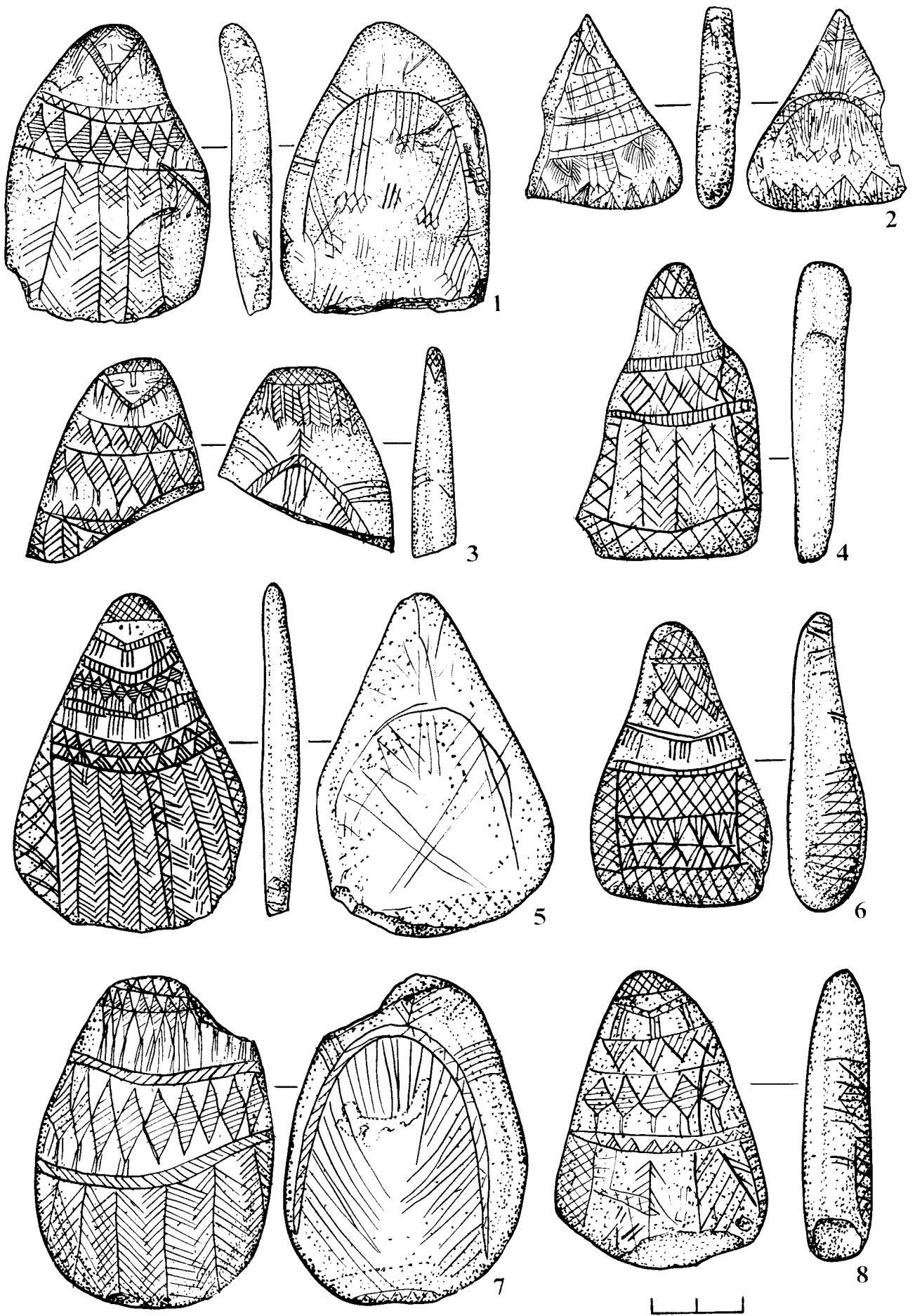

Таблица XX

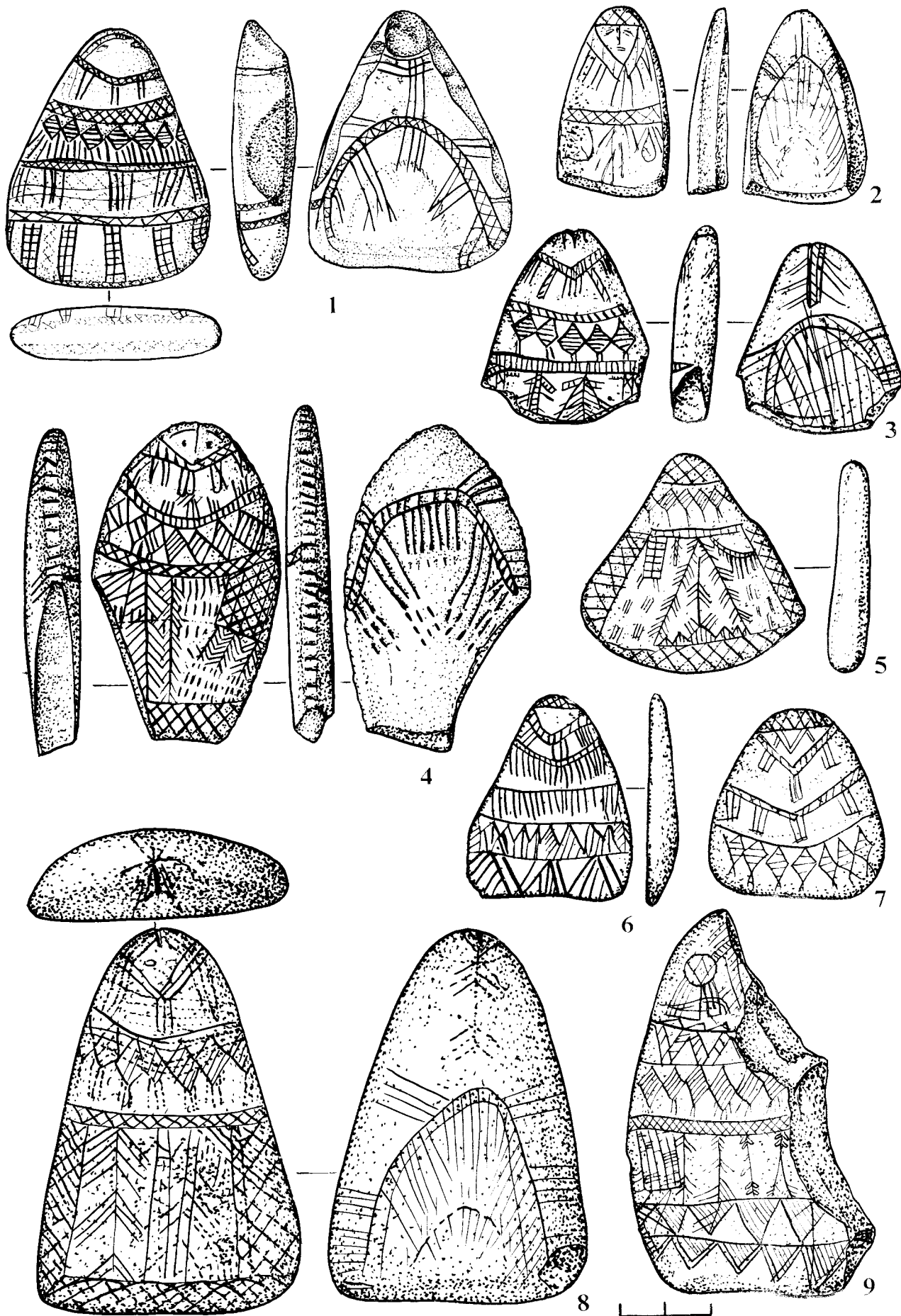

Таблица XXI

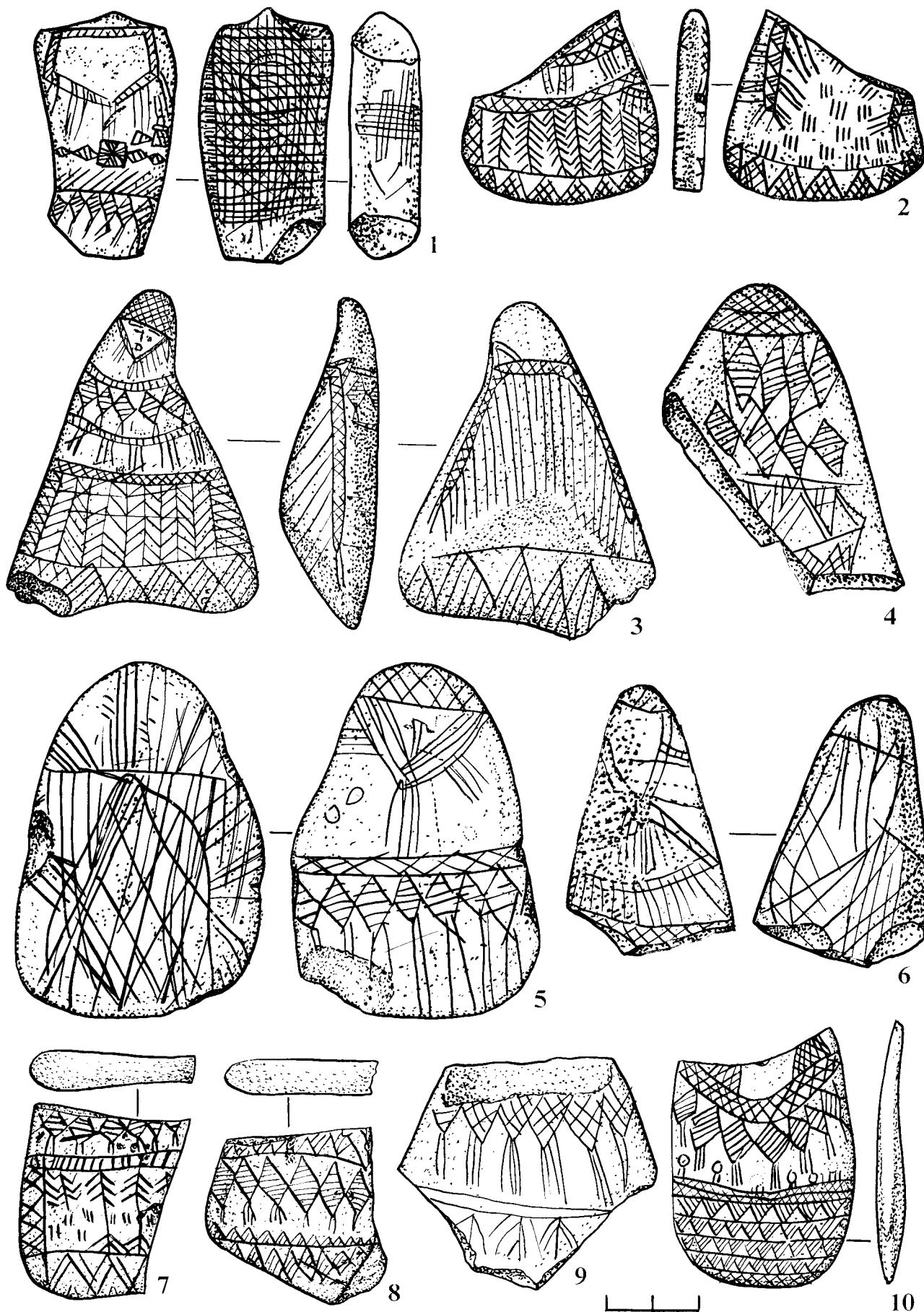

Таблица XXII

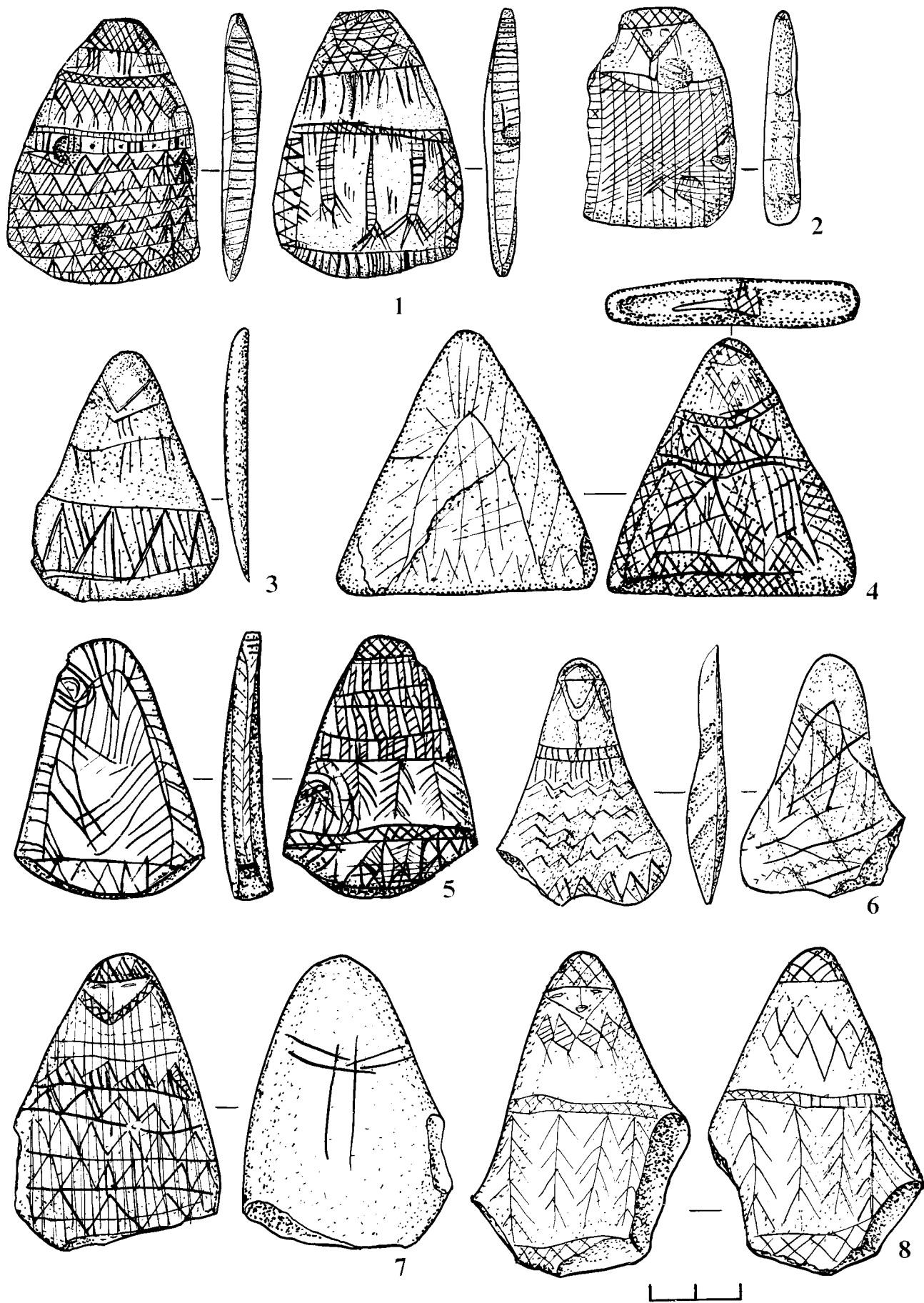

Таблица XXIII

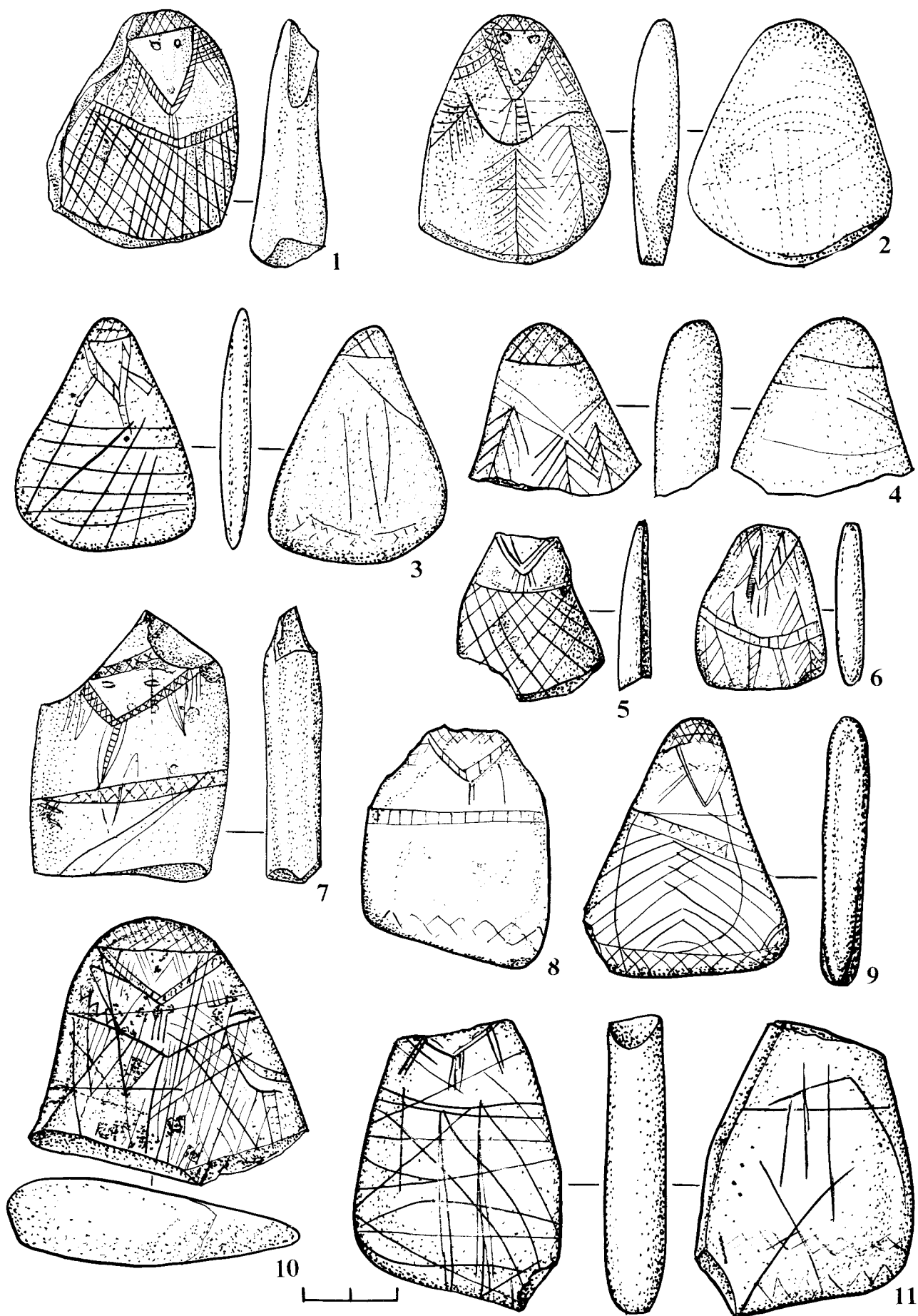

Таблица XXIV

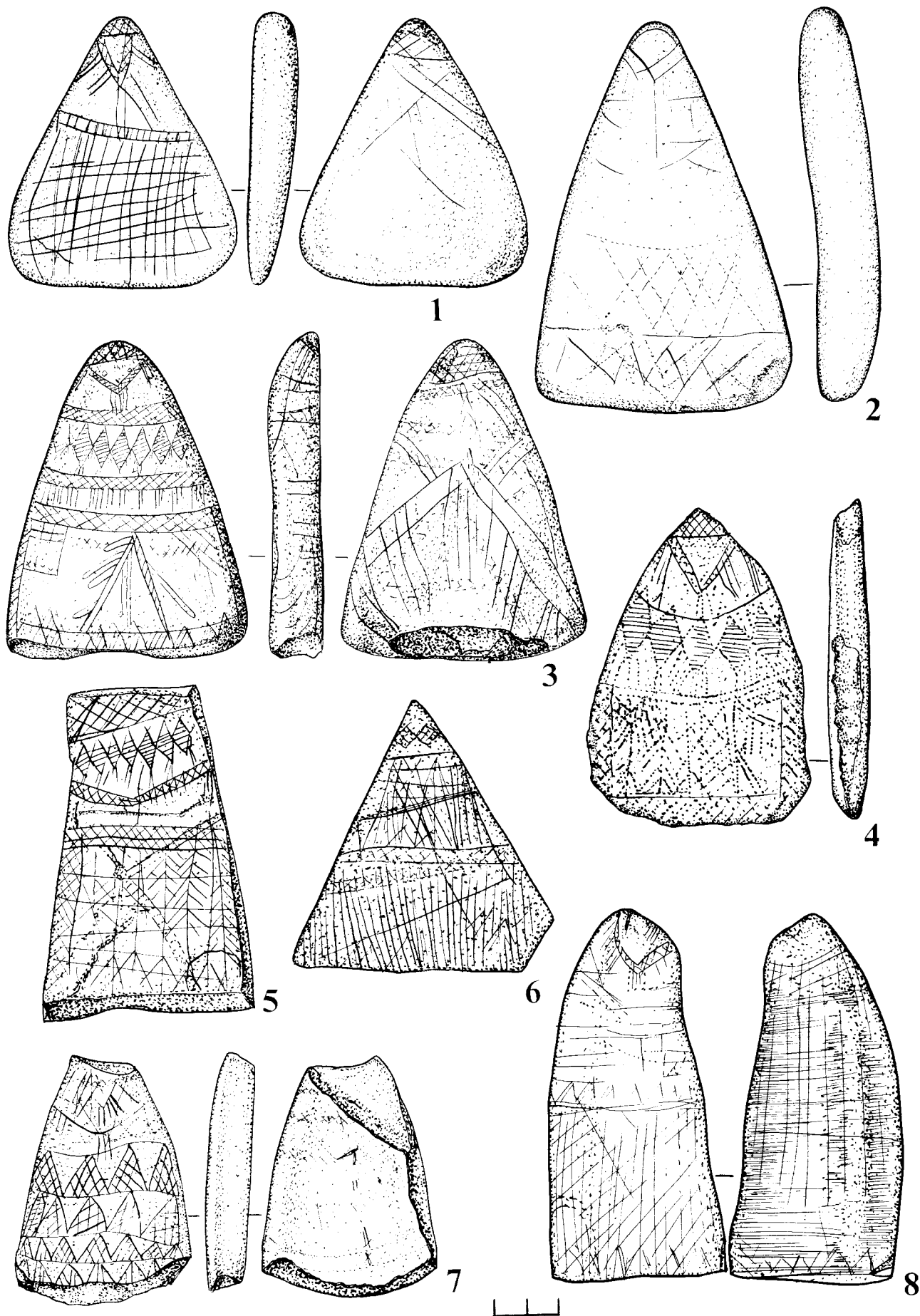

Таблица XXV

Таблица XXVI

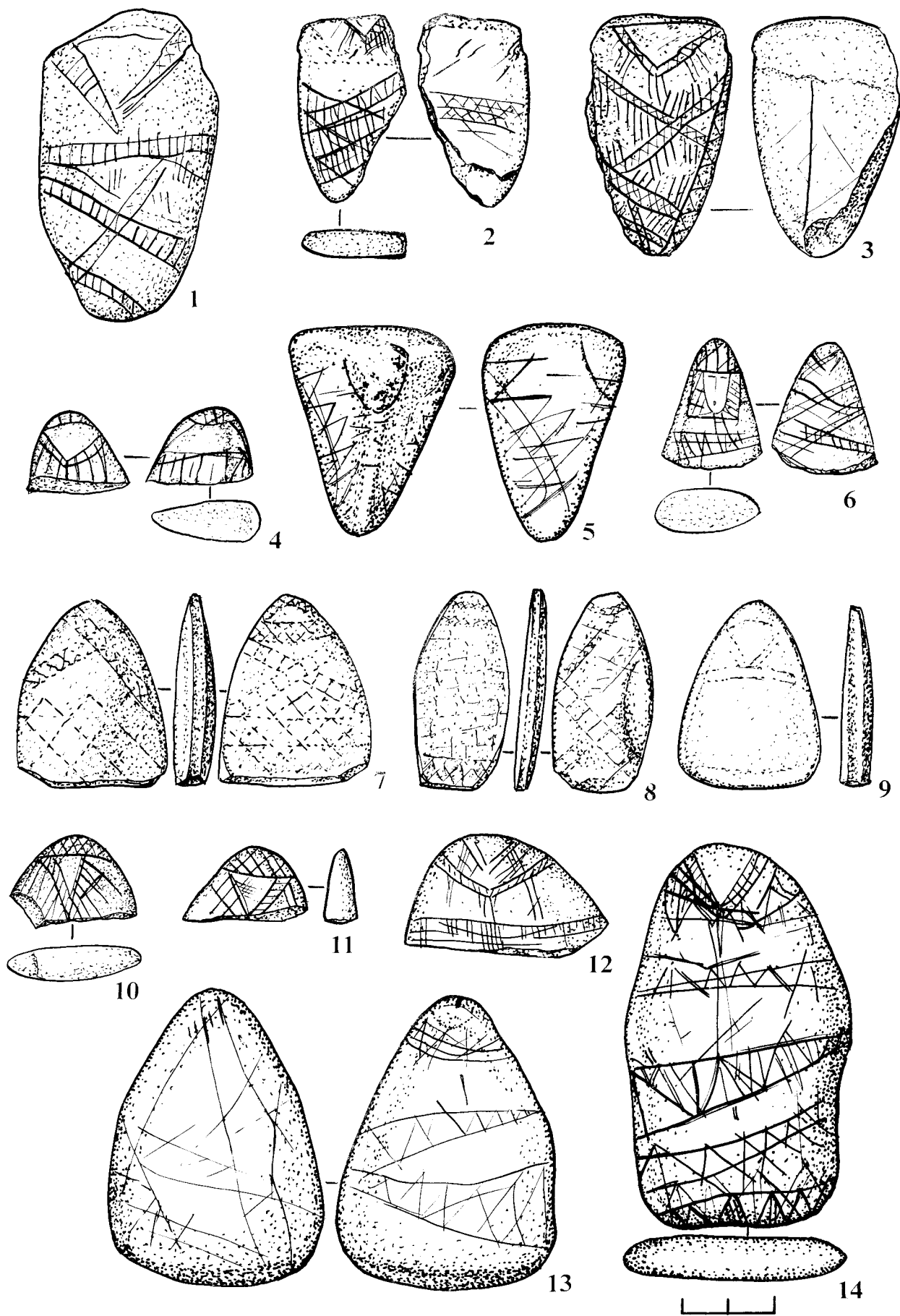

Таблица XXVII

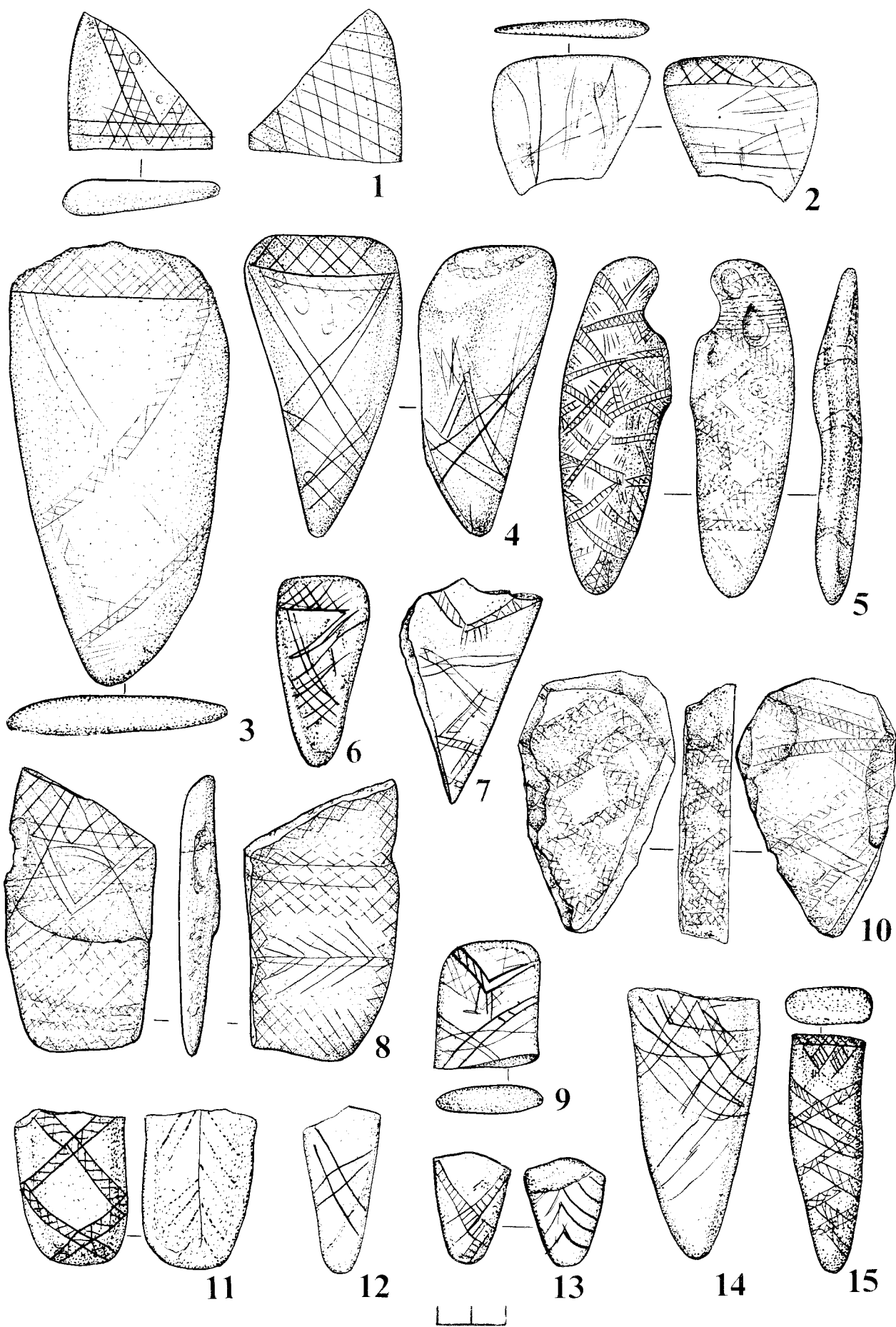

Таблица XXVIII

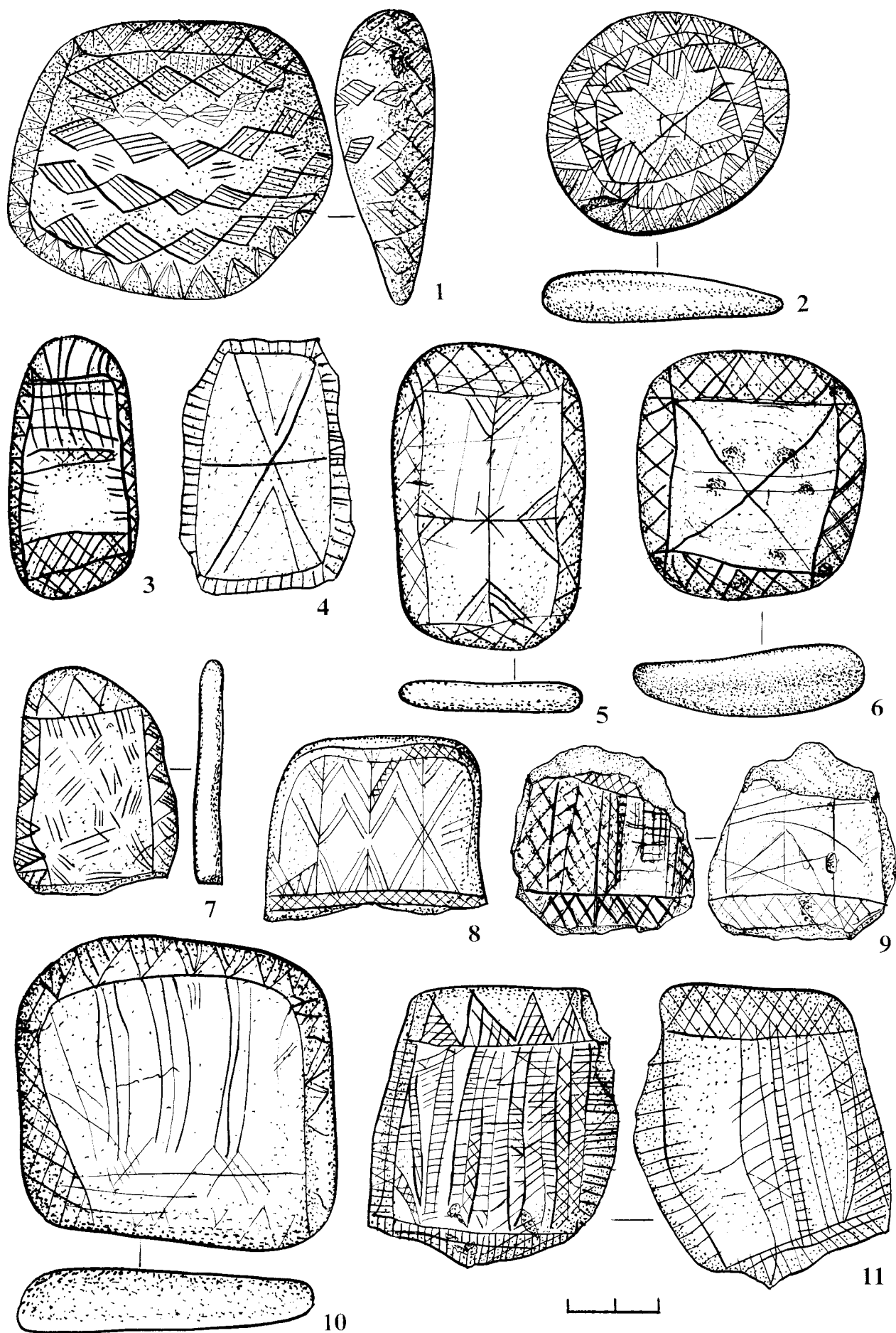

Таблица XXIX

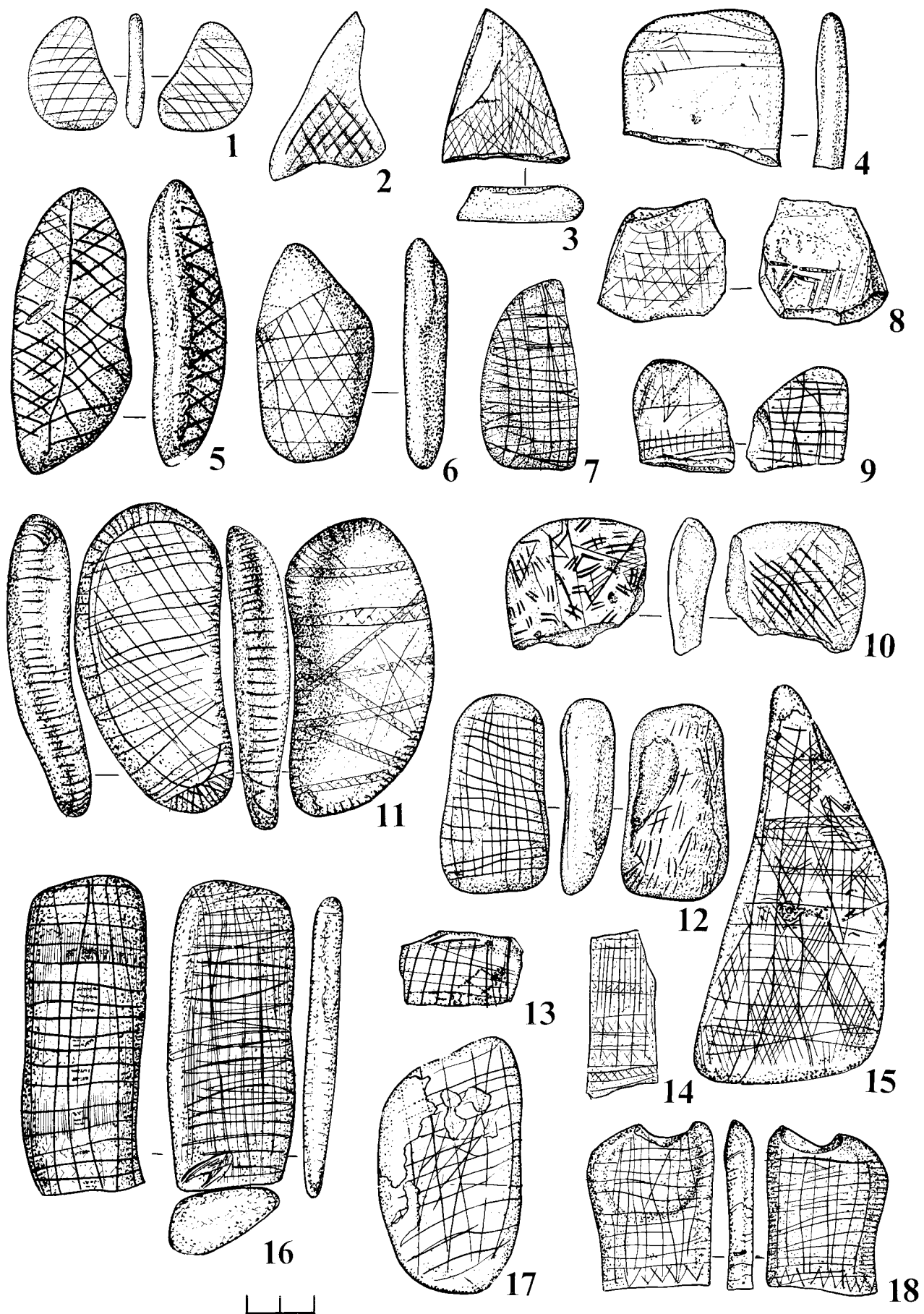

Таблица XXX

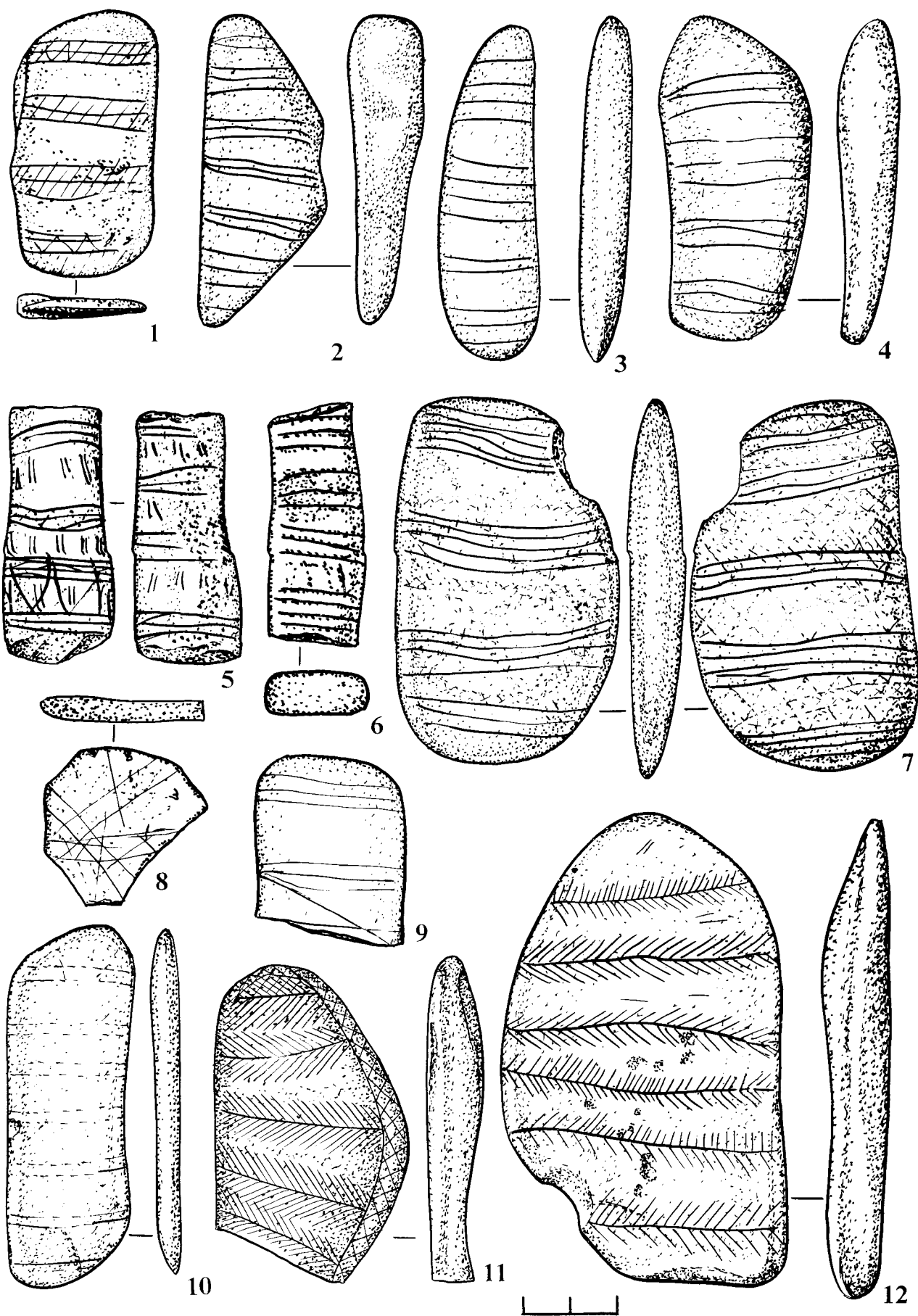

Таблица XXXI

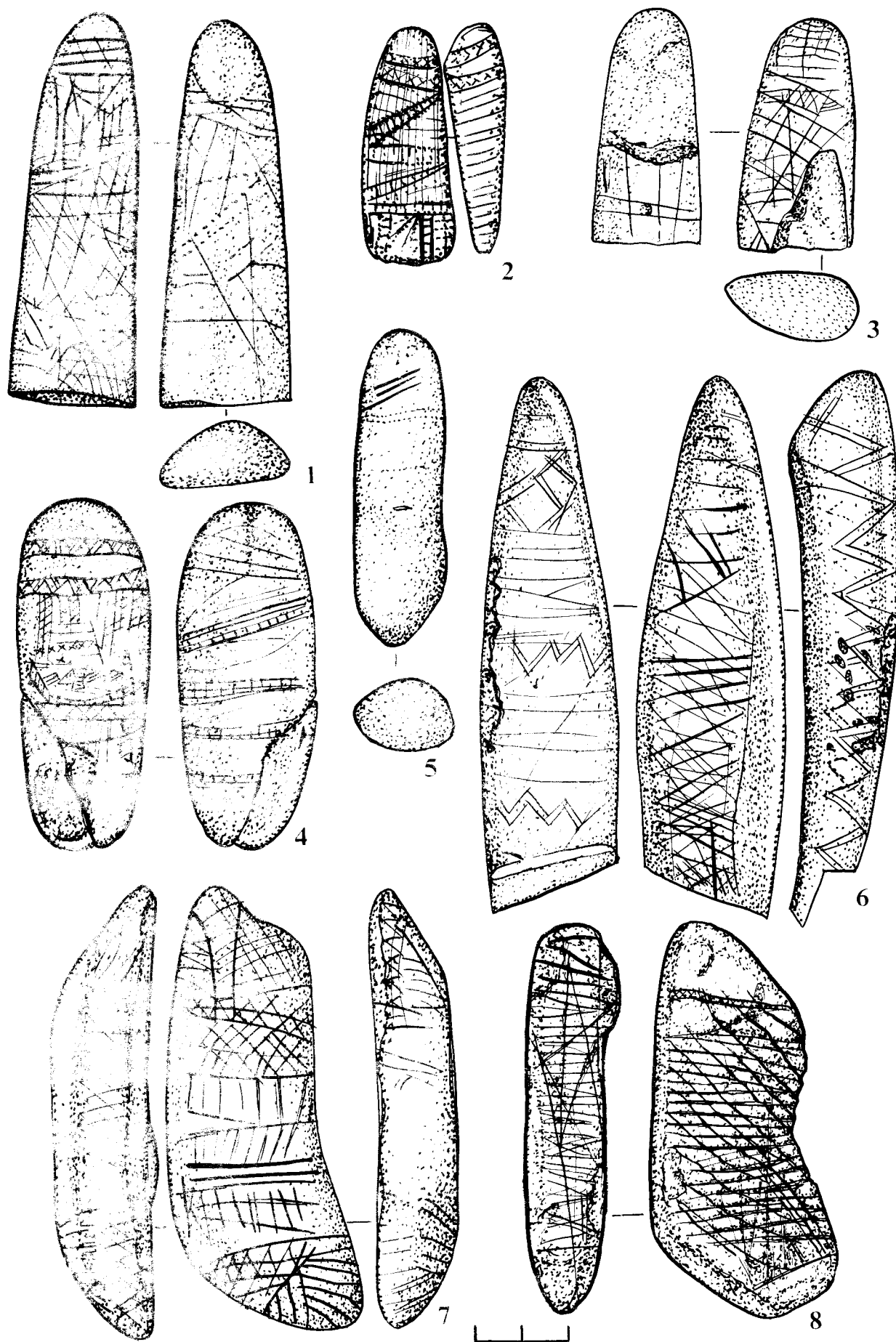

Таблица XXXII

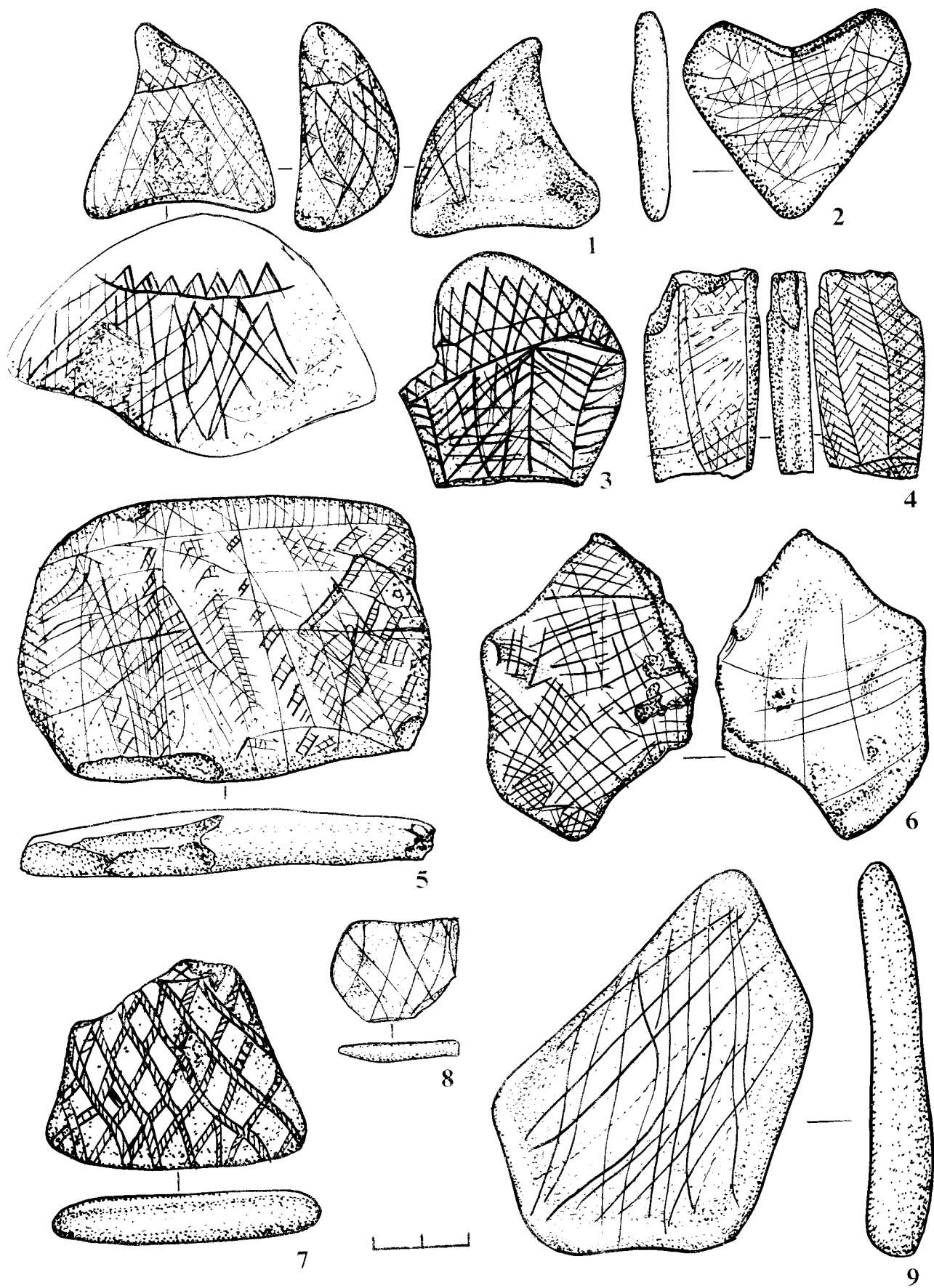

Таблица XXXIII

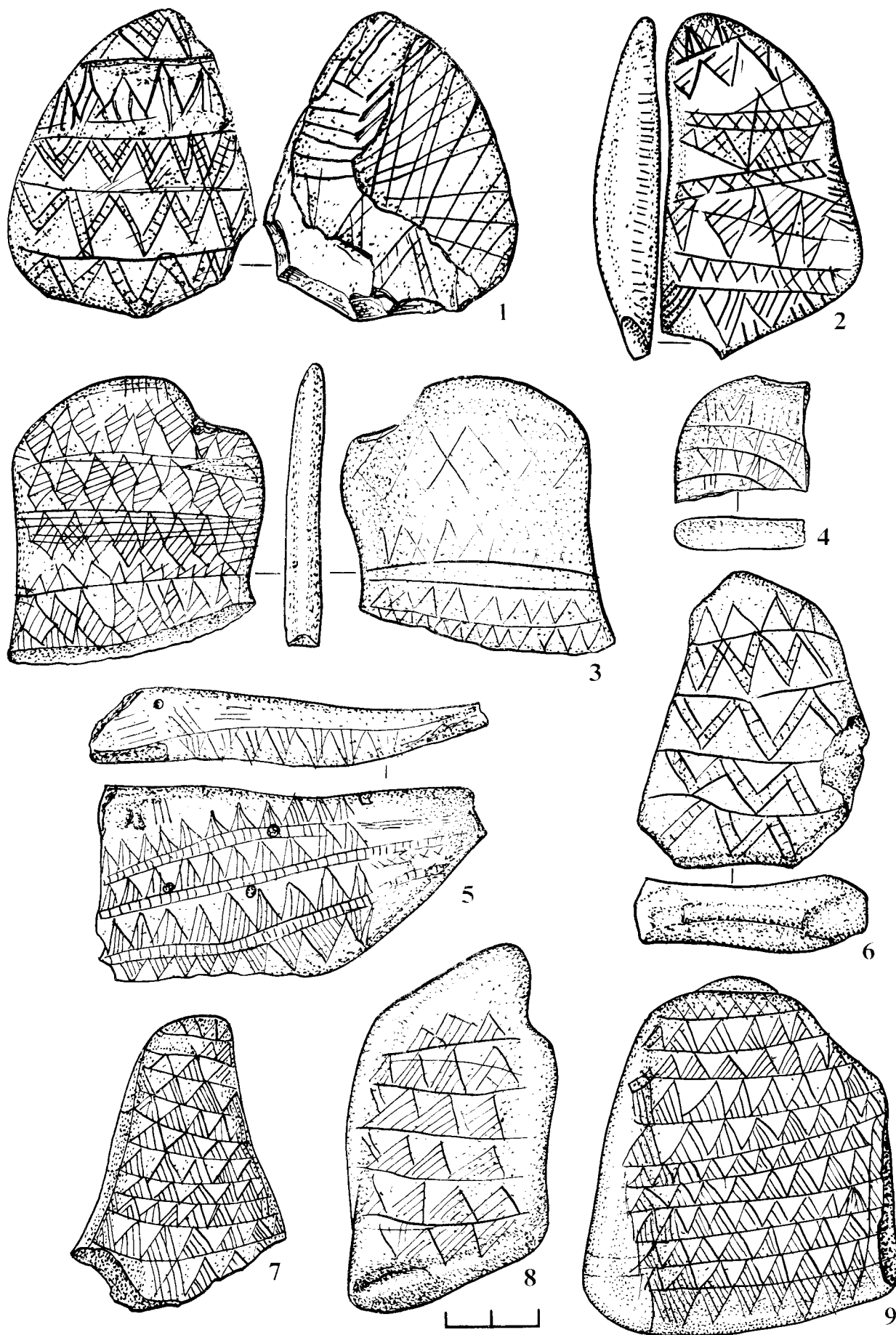

Таблица XXXIV

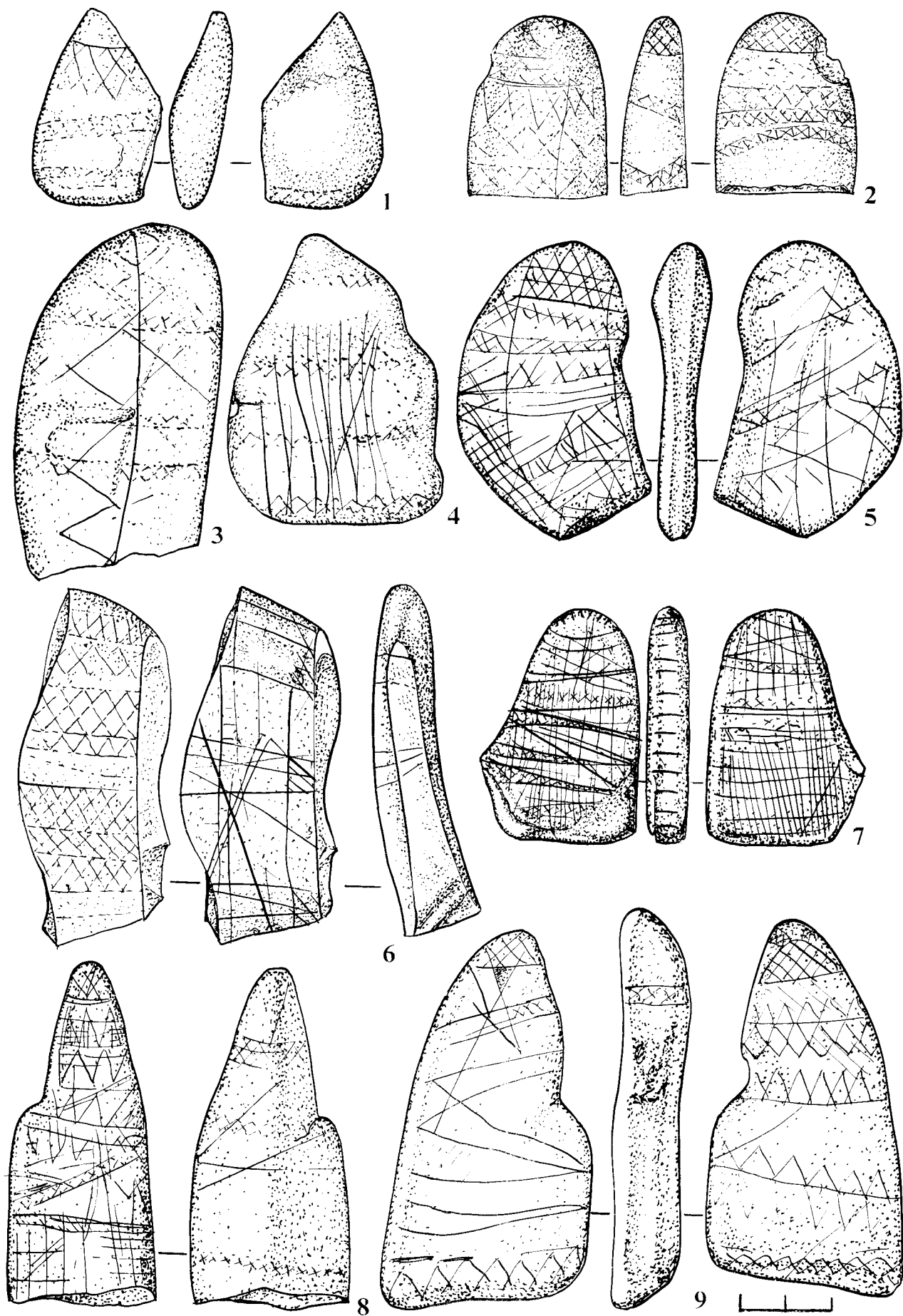

Таблица XXXV

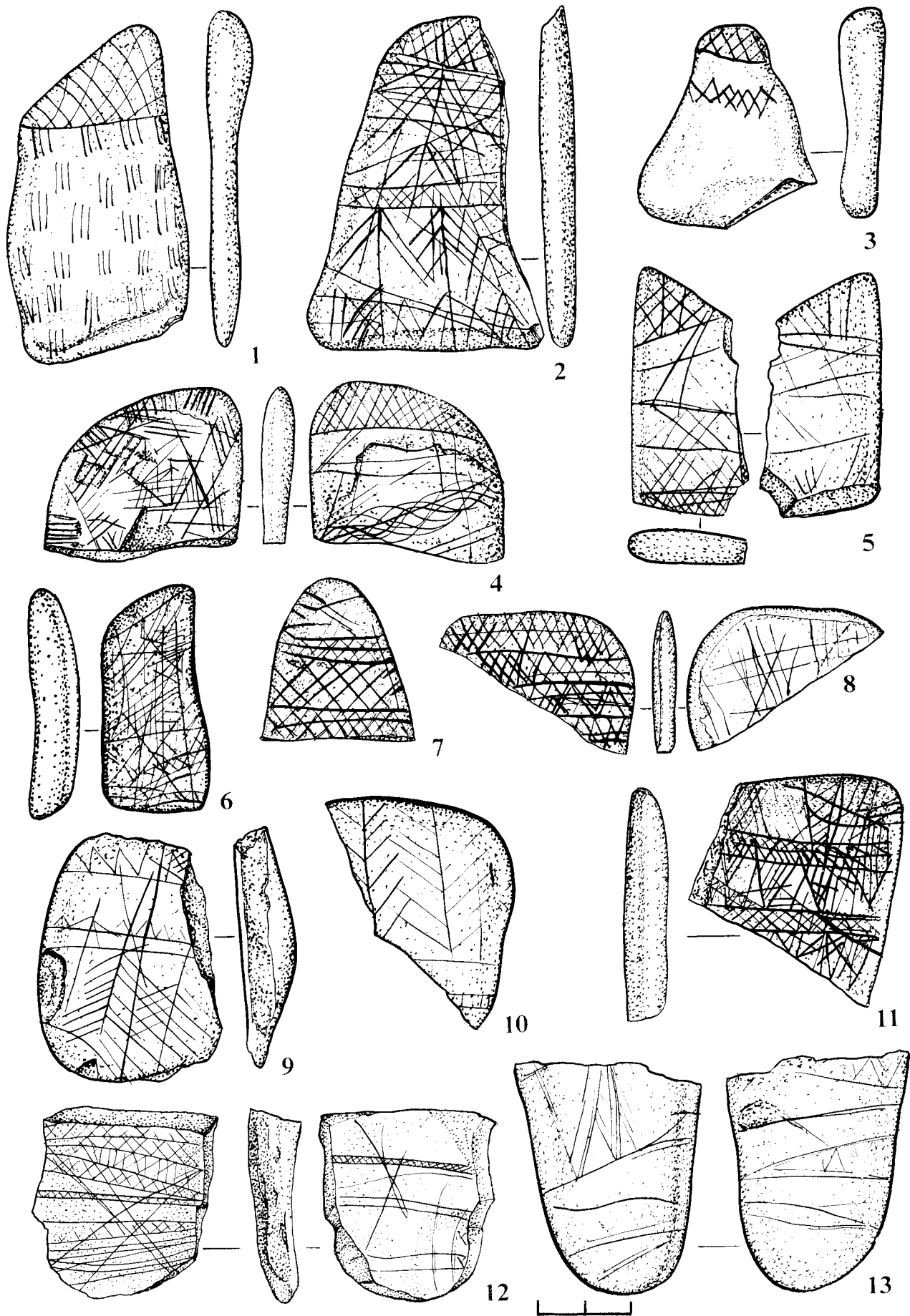

Таблица XXXVI

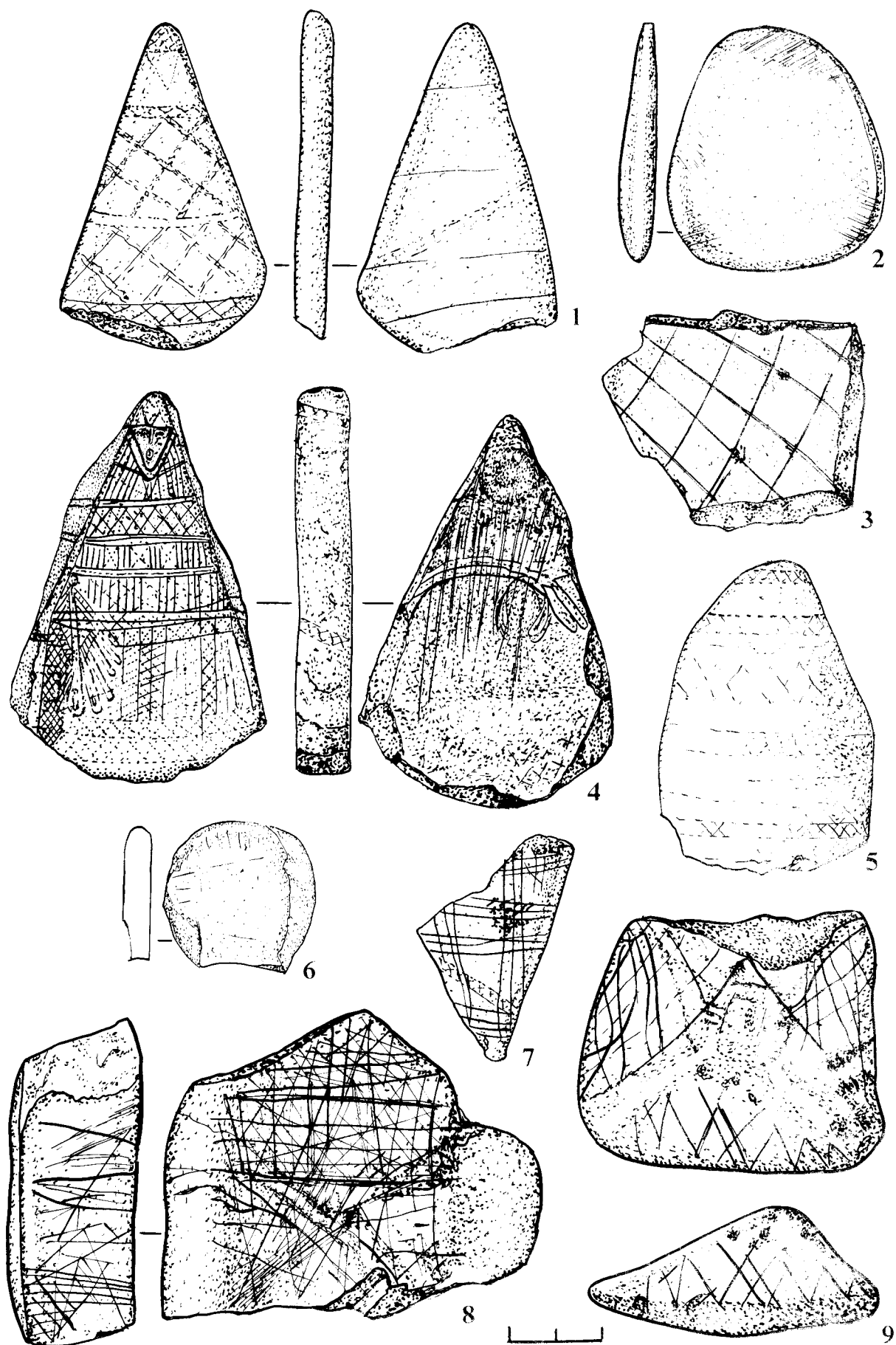

Таблица XXXVII

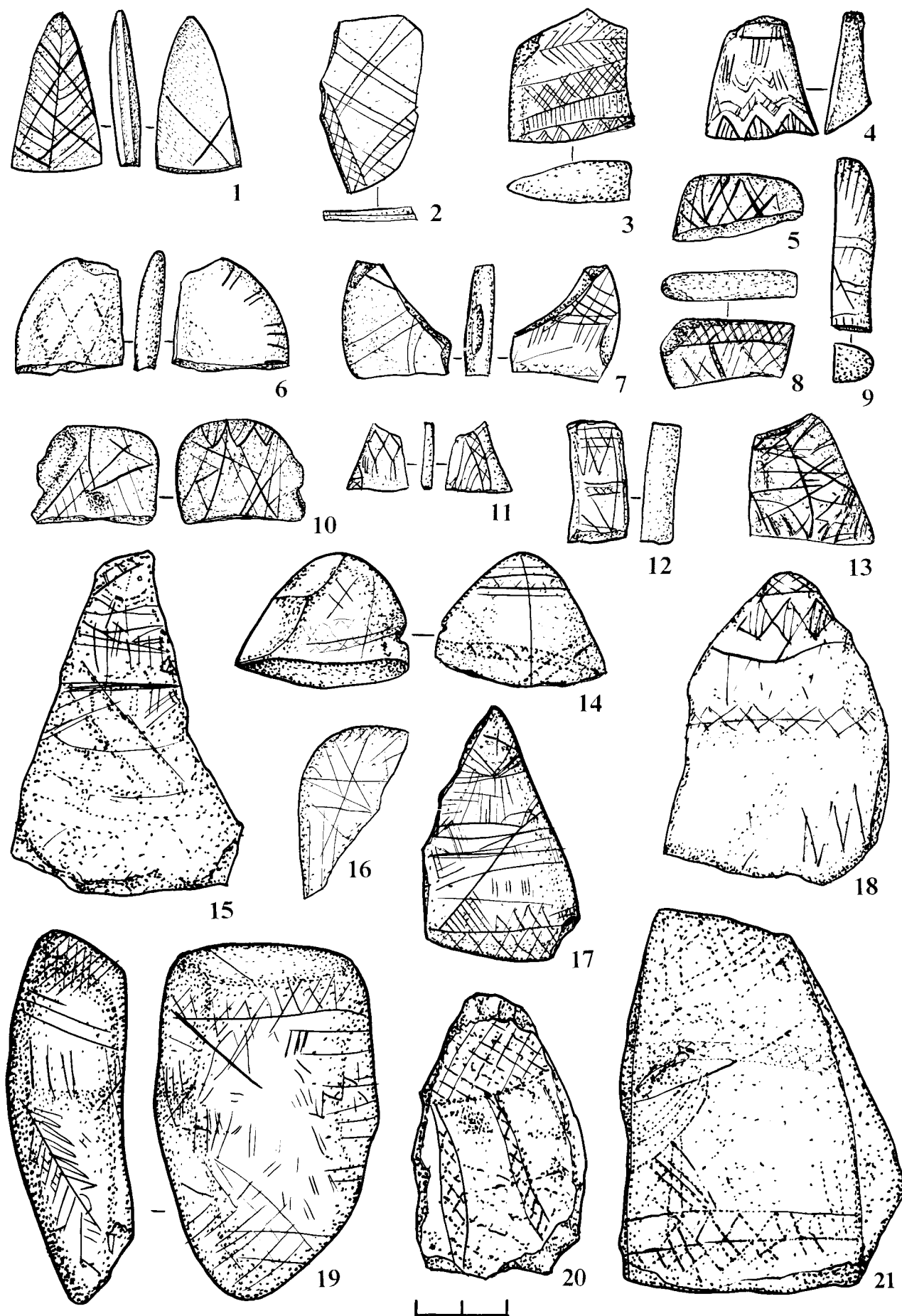

Таблица XXXVIII

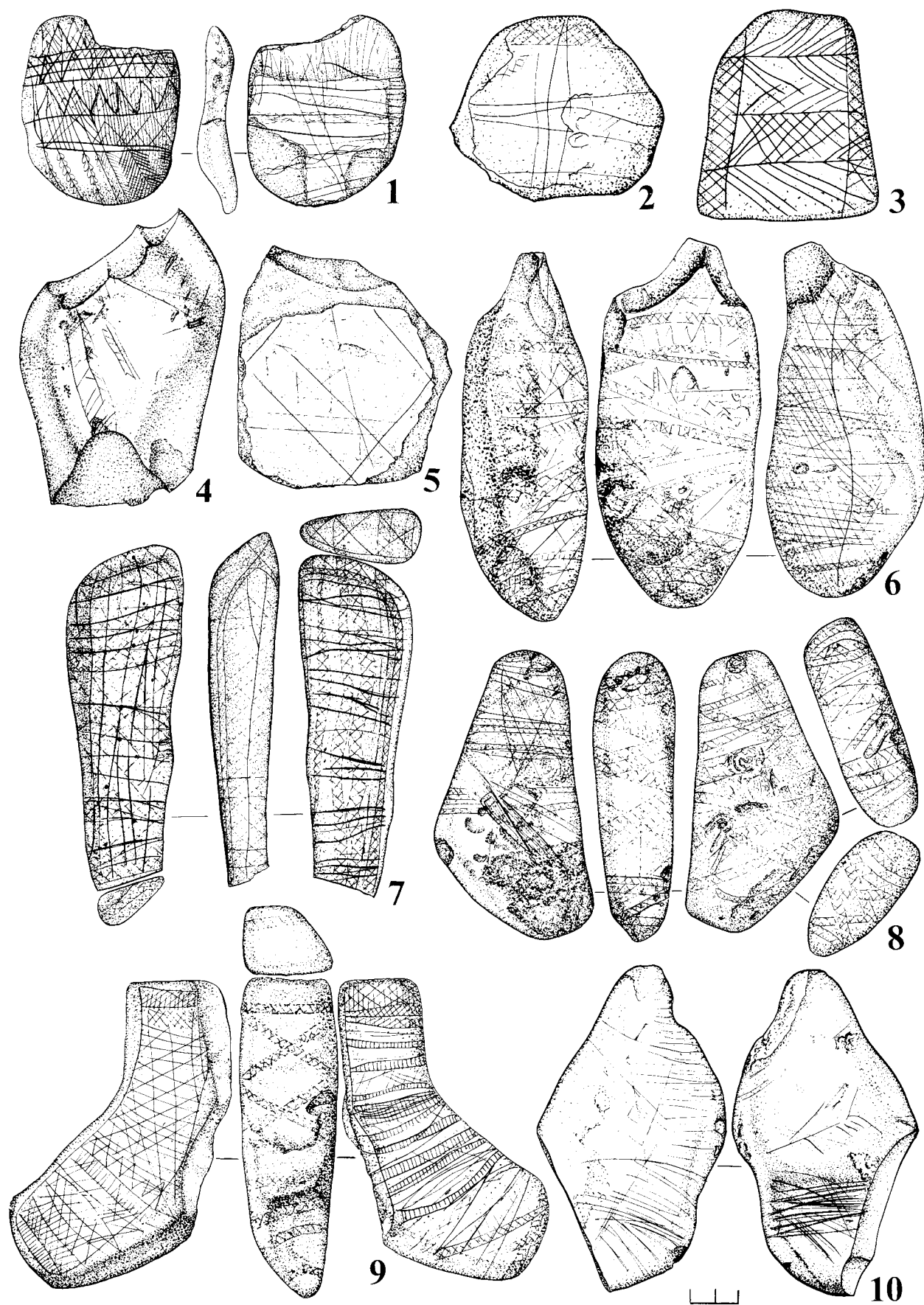

Таблица XXXIX

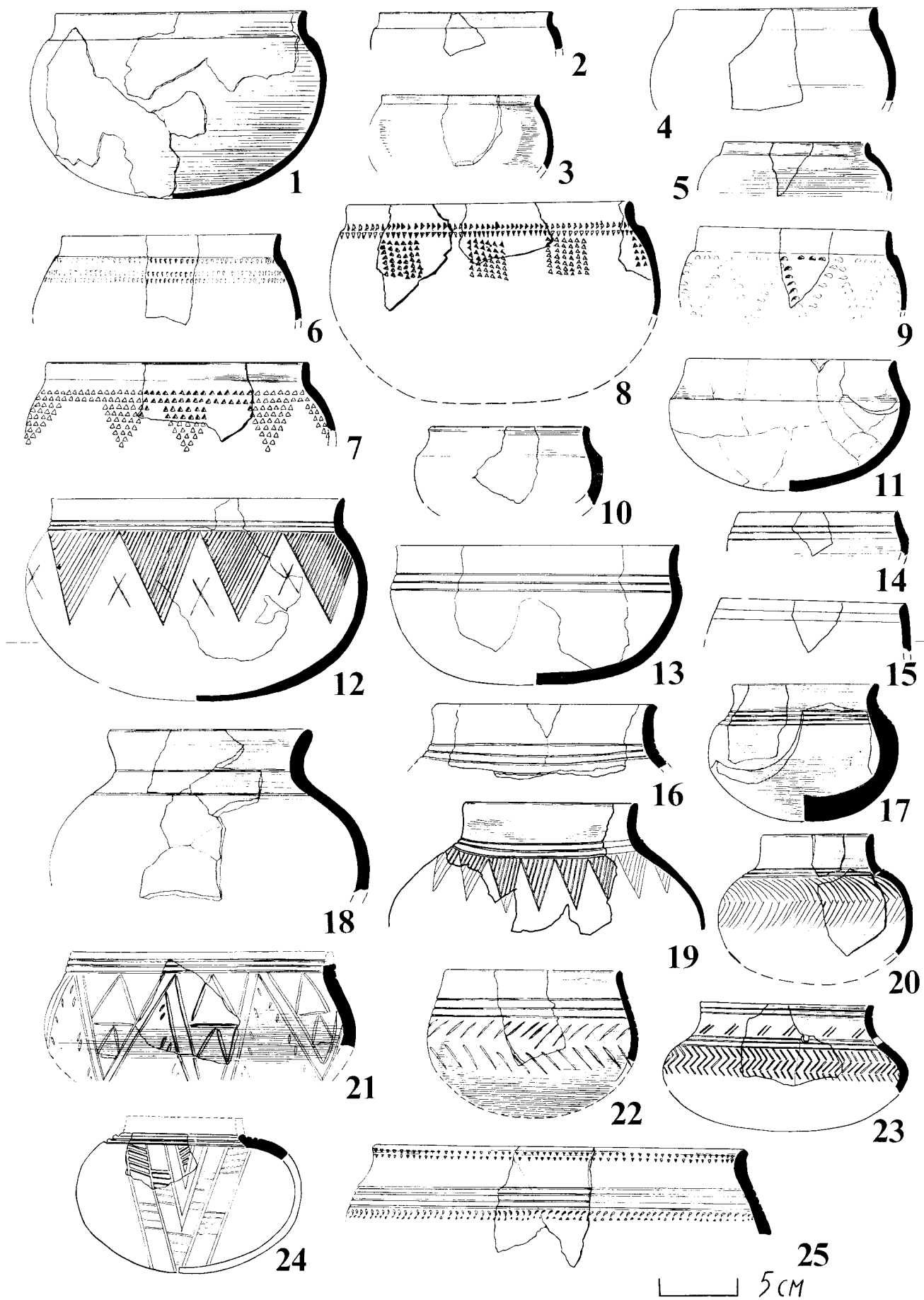

Таблица XL

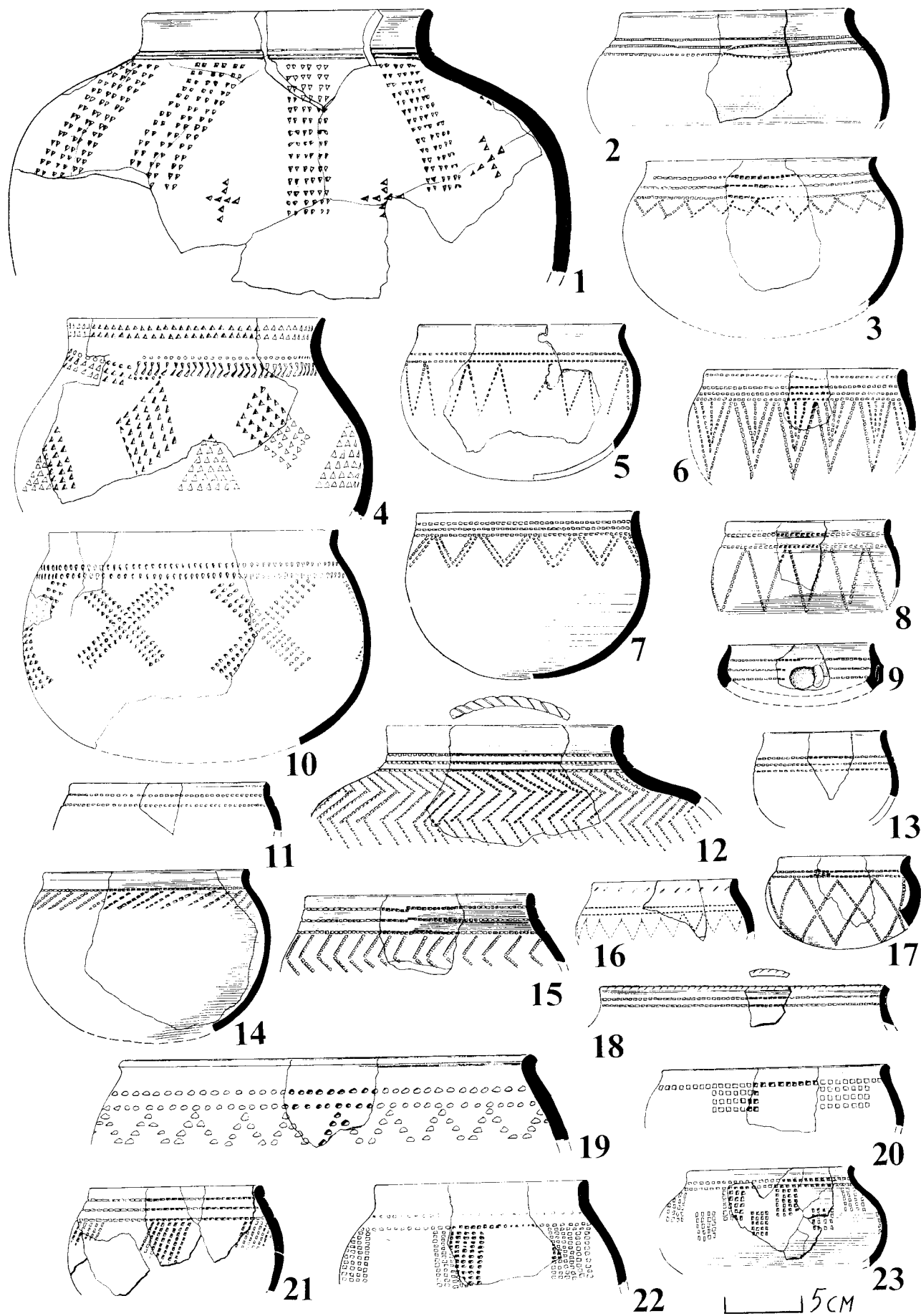

Таблица XLI

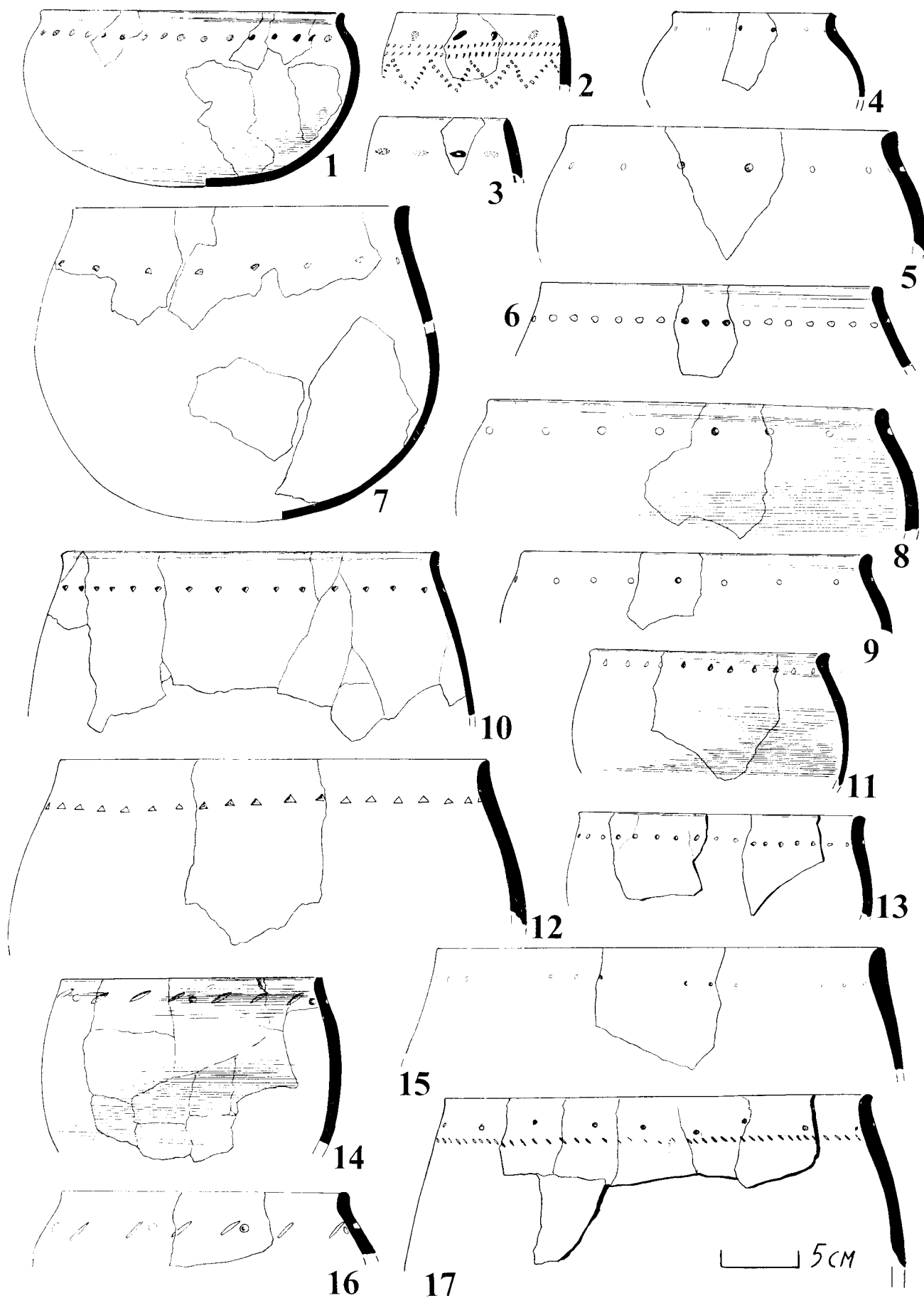

Таблица XLII

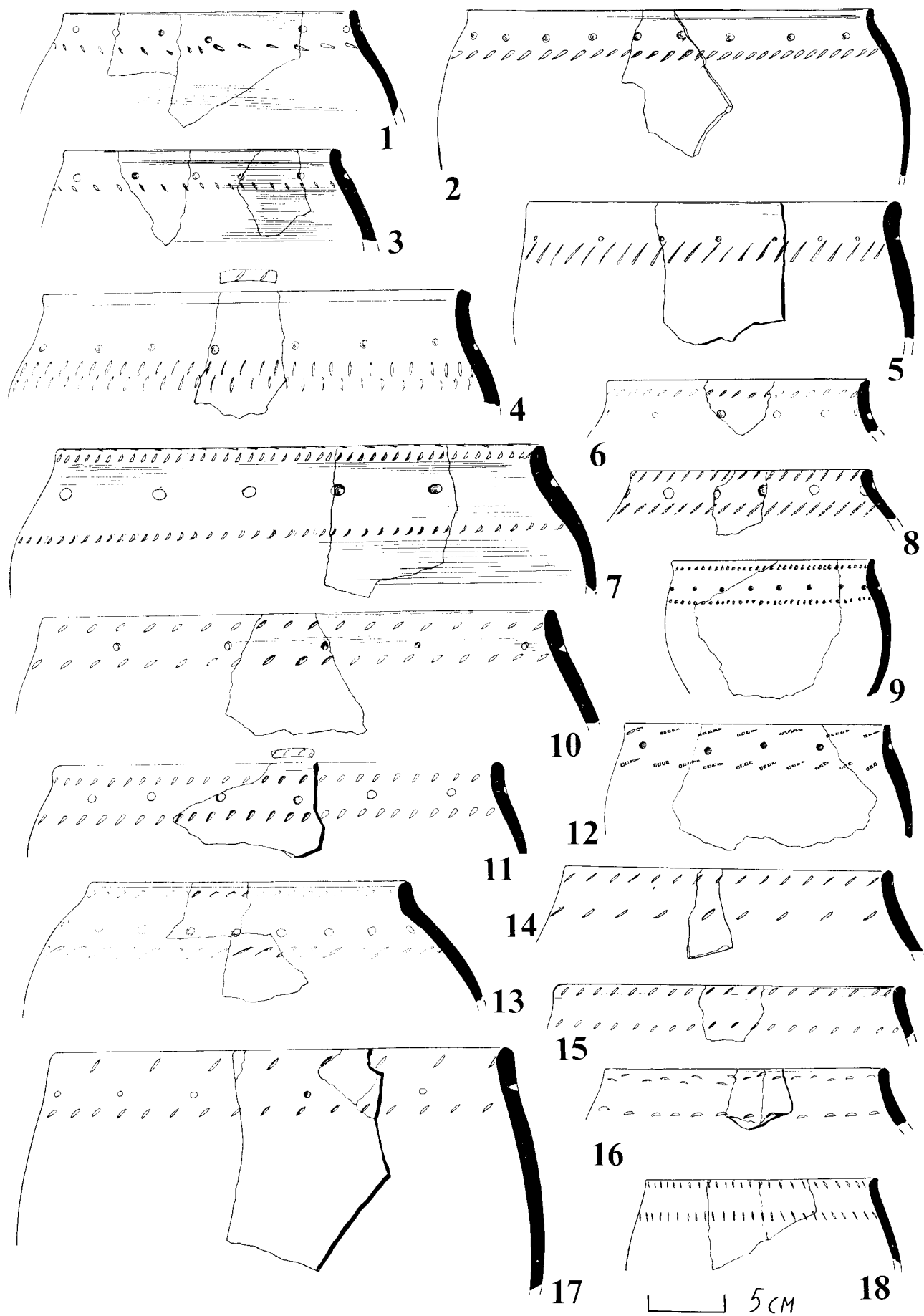

Таблица XLIII

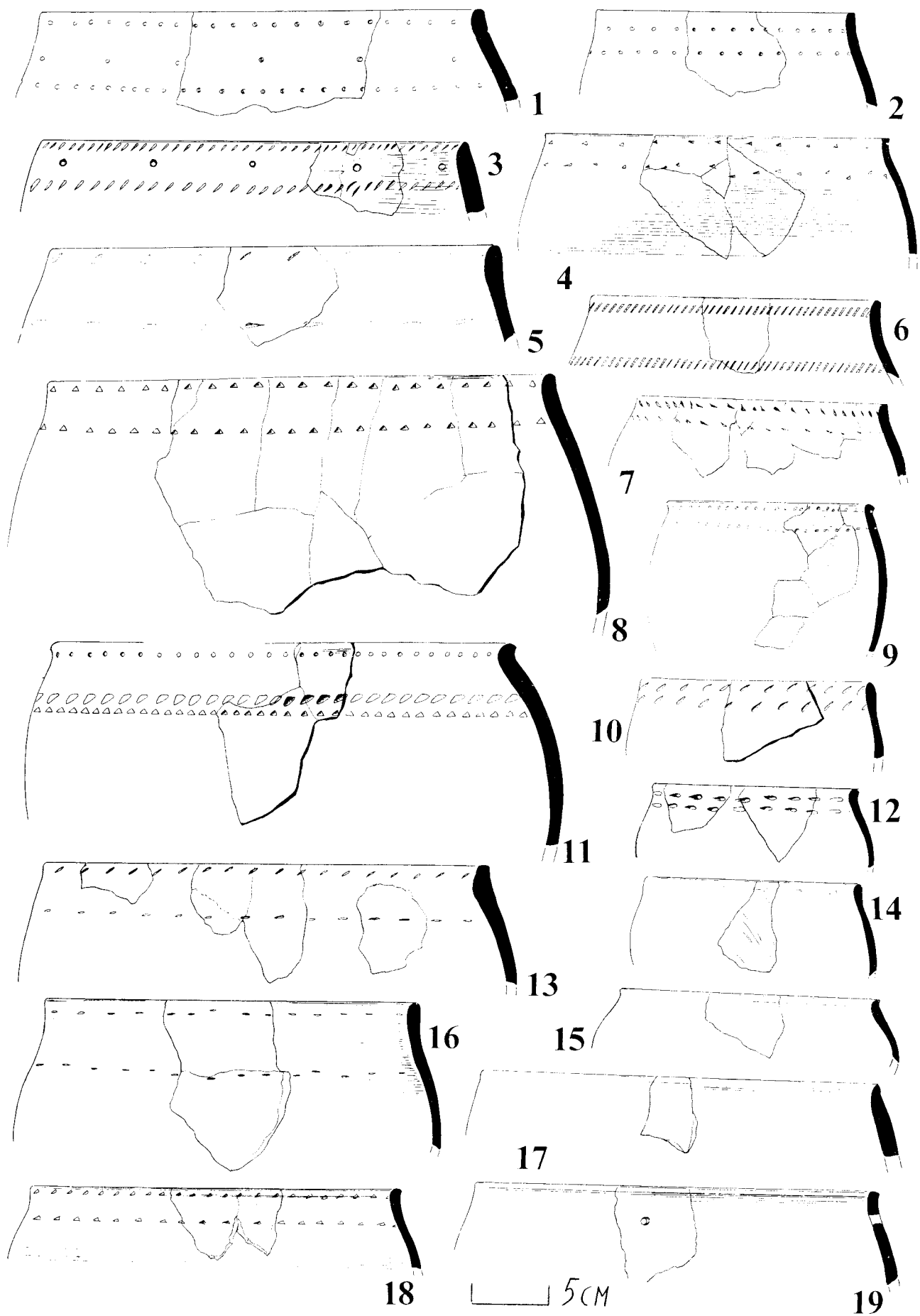

Таблица XLIV

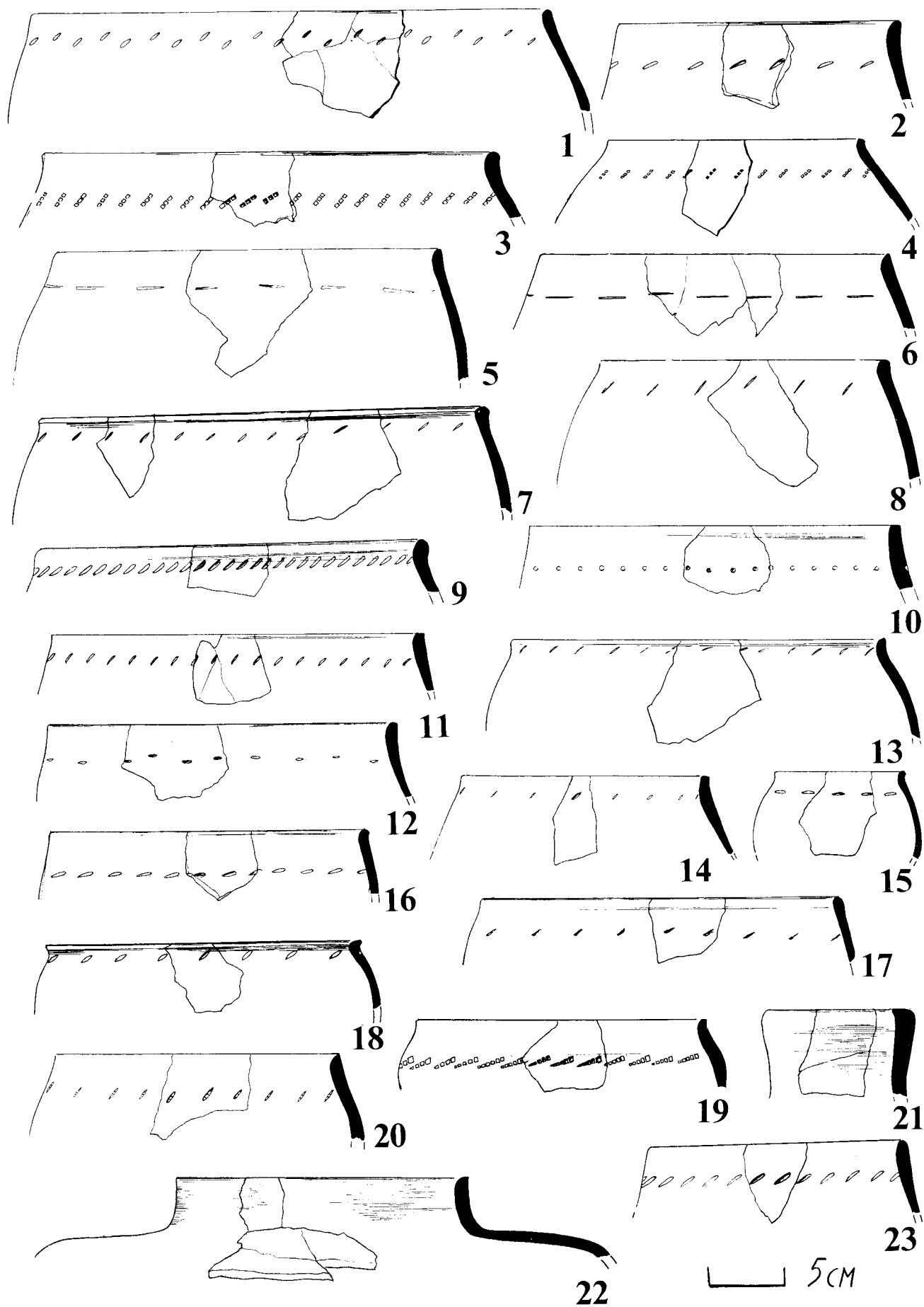

Таблица XLV

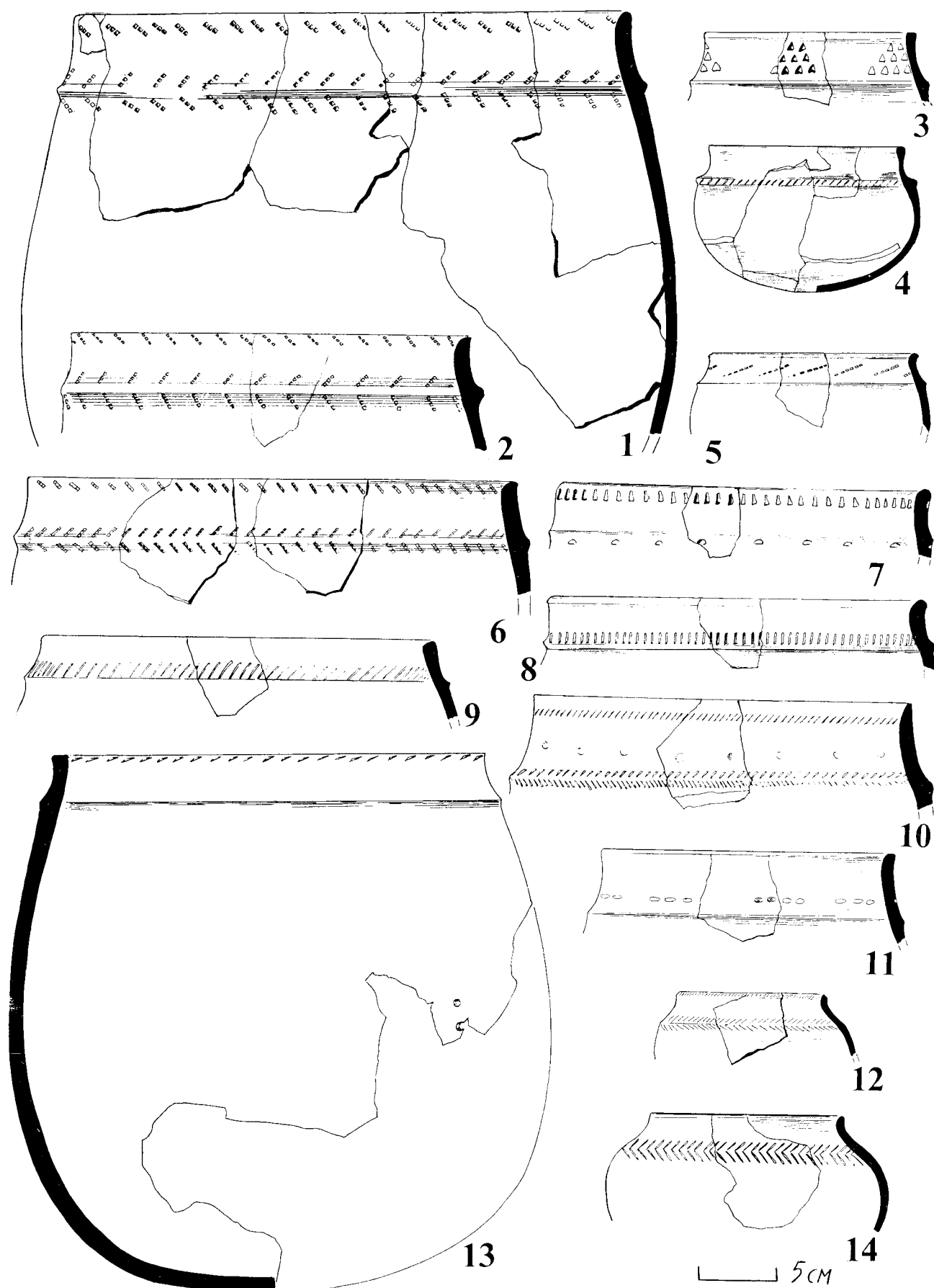

Таблица XLVI

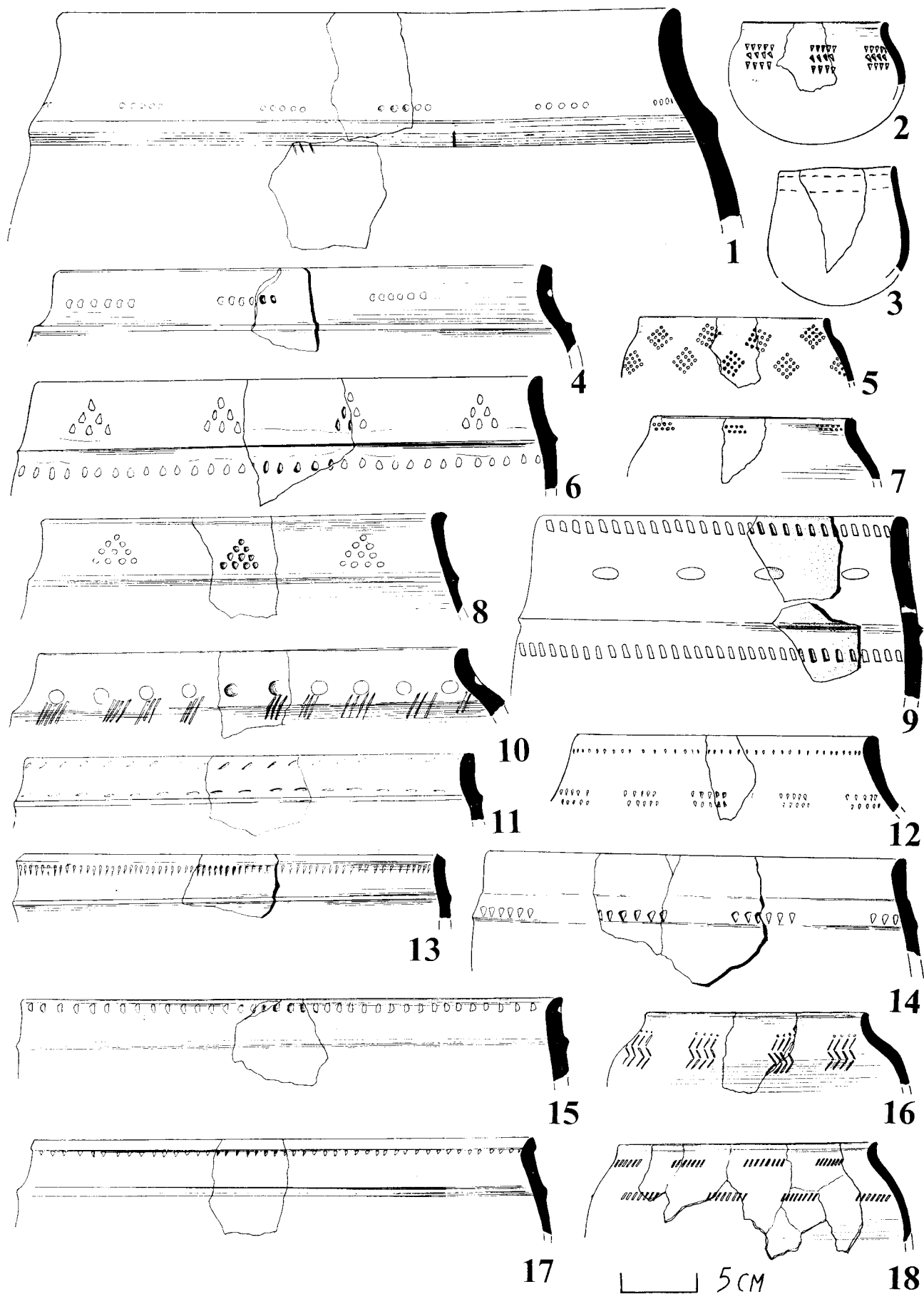

Таблица XLVII

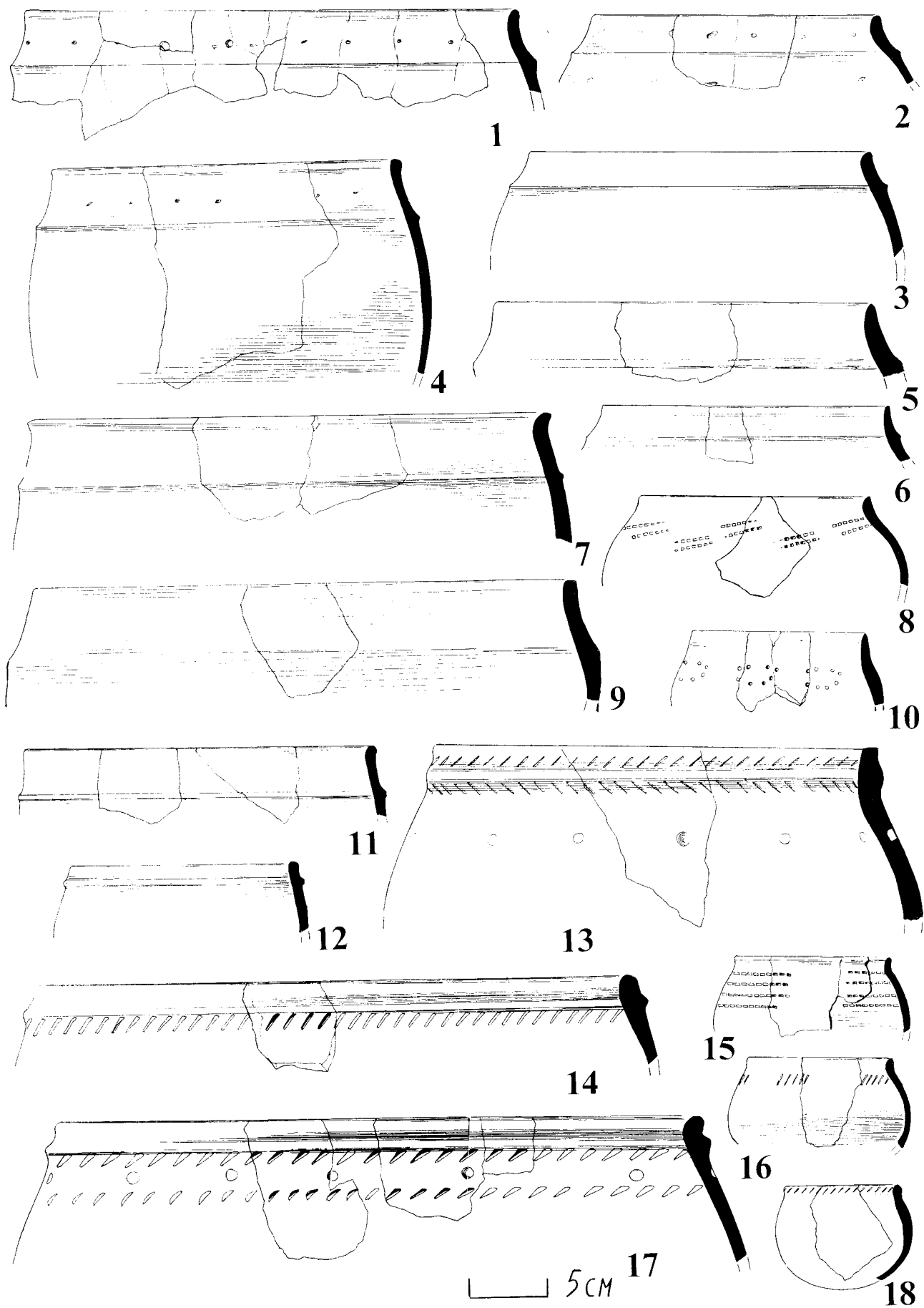

Таблица XLVIII

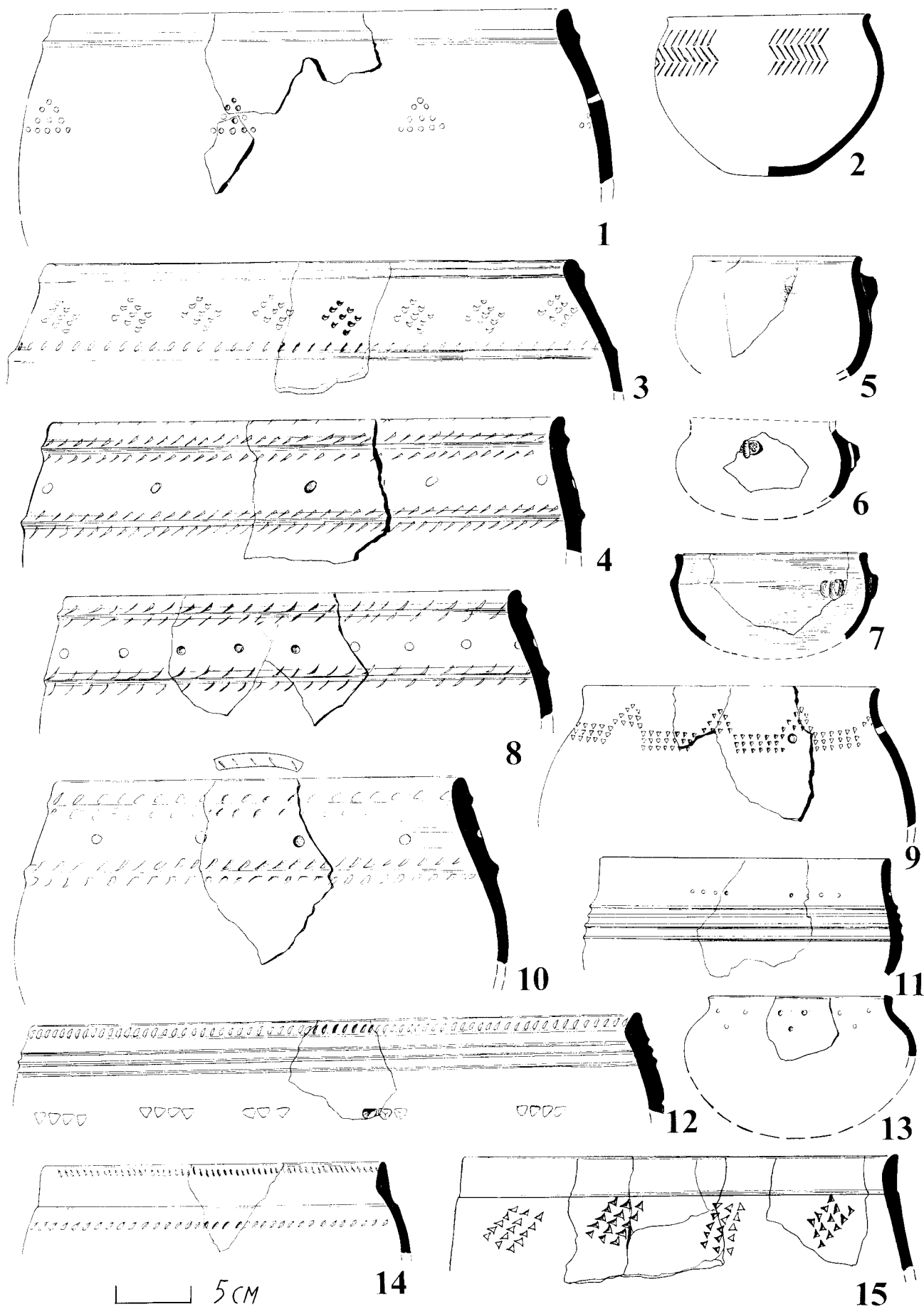

Таблица XLIX

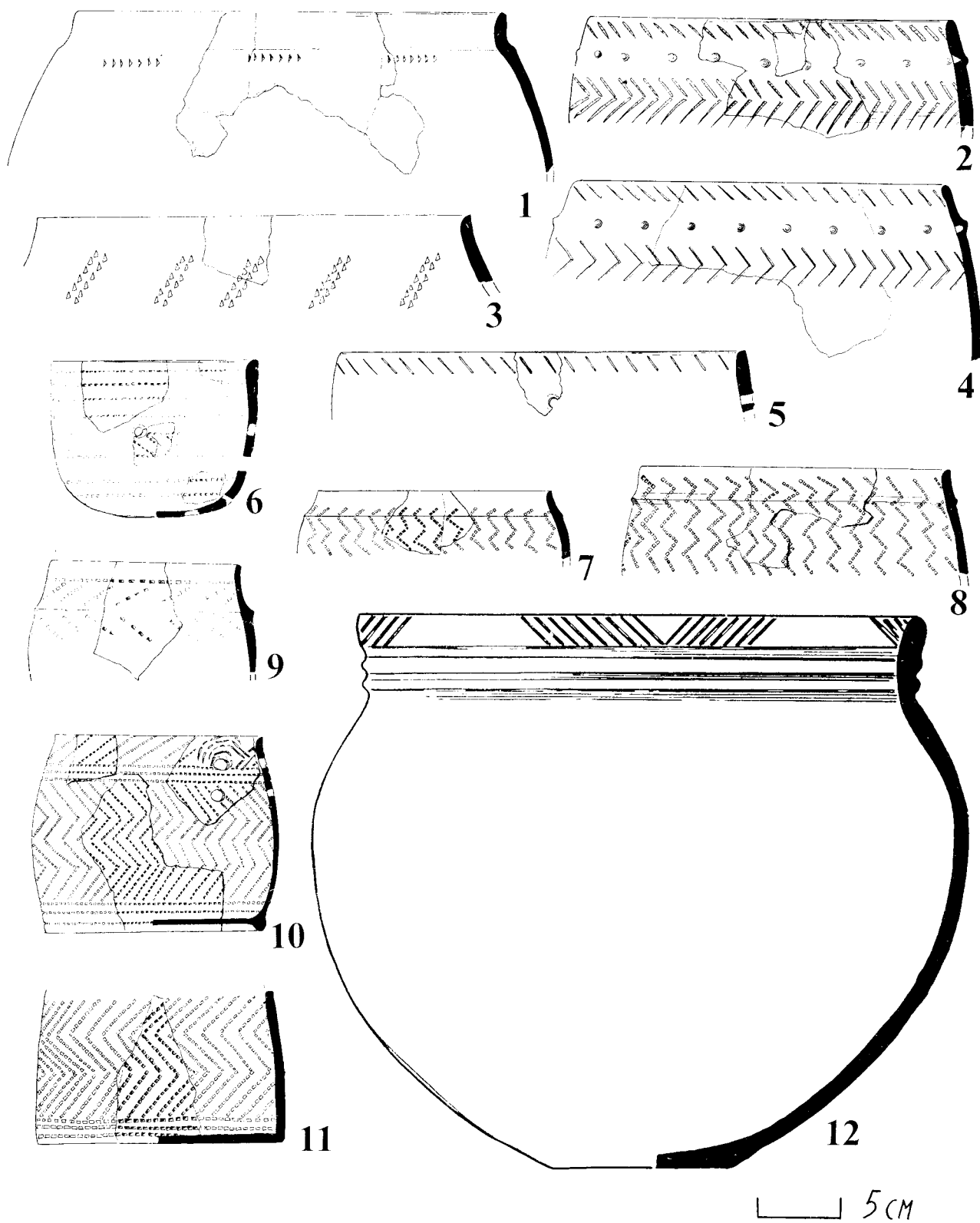

Таблица L

ПОДПИСИ К ТАБЛИЦАМ

Таблица I. Местоположение поселения Торгажак.

Таблица II. Торгажак. План поселения: расположение жилищ 1—5 и «площади».

Таблица III. План жилища 1.

Таблица VI. План жилища 2.

Таблица V. План жилища 3.

Таблица VI. План жилища 4.

Таблица VII. План жилища 5.

Таблица VIII. Жилище 5. План жилого комплекса в юго-западной части сооружения.

Таблица IX. План «площади» и профили ям на «площади».

Таблица X. План второго хозяйственно-жилого комплекса (жилища 6, 7).

Таблица XI. Изделия из бронзы: 1 — перстень; 2 — браслет; 3 — двухъярусная бляшка; 4, 9—11 — накладки; 5—?; 6—8 — пронизки; 12—14 — заклепки или «гвоздики»; 15—17, 20—25 — шилья или проколки; 18, 19 — ножи (1, 7, 13, 15, 17, 19, 21, 23, 24 — ж. 1; 2, 8, 12, 14, 25 — ж. 2; 3, 5, 10, 11, 20 — ж. 5; 4, 18 — ж. 7; 6, 9, 16 — ж. 4; 22 — ж. 3).

Таблица XII. Изделия из кости и рога: 1—6, 18, 20, 23, 25 — различные предметы неизвестного назначения; 7, 8 — кольца для скрепления волос; 9—17 — острия и проколки; 19 — вток; 21, 24 — ложки; 22 — деталь защитного вооружения (?); 26 — кружок; 27, 28 — трепала (1, 2, 4, 6, 11, 15—18, 21—23, 27 — ж. 1; 3, 5, 10, 20 — ж. 6; 7, 9, 14 — ж. 4; 8, 24 — ж. 5; 12, 28 — ж. 3; 25 — ж. 7; 26 — случайная находка; 27 — ж. 4, яма 4).

Таблица XIII. Изделия из рога: 1 — мотыга (?); 2 — фигурка медведя; 3 — предмет для рыхления земли (?); 4 — заготовка для псалия (?); 5, 6 — предметы для просверливания отверстий (1, 2, 3, 6 — ж. 1; 4, 5 — ж. 7).

Таблица XIV. Обработанные астрагалы: 1—18 — астрагалы с нарезками; 19—27 — просверленные астрагалы; 25—28 — астрагалы-«утюжки» (1, 3, 7, 8, 12—14, 16—18, 20, 22, 23, 26, 27 — ж. 1; 2, 4—6, 21 — ж. 7; 9, 10, 25, 28 — ж. 3; 11 — ж. 6; 15, 19, 24 — ж. 5).

Таблица XV. Изделия из камня: 1—4, 8 — пестики или терочки; 5 — заготовка для оселка; 6 — диск; 7 — шар; 9 — отщеп, 11 — наковаленка; 10, 12—16 — плитки; 17, 18 — «сфероиды» (1, 4, 7, 11, 13, 18 — ж. 1; 2, 3 — ж. 2; 5, 9, 10, 15—17 — ж. 5; 6 — ж. 6; 8, 12, 14 — ж. 7).

Таблица XVI. Изделия из камня. Пестикообразные и фаллические предметы (1, 6, 12 — ж. 1; 2, 3 — ж. 4; 4 — яма 30; 5, 9, 11 — ж. 5; 7, 8, 14 — ж. 7; 10, 13 — ж. 2).

Таблица XVII. Изделия из камня. Зернотерки (1, 2, 3, 5, 8, 9 — ж. 5; 4 — ж. 7; 6, 12 — ж. 1; 7, 11 — ж. 3; 10 — ж. 4).

Таблица XVIII. Изделия из камня. Плиты и крышки (1 — яма 30; 2, 3 — ж. 7; 4, 6 — ж. 5; 5, 7—9 — ж. 1).

Таблица XIX. Изделия из камня. Диски-«денежки» (1 — ж. 2; 2, 5, 6, 8, 9, 11, 17 — ж. 5; 3, 10, 13 — ж. 3; 4, 12 — ж. 4; 7, 15 — ж. 1; 14, 16 — ж. 6).

Таблица XX. Гальки: 1—3 — ж. 7; 4, 8 — ж. 6; 5, 6 — ж. 5; 7 — ж. 2.

Таблица XXI. Гальки: 1, 8 — ж. 7; 2 — ж. 5; 3 — ж. 1; 4 — ж. 6; 5 — ж. 4; 6 — яма 28; 7 — яма 30.

Таблица XXII. Гальки: 1, 4, 5 — ж. 1; 2, 6 — ж. 2; 3, 7—10 — ж. 6.

Таблица XXIII. Гальки: 1—3 — ж. 7; 4 — яма 16; 5 — ж. 1; 6, 7 — ж. 4; 8 — ж. 5.

Таблица XXIV. Гальки: 1, 2, 6 — ж. 7; 3, 5, 7 — ж. 4; 4 — ж. 5; 8, 10 — ж. 1; 9 — ж. 6.

Таблица XXV. Гальки: 1 — ж. 4; 2 — ж. 6; 3, 7 — ж. 7; 4 — ж. 5; 5 — яма 30; 6 — яма 17; 8 — ж. 1.

Таблица XXVI. Гальки: 1 — ж. 3; 2, 6, 10 — ж. 7; 3—5 — ж. 6; 7—9 — ж. 5.

Таблица XXVII. Гальки: 1, 3, 9, 11 — ж. 4; 2 — ж. 1; 4, 6, 10 — ж. 6; 5 — яма 16; 7, 8, 12, 14 — ж. 7; 13 — яма 28.

Таблица XXVIII. Гальки: 1, 4, 5, 8, 10 — ж. 7; 2, 12 — ж. 5; 3, 7 — ж. 2; 6, 9, 13 — ж. 1; 11 — «площадь»; 14 — ж. 6; 15 — яма 17.

Таблица XXIX. Гальки: 1, 2, 11 — ж. 7; 3 — ж. 3; 4, 8 — ж. 4; 5 — ж. 1; 6 — ж. 5; 7, 9, 10 — ж. 6.

Таблица XXX. Гальки: 1, 11, 14, 16, 18 — ж. 7; 2 — ж. 5; 3, 4, 7—9 — ж. 1; 5, 10, 12 — ж. 6; 6 — яма 17; 13 — яма 28; 15 — ж. 3; 17 — ж. 2.

Таблица XXXI. Гальки: 1, 6 — ж. 2; 2, 9 — ж. 6; 3, 10 — ж. 4; 4, 12 — ж. 5; 5 — ж. 1; 7, 11 — ж. 7; 8 — яма 17.

Таблица XXXII. Гальки: 1 — ж. 3; 2, 4 — ж. 2; 3, 8 — ж. 6; 5 — ж. 1; 6, 7 — яма 30.

Таблица XXXIII. Гальки: 1, 3, 9 — ж. 5; 2, 5 — яма 16; 4 — ж. 7; 6, 7 — ж. 1; 8 — ж. 6.

Таблица XXXIV. Гальки: 1, 2 — ж. 2; 3, 4, 6 — ж. 6; 5 — ж. 4; 7, 9 — ж. 7; 8 — ж. 5.

Таблица XXXV. Гальки: 1—3, 6, 8 — ж. 7; 4 — ж. 5; 7 — ж. 1; 9 — ж. 4; 5 — яма 16.

Таблица XXXVI. Гальки: 1, 3 — ж. 4; 2, 12 — ж. 7; 4, 5, 7—10, 13 — ж. 6; 6 — яма 16; 11 — ж. 5.

Таблица XXXVII. Гальки: 1 — ж. 4; 2, 9 — ж. 5; 3, 4, 7 — ж. 7; 5 — ж. 1; 6 — яма 17; 8 — ж. 6.

Таблица XXXVIII. Гальки: 1, 2, 8, 10, 13 — ж. 6; 3, 20 — яма 30; 4, 14, 15, 17, 19 — ж. 1; 5, 11, 12, 16 — ж. 7; 6, 7 — ж. 5; 9 — ж. 2; 18 — «площадь»; 21 — яма 28.

Таблица XXXIX. Гальки: 1, 5—9 — ж. 7; 2 — яма 16; 3 — ж. 4; 4, 10 — ж. 6.

Таблица XL. Керамика: 2, 4, 7, 8, 11, 14, 19, 20, 22, 23 — ж. 1; 3, 6, 12, 13 — ж. 2; 15, 21 — ж. 3; 10 — ж. 4; 5, 17 — ж. 5; 9, 16, 24, 25 — ж. 6; 1, 18 — ж. 7.

Таблица XLI. Керамика: 3, 6, 8, 11, 18 — ж. 1; 9, 14, 15 — ж. 2; 20 — ж. 3; 13, 19, 22 — ж. 4; 2,

21, 23 — ж. 5; 5, 12, 16, 17 — ж. 6; 1, 4, 7, 10 — ж. 7.

Таблица XLII. Керамика: 6, 8, 13, 14, 17 — ж. 1; 11 — ж. 2; 3 — ж. 4; 1, 2, 10 — ж. 5; 4, 5, 7, 9, 12, 15, 17 — ж. 6.

Таблица XLIII. Керамика: 3, 5, 7, 9—11, 17 — ж. 1; 1 — ж. 2; 8, 12, 14 — ж. 3; 16 — ж. 5; 2, 4, 6, 13, 15, 18 — ж. 6.

Таблица XLIV. Керамика: 1—4, 8, 10—12, 15, 17 — ж. 1; 19 — ж. 2; 6 — ж. 3; 14 — ж. 4; 9, 18 — ж. 5; 5, 7, 13, 16 — ж. 6; 1 — ж. 7.

Таблица XLV. Керамика: 1, 4, 9—11, 16, 19 — ж. 1; 23 — ж. 2; 3 — ж. 3; 17, 18 — ж. 4; 2, 21 — ж. 5; 5—8, 12—15, 20, 22 — ж. 6.

Таблица XLVI. 1, 4, 6, 8 — ж. 1; 9, 10 — ж. 2; 3, 11, 12 — ж. 3; 5 — ж. 4; 2, 7 — ж. 6; 13, 14 — ж. 7.

Таблица XLVII. Керамика: 4, 7, 9, 13, 14, 18 — ж. 1; 12 — ж. 2; 10, 15 — ж. 3; 17 — ж. 4; 8, 16 — ж. 5; 1—3, 5, 11 — ж. 6; 6 — ж. 7.

Таблица XLVIII. Керамика: 1, 3, 13 — ж. 1; 2, 4, 9 — ж. 2; 5, 7, 12, 18 — ж. 3; 17 — ж. 4; 6, 8, 15, 16 — ж. 5; 10, 11 — ж. 6; 14 — ж. 7.

Таблица XLIX. Керамика: 1, 4, 6, 8—10, 13, 14 — ж. 1; 7 — ж. 2; 3 — ж. 4; 2, 11 — ж. 5; 5, 15 — ж. 6; 12 — ж. 7.

Таблица L. Керамика: 1, 2, 8, 12 — ж. 1; 7, 9 — ж. 2; 3, 11 — ж. 3; 10 — ж. 4; 4 — ж. 5; 5 — ж. 6; 6 — яма 17.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров, 1993 — *Бобров В. В.* Жилища лугавской культуры в Ачинско-Мариинской лесостепи // *Культура народов Евразийских степей в древности*. Барнаул, 1993. С. 118—131.
- Боковенко, 1986 — *Боковенко Н. А.* Начальный этап культуры ранних кочевников Саяно-Алтая: По материалам конского снаряжения. Л., 1986.
- Вадецкая, 1980 — *Вадецкая Э. Б.* Изваяния окуневской культуры // *Памятники окуневской культуры*. Л., 1980. С. 37—87.
- Вадецкая, 1986 — *Вадецкая Э. Б.* Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
- Волков, 1981 — *Волков В. В.* Оленные камни Монголии. Улан-Батор, 1981.
- Громов, 1995 — *Громов А. В.* Население юга Хакасии в эпоху поздней бронзы и проблема происхождения карасукской культуры // *Антропология сегодня*. Вып. I. СПб., 1995. С. 130—150.
- Грязнов, 1965 — *Грязнов М. П.* Работы Красноярской экспедиции: (1960—1963 гг.) // *КСИА*, 1965. Вып. 100. С. 62—71.
- Грязнов, 1979 — *Грязнов М. П.* Введение // *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее*. Новосибирск, 1979. С. 3—6.
- Грязнов, 1979а — *Грязнов М. П.* Карасукская культура // *Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее*. Новосибирск, 1979. С. 29—39.
- Даниленко, 1985 — *Даниленко Т. А.* Костяной инвентарь поселения Ботай // *Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья*. Челябинск, 1985. С. 34—47.
- Древности Урало-Казахстанских степей, 1991 — *Древности Урало-Казахстанских степей: [Каталог выставки]*. Челябинск, 1991.
- Дьяков, 1987 — *Дьяков В. И.* Антропоморфные керамические скульптуры из Приморья эпохи бронзы // *Первобытное искусство. Антропоморфные изображения*. Новосибирск, 1987. С. 125—132.
- Дэвлет, 1992 — *Дэвлет М. А.* О жилищах эпохи бронзы по материалам петроглифов // *Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова*. Ч. I. Омск, 1992. С. 112—116.
- Заднепровский, 1993 — *Заднепровский Ю. А.* Культурные связи населения эпохи бронзы и раннего железа Южной Сибири и Синьцзяна // *Проблемы культурогенеза и культурное наследие: (Материалы к конференции)*. Ч. 2. СПб., 1993. С. 99—103.
- Зайберт, 1993 — *Зайберт В. Ф.* Энеолит Урало-Иртышского междуречья. Петропавловск, 1993.
- Зах, 1995 — *Зах В. А.* Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск, 1995.
- Зяблин, 1977 — *Зяблин Л. П.* Карасукский могильник Малые Копены III. М., 1977.
- Кирюшин, Иванов, Удолов, 1990 — *Кирюшин Ю. Ф., Иванов Г. Е., Удолов В. С.* Новые материалы эпохи поздней бронзы Степного Алтая // *Археология и этнография Южной Сибири*. Барнаул, 1990. С. 104—128.
- Климашевский, 1974 — *Климашевский Э. Л.* Орнаментированные гальки из района истоков Ангары // *Древняя история народов юга Восточной Азии*. Вып. 2. Иркутск, 1974. С. 159—164.
- Комиссаров, 1988 — *Комиссаров С. А.* Комплекс вооружения древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. Новосибирск, 1988.
- Кузьмин, Лазаретов, 1995 — *Кузьмин Н. Ю., Лазаретов И. П.* Памятники эпохи поздней бронзы долины р. Уйбат: (Относительная хронология и интерпретация) // *Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия*. СПб., 1995. С. 33—37.

- Кузьмина, 1966 — *Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. 4—9. М., 1966.
- Кузьмина, 1994. — *Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? М., 1994.
- Кызласов, 1979 — *Кызласов Л. Р.* Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). М., 1979.
- Кызласов, 1986 — *Кызласов Л. Р.* Древнейшая Хакасия. М., 1986.
- Лазаретов, 1991 — *Лазаретов И. П.* Относительная хронология каменнолозовских памятников юга Хакасии // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 105—107.
- Лазаретов, 1992 — *Лазаретов И. П.* Конструктивные особенности погребальных сооружений предскифского времени: (Вопросы реконструкции и датировки) // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 12—14.
- Лазаретов, 1993 — *Лазаретов И. П.* К вопросу о валиковой керамике Южной Сибири // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. С. 129—132.
- Леонтьев, 1980 — *Леонтьев Н. В.* Колесный транспорт эпохи бронзы на Енисее // Вопросы археологии Хакасии. Абакан, 1980. С. 65—81.
- Максименков, 1975 — *Максименков Г. А.* Современное состояние вопроса о периодизации эпохи бронзы Минусинской котловины // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 48—58.
- Максименков, 1978 — *Максименков Г. А.* Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.
- Малютина, 1990 — *Малютина Т. С.* Поселения и жилища федоровской культуры Урало-Казахстанских степей // Археология Волго-Уральских степей. Челябинск, 1990. С. 100—127.
- Маргулан, 1979 — *Маргулан А. Х.* Бегазы-дандыбаевская культура. Алма-Ата, 1979.
- Матвеев, 1993 — *Матвеев А. В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск, 1993.
- Матющенко, 1974 — *Матющенко В. И.* Еловско-ирменская культура (приложения) // Из истории Сибири. Вып. 12. Томск, 1974.
- Мошинская, 1976 — *Мошинская В. И.* Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- Новгородова, 1970 — *Новгородова Э. А.* Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970.
- Павлов, 1995 — *Павлов П. Г.* К реконструкции карасукского погребального костюма // Южная Сибирь в древности. СПб., 1995. С. 47—56.
- Полосьмак, 1993 — *Полосьмак Н. В.* Исследование памятников скифского времени на Укоке // Altaica. Вып. 3. Новосибирск, 1993. С. 21—31.
- Пяткин, 1977 — *Пяткин Б. Н.* Некоторые вопросы датировки петроглифов Южной Сибири // Археология Южной Сибири (ИЛАИ. Вып. 9). Кемерово, 1977. С. 60—67.
- Савинов, 1976 — *Савинов Д. Г.* Памятники северных предгорий Кузнецкого Алатау // АО 1975 года. М., 1976. С. 275—276.
- Савинов, 1991 — *Савинов Д. Г.* Открытие карасукского поселения Торгажак в Хакасии: (Предварительное сообщение) // Древние культуры и археологические изыскания. СПб., 1991. С. 17—21.
- Савинов, 1993 — *Савинов Д. Г.* Изображения эпохи бронзы на плитах из курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993. С. 61—73.
- Савинов, 1994 — *Савинов Д. Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб., 1994.
- Савинов, 1995 — *Савинов Д. Г.* Изображения на курганных плитах как источник по истории населения тагарской культуры // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. Кемерово, 1995. С. 22—23.
- Савинов, Бобров, 1983 — *Савинов Д. Г., Бобров В. В.* Устинкинский могильник // Археология Южной Сибири (ИЛАИ. Вып. 12). Кемерово, 1983. С. 34—71.
- Савинов, Членова, 1978 — *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности. Новосибирск, 1978. С. 72—94.
- Севастьянова, 1977 — *Севастьянова Э. А.* Работы у станции Аскиз // АО 1976 года. М., 1977. С. 241—242.
- Семенов, 1992 — *Семенов В. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.
- Советова, 1987 — *Советова О. С.* Сюжет с великанами на скалах Тепсея // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 173—176.
- Соколова, 1995 — *Соколова Л. А.* Погребение в колыбели окуневского могильника Уйбат V // АВ. № 4. СПб., 1995. С. 44—50.
- Сосновский, 1941 — *Сосновский Г. П.* Плиточные могилы Забайкалья // Тр. ОИПК ГЭ. Л., 1941. С. 273—309.
- Студзицкая, 1987 — *Студзицкая С. В.* Изображение человека в искусстве древнего населения Урало-Западносибирского региона: (Эпоха бронзы) // Первобытное искусство. Антропоморфные изображения. Новосибирск, 1987. С. 73—88.

- Сунчугашев, 1989 — *Сунчугашев Я. И.* Памятники орошаемого земледелия в древней Хакасии. Красноярск, 1989.
- Теплоухов, 1927 — *Теплоухов С. А.* Древние погребения в Синусинском крае // МЭ. Т. 3. Вып. 2. Л., 1927. С. 57—112.
- Теплоухов, 1929 — *Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края: (В кратком изложении) // МЭ. Т. 4. Вып. 2. Л., 1929. С. 41—62.
- Хлобыстина, 1963 — *Хлобыстина М. Д.* Бронзовые изделия Хакасско-Минусинской котловины и развитие карасукской культуры. Л., 1963.
- Черников, 1960 — *Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. М.; Л., 1960.
- Черных, 1983 — *Черных Е. Н.* Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81—99.
- Членова, 1967 — *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Членова, 1972 — *Членова Н. Л.* Хронология памятников карасукской культуры. М., 1972.
- Членова, Бобров, 1991 — *Членова Н. Л., Бобров В. В.* Смешанные лугавско-ирменские памятники района Кузнецкого Алатау // Проблемы археологии Евразии. М., 1991.
- Чугунов, 1994 — *Чугунов К. В.* Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы: (Типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. № 8. СПб., 1994. С. 43—53.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО —	Археологические открытия
АВ —	Археологические вести
ИЛАИ —	Известия лаборатории археологических исследований
КСИА —	Краткие сообщения Института археологии
МИА —	Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ —	Материалы по этнографии
ПАВ —	Петербургский археологический вестник
САИ —	Свод археологических источников
Тр. ОИПК ГЭ —	Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
Архивные материалы	
Архив ИА —	Архив Института археологии РАН
Архив ИИМК —	Архив Института истории материальной культуры РАН

SUMMARY

The Southern Siberia (Minusinsk hollow) is a land of original ancient cultures, though various types of local archaeological monuments are not studied in the same degree. Burial mounds are studied best of all, while settlements are represented very poorly. Torgajak settlement, the largest of all presently known dating back to the Lower Bronze epoch, is situated on the South of the Minusinsk hollow. Excavations of the site took place in 1988—1990. There were seven houses on the studied part of the settlement (more than 1300 sq. m). Five of them surrounded an open «square» which, assumingly, was of a ritual character. Over 150 artifacts of bronze, bone, antler and stone were found, as well as several thousands fragments of ceramics of 300—400 vessels. 202 vessels were reconstructed from them. As of most interest, bronze sickles, grain-grinders, arrow-heads, horse harness items, stone vessel lids, etc. are worth mentioning. Pieces of art, like stone statuettes and plaques with horse depictions, found in specially arranged niches, numerous anthropomorphous and geometrical patterns on pebbles (222 artifacts), deserve particular attention, the latter presenting a new type of folk art, having no analogues in other cultures. It dates back to the Xth—IXth centuries B. C., a lower stage of Karasuk culture. Judging from the available data, the people of Torgajak were engaged in cattle-breeding, hunting, arable farming and, most likely, were of a semi-settled way of life. Horse harness items, found at the site, testify development of saddle-horse riding at the time as early as theirs. The materials received enable the researcher to define three different traditions participating in the lower Bronze culture of the Minusinsk hollow taking shape. One of them is connected with groups of alien new-comers from the Central Asia. Torgajak settlement was mostly used during summertime, when season (autumn and spring) festivals took place there. Character of pebble depictions and finds from the «square» allow to assume that they are linked with an idea of reincarnation, life-cycle securing of women and regeneration. Thus, Torgajak buildings can, at the same time, be regarded as the earliest «cult» constructions of the ancient population of the Southern Siberia.